

А. С. БУРДЕЙНЫЙ

В БОЯХ
ЗА РОДИНУ

К читателю

Эти строки и страницы
Дней и верет особый счет,
Как от западной границы
До своей родной Столицы
И от той родной Столицы
Вспять до западной границы
А от западной границы
Вплоть до вражеской Столицы
Мы свой делали поход

А.Твардовский

От Автора

Прошло 40 лет после окончания Великой Отечественной войны - одной из самых ожесточенных битв против реакционной ударной силы империализма - фашистской Германии.

"Нанеся сокрушительное поражение врагу, - говорится в Постановлении ЦК КПСС "О 40-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", - советский народ и его Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии отстояли свободу и независимость социалистической Родины, защитили дело Октября. Они внесли решающий вклад в победу над фашистской Германией и ее союзниками, в освобождение народов Европы от фашистского рабства, в спасение мировой цивилизации, с честью выполнили свой патриотический и интернациональный долг. В этом их величайшая заслуга перед человечеством".

Чем дальше уходят от нас грозные дни войны, тем глубже и острее мы осознаем величие подвига, совершенного нашим народом, и этот бессмертный подвиг будет вечно жить в памяти потомков.

Я горжусь тем, что в те трудные годы мне довелось принимать активное участие в борьбе наших Вооруженных Сил против немецко-фашистских захватчиков от западных границ нашей Родины — города Львова до сталинградских степей, а затем крутой поворот на запад до Восточной Пруссии — стен Кенигсберга. Начал войну в должности офицера штаба 4-го мехкорпуса, затем командира танкового полка и закончил как андиром танкового корпуса. За этот длинный и долгий путь вместе со всеми воинами Красной Армии делил горечь наших неудач и огромную радость наших побед.

О Великой Отечественной войне написано много хороших книг, публикаций и еще немало будет написано, так как интерес к ней не ослабевает, как мне думается потому, что слишком много жизней война отняла у нашего народа, слишком большие разрушения причинила она нашей Родине, но и вместе с этим Победа над фашистскими ордами принесла огромное счастье и свободу не только нам — советским людям, но и всем прогрессивным людям земли.

Как участнику войны с ее первых дней хочется вместе с читателем вспомнить трудное и грозное время первого года войны, переломный период 1942 года, когда под руководством Коммунистической партии, усилиями советского народа и его армии в ходе величайших сражений рождались новые силы, коренным образом изменявшие всю обстановку на фронтах войны.

Вместе с этим главное внимание читателя хотелось бы приковать к боевым действиям 24-го, затем переименованного во 2-й гвардейский Тацкинский, танкового корпуса, рассказать о героических делах большого коллектива этого прославленного танкового соединения, принимавшего участие во многих фронтовых операциях Великой Отечественной войны. Обратит также внимание читателя и на особенности в боевых действиях воинов этого корпуса, предназначенного для действий в оперативной глубине, в отрыве от стрелковых войск, как средства развития успеха армий и фронта и его результатов.

В книге на конкретных примерах рассматривается также роль подполиторганов, партийных и комсомольских организаций в создании сплоченного боевого коллектива, преданного своей Родине и способного умело использовать данное нам мощное и грозное оружие для достижения поставленных перед нами целей. Не умаляя значения и роли технического оснащения, мы исходили из того, что главной силой на войне был и остается человек, достойный доверия своего народа и способный защищать свою Родину. При этом подчеркивалось, что вместе с нами в строй навсегда остаются и те, кто смертью храбрых пал в бою, кто отдал свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины.

Это они, павшие и живые, коммунисты, комсомольцы и беспартийные покрыли неувядаемой славой гвардейское знамя танкового корпуса. Это они своим потом и кровью, мужеством и мастерством, высокой организованностью и дисциплиной, верностью военной присяге, своим ратным трудом вписали страницы боевого пути 2-го гвардейского Тацинского Краснознаменного ордена Суворова 2-й степени танкового корпуса. Им и посвящается этот труд.

Автор выражает глубокую признательность за добрые советы и помощь при работе над книгой Маршалу бронетанковых войск О.А.Лосику, генерал-майору Б.Д.Тютюннику, гвардии полковникам А.А.Белусову, П.С.Чегодарю и Н.П.Юдину и другим товарищам-однополчанам, поделившимся воспоминаниями о своих боевых делах в годы Великой Отечественной войны.

Глава I

ГОД ТЯЖЕЛЫХ ИСПЫТАНИЙ

Май 1940 года выдался для всех нас, выпускников Военной академии бронетанковых и механизированных войск¹⁾ тревожным. В стране внешнеполитическая обстановка накалялась - шла вторая мировая война, и каждый думал о том, куда забросит его судьба, но большинство желало попасть в западные военные округа, поближе к западным границам, где пахло уже порохом будущей войны.

На торжественном выпускном собрании начальник академии генерал-лейтенант Лебедев поздравил всех нас с успешным окончанием академии и подчеркнул, что в мире происходят большие изменения и нам нужно всегда быть готовыми использовать полученные нами знания на практике - для защиты нашей Родины. Как всегда в таких случаях речь изобилует героическими примерами боевых действий наших воинов в годы гражданской войны и последних лет, короткой, но трудной войны с Финляндией. Следует сказать, что боевые действия на финском фронте в стенах академии трансформировались очень медленно и скупо, но сказанное по этому поводу начальником академии было выслушано с большим вниманием. И это понятно. Мы получили большие знания, но опыта, естественно, получить не могли. В заключение собрания в торжественной обстановке мне вручили диплом с отличием, как и многим другим выпускникам командного факультета, и объявили приказ о присвоении вне внеочередного звания майора Красной Армии.

В эти памятные для меня дни особенно запомнилась встреча выпускников академии в Кремле с руководителями партии и правительства, с командованием Красной Армии и выступление на этой встрече И.В. Сталина. После поздравления нас с окончанием военных академий

¹⁾ До 1943 года она называлась "Военная академия механизации и моторизации РККА".

он главное внимание приковал к сложившейся к этому времени международной обстановке и ближайшим нашим задачам. Он сделал общий вывод о том, что в мире сложилась трудная и сложная обстановка — широко развернулась вторая мировая война. Капиталисты начали второй передел мира. Германия разорвала Версальский договор, развернула массовый выпуск вооружения, начала вторую мировую войну, а за ней последовали и многие другие страны. Подтверждая свой вывод, он широко раскрыл противоречия между империалистическими странами, подготовку их к новой империалистической войне, к переделу мира и привел факты, подтверждающие сказанное. В марте 1938 года Германия оккупировала Австрию и в этом же году отторгла Судетскую область у Чехословакии и затем ликвидировала суверенитет всей Чехословакии. Первого сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Не ввязываясь в мировую войну, мы вынуждены были взять под свою защиту западные районы Белоруссии и Украины, законно принадлежавшие нам. На востоке Япония ведет войну с Китаем — за расширение захваченной территории. Вторая империалистическая война стала фактом.

Партия и правительство делают все, что не позволить втянуть Советский Союз в эту войну, но не все зависит от нас. В этих условиях особенно важна высокая боевая готовность нашей армии, вооружение ее новой техникой и хорошо подготовленными кадрами. ИВ Сталин особенно подчеркнул, что задача молодых офицеров состоит в том, чтобы боевую подготовку и боевую готовность частей и подразделений поднять до уровня требований новой войны, хорошо знать и уметь применять новую боевую технику, поступающую в войска в большом количестве. При этом надо помнить, что успех дела всегда будут решать люди. Только люди, овладевшие техникой, могут и будут делать чудеса.

В конце выступления он еще раз напомнил, что окончившие высшую военную школу получили сумму теоретических знаний, но это только начало. Настоящая подготовка начнется в соединении их с практикой, в преодолении трудностей, которые неизбежно встретятся в жизни. Только люди, закаленные в борьбе с трудностями, добьются цели. Не надо бояться трудностей, а надо идти им навстречу, преодолевать их. Люди, закаленные в борьбе, непобедимы.

Мы видели и прекрасно понимали, что наша партия и правительство используют все имеющиеся возможности в борьбе за мир: мы вступили в Лигу Наций, заключили ряд договоров о взаимной помощи с Францией, Чехословакией, с Монгольской Народной Республикой, заключили договор о взаимном ненападении с Китайской Республикой. Все это было сделано для того, чтобы обеспечить строительство социализма в нашей стране в мирных условиях. Но вместе с этим партия развернула большую работу по усилению боевой готовности Красной Армии и Военно-Морского Флота.

В обстановке развернувшейся второй мировой войны и с ясными напутствиями наших партийных и военных руководителей, со свежими знаниями и бодрым настроением как можно скорее взялся за работу в подразделениях и частях мы разъехались по местам своей службы.

Я был назначен на должность помощника начальника штаба по разведке 53-го танкового полка 4-го механизированного корпуса, штаб которого размещался в городе Львове. Командование полка, офицеры штаба приняли меня очень хорошо, и я ушел с головой в интересную для меня работу. Только что сформированный полк получал на вооружение новую технику - БТ-7, которую я знал хорошо. Еще в 1932 году после окончания Саратовской бронетанковой школы (в то время средний комиссостав готовился в школах) я был назначен командиром танкового взвода в бригаду им. К. Б. Калиновского в г. Наро-Томинск в 5-й танковый батальон, на вооружении которого

были только что принятые новые танки с Харьковского завода. Все мы, молодые офицеры, в то время ежегодно проходили практику на этом заводе - работали в сборочных цехах на сборке агрегатов и самих танков. Эта практика дала нам, по существу, все необходимое для изучения нового танка, так как в Саратовской школе мы знакомились со старыми системами техники типа трактора "Фордзон" и танка МС-1. И не случайно написал "знакомился" потому, что за 9 месяцев учебы в Саратовской школе изучить в полном объеме танк даже старого типа было невозможно. Все эти крайне необходимые знания были восполнены на заводской практике и практической учебе на этих танках в бригаде им.К.Б.Калиновского в поле, на танкодромах и полигонах. Все офицеры нашего батальона - командиры взводов и рот - получили большой опыт вождения этих колесно-гусеничных танков (БТ) на ежегодных тренировках и парадах на Красной Площади к майским и октябрьским праздникам. Офицеры этой категории лучше знали танк и увереннее водили его, чем механики-водители, и в наиболее ответственные периоды сами садились за рычаги боевой машины. Знания боевой машины и опыт ее эксплуатации, полученные в бригаде им.К.Б.Калиновского и академии, позволили мне уверенно взяться за выполнение своих обязанностей на новом месте службы.

Мне вспомнился случай, связанный с практикой нашей учебы. В 1934 или 1935 годах летом после очередных занятий на полигоне, находившемся в 10-12 километрах западнее Наро-Фоминска, мой взвод - два танка БТ-5, возвращался домой. Механик-водитель В.Тимошин почувствовал себя плохо и я сел за рычаги управления. Выехали на шоссе и, чтобы быстрее возвратиться в расположение части, вместе с механиком-водителем и заряжающим сняли гусеничную ленту и перешел на колесный ход, но при этом забыл в спешке подтянуть пружинные амортизаторы на двух парах средних колес. Дорога

проходила через лесной массив и набрав большую скорость - до 50 км, почувствовал, что машина плохо слушается руля и в этот момент машину бросило через ковет в лес. Деревья одно за другим затрепачали, мелколесье закрыло видимость и проскочив 40-50 метров машину остановил толстый дуб. Двигатель странно засвистел и заглох.

Минуты две-три мы приходили в себя. Ни стопа, ни дыма не слышу и не чувствую ... значит никто не пострадал и не горим, а это думаю главное. Оглянулся назад. Мой экипаж сидит на полу и ничего понять не может.

Через несколько минут выбрались из танка, осмотрели машину и обнаружили, что поломались пружинные амортизаторы (свечи) и у двигателя выбило свечу зажигания. В таком положении танк двигаться не мог - серьезная авария, за которую следовало строгое наказание.

За мной шел второй танк. Пришлось буксировать аварийный танк в парк. День шел к концу, но мы сумели найти заместителя командира батальона по технической части и в течение ночи поставили новые амортизаторы и исправили другие мелкие недостатки.

Утром следующего дня пришлось докладывать о случившемся командиру батальона и комиссару батальона.

- Ну что теперь будем делать лейтенант Бурдейный, спросил он меня. Сколько времени потребуется на его ремонт?

- Товарищ майор, танк восстановлен и разрешите продолжать нам очередные стрельбы.

Комбат был очень удивлен, но заместитель по техчасти подтвердил правильность моего доклада.

- Ну и молодец сказал он. Так, что же мне теперь с вами делать? Наказывать или миловать?

Тут вмешался комиссар.

— По-видимому тов. Бурдейный и его экипаж не только хорошо знают боевую машину, но умеют и исправлять крупные поломки. Они сами себя наказали — ночь не отдыхали. Думаю, что можно ограничиться нашим разговором, а выводы командир взвода сделает для себя сам.

Отделался я легко, но позже ни сам, ни своим подчиненным не разрешал превышать скорости на этом быстроходном танке. Так мы осваивали новую технику. Всем хотелось как можно быстрее и лучше овладеть новыми танками и не обходилось и без печальных промахов в нашей учебе.

В годы войны я не раз вспоминал этот случай и сам учился и учил подчиненных мне танкистов — хорошо знать боевую машину и когда нужно самим устранять даже крупные неисправности.

В октябре этого же года я был назначен на новую должность — помощником начальника оперативного отдела штаба вновь сформированного 4-го механизированного корпуса, который также размещался в г. Львове. Штаб корпуса возглавил генерал-майор А.А. Мартьянов, а командовал корпусом молодой, энергичный, высокоподготовленный и очень требовательный генерал-майор Потапов М.И.

Потапов родился в 1902 году, в Красной Армии — с 1920 года. Участник Гражданской войны. В 1936 году окончил Военную академию моторизации и механизации им. Сталина. Прошел длинный путь от солдата до командира танковой бригады, участвовал в боях на Халхин-Голе и теперь командовал крупным танковым соединением. В корпусе среди всего личного состава он пользовался огромным авторитетом. В сентябре 1941 г., будучи тяжело раненным, попал в плен, но не потерял ни командирские, ни партийные качества. Мне довелось с ним встречаться в послевоенные годы в Одесском военном округе, и я лишний раз убедился в его высоких достоинствах советского гражданина, товарища и коммуниста.

Коллектив оперативного отдела был небольшой, всего шесть офицеров и несколько служащих, но очень дружный и работоспособный. Возглавлял отдел подготовленный и энергичный полковник Дмитрий Харитонович Черниенко. Направление моей работы - связь с войсками, подготовка оперативных сводок и донесений и контроль за исполнением оперативных директив и приказов высших инстанций, приказов и директив командования и штаба корпуса. Участок работы очень широкий, поэтому часто приходилось бывать в соединениях корпуса - 8 и 32-й танковых и 81-й моторизованной дивизиях - и на учениях штабов и войсковых учениях этих соединений.

В этот период ускоренно завершалось друкокомплектование частей корпуса личным составом и новой техникой - танками KB-I и T-34 и главное внимание было обращено на изучение и освоение получаемой техники и на подготовку в первую очередь подразделений - взводов, рот, батальонов. Не упускались и вопросы управления частями и соединениями - подготовка штабов всех уровней. Большое внимание уделялось воспитанию всего личного состава и его готовности к защите своей Родины.

Особенно беспокоило командование, да и весь командный, политический и технический состав корпуса, освоение новой техники. 4-й механизированный корпус получал ее одним из первых в Советской Армии и в большом количестве. За короткий срок, до июня 1941 года, он был хорошо укомплектован новой техникой и забота о ее освоении была первоочередной задачей.

На западе шла война, и скудные сведения, поступавшие к нам с полей сражений о техническом вооружении фашистской армии, подтверждали наше преимущество в новом танке, поэтому его освоение играло первостепенную роль в повышении боеспособности танковых войск в первую очередь. Этим вопросам большое внимание уделяло и командование Киевского Особого военного округа.

В конце мая 1941 года боевую готовность войск 4-го механизированного корпуса проверял командующий войсками округа генерал М.И. Кирпонос с группой начальников служб и отделов округа. Он видел одиночную подготовку танкистов на танкодроме и убедился в серьезных недостатках как в вождении танков, так и в стрельбе. В лучшую сторону выделялся офицерский состав, но это не устраивало командующего. В боевых условиях водить и стрелять из боевой машины будет рядовой и сержантский состав, а он не был еще достаточно подготовлен: механики-водители имели небольшую практику вождения - 3-5 моточасов, а стреляющие из пушки и пулемета отрабатывали на полигонах только начальные упражнения. Все это, безусловно, тревожило командующего, и он приказал использовать максимум времени для одиночной подготовки и слаживанию подразделений в первую очередь.

Ночью он приказал поднять по боевой тревоге 8-ю танковую дивизию и поставил задачу вывести дивизию в район сосредоточения по боевой тревоге - 25-30 км западнее города Львова. Если сбор по тревоге прошел удовлетворительно, то марш в район сосредоточения прошел слабо: на маршрутах движения танковых полков по различным причинам отстало много танков и в первую очередь из-за слабой подготовки механиков-водителей и различных технических неисправностей. Положение усложнилось еще и тем, что новую технику получили без крайне необходимого количества запасных частей. Многие неисправности экипаж мог сам устранить при наличии запасных частей, но, к сожалению, их недоставало. Конечно командующий приказал принять меры и устранить вскрытые недостатки, но и генерал Кирпонос и командование корпусом и дивизией понимали, что выполнить это распоряжение было не просто. Для того чтобы изучить новую технику, научиться управлять ею, вести меткий огонь из боевой машины и устранять неисправности необходимо было время и немалое. Промышленность

только приступила к серийному производству новых танков, поэтому было много недоделок конструктивного и производственного характера, да и обучение эксплуатации новой техники только началось. Резкий скачок от подвижных средств, какими до этого была лошадь, к совершенно новым - техническим подвижным средствам борьбы требовал нового мышления командного состава, а для этого также необходимо было время. Все это вместе взятое и создало те неизбежные трудности, которые мы встретили в первые годы войны.

Как это подтверждает опыт и сегодняшних дней, от идеи до ее освоения проходит длительный период, когда необходимо по возможности готовить в одно время все звенья этой цепи. Очень сложно, но надо.

х х х

Тревожная обстановка на западной границе нарастала. Самолеты противника чаще стали нарушать наше воздушное пространство и пролетать над нашей территорией, но во избежание провокации открывать огонь по самолетам противника было запрещено. По сведениям разведорганов 6-й армии, откуда мы получали всю информацию об обстановке на границе, в районы Люблин, Жешув, Замостье и южнее противник подводит танки, артиллерию и моторизованные войска. Поступали также сведения о том, что из этих районов фашистское командование выселяет все местное население в глубь Польши. Обмениваясь мнением в своем кругу, мы приходили к общему выводу, что фашисты ускоренно готовятся к нападению на нашу страну.

Особое чувство тревоги росло еще и потому, что основные силы корпуса размещались в городе и на его окраинах, в военных городках, ранее занимавшихся польскими частями и потому хорошо известных фашистскому командованию, и в случае удара авиации противника по этим пунктам мы неизбежно понесли бы большие потери, а следова-

тельно, и потеряли боеспособность корпуса. По этой ли причине, или по другой, но командование корпуса получило разрешение вывести войска из города по учебной тревоге в районы, подготовленные для этой цели (25-30 км западнее города Львова).

В период 15-18-го июня, в ночное время, соединения, корпусные части и штабы вышли в свои районы и хорошо укрыли людей и боевую технику. Чтобы убедиться, насколько тщательно укрыты войска в своих районах, мы, офицеры штаба корпуса, ежедневно делали облеты на ЦО-2, проверяли дисциплину маскировки и, естественно, принимали меры к устранению обнаруженных недостатков. В важности такой проверки мы убедились позже, с началом войны: войска хорошо замаскированные и укрытые бомбовым ударам не подвергались.

По распоряжению начальника штаба корпуса генерала А.А.Мартынова все части выставили непосредственное охранение, посты наблюдения за воздухом, а на наиболее опасных направлениях на Сокаль, Рава-Русская, Перемышль и Самбор выслана разведка, на которую была возложена задача держать связь с впереди действующими стрелковыми и кавалерийскими соединениями и информацию от них передавать в штаб корпуса.

Однако не все, как оказалось, было предусмотрено. На третьи сутки (18-19 июня) было обнаружено, что войска вышли в свои районы без боеприпасов, так как выводились они по планам учебной тревоги, когда вывоз боеприпасов не предусматривается. Виновен в этом был оперативный отдел штаба, то есть мы. Отдавая распоряжение войскам о выводе частей по учебной тревоге, мы не указали, чтобы забрали с собой и боеприпасы. Благо, что обстановка позволила нам своевременно исправить это серьезное упущение и боеприпасы были подвезены, но их подготовка и особенно набивка магазинов патронами, производившаяся вручную, и укладка в боевые машины заняли много времени.

В районах сосредоточения не были выведены артиллерийские и инженерные части, находившиеся в это время на специальных сборах.

Все последние дни и часы работы штаба проходили в напряженной обстановке, и никто из офицеров и служащих не смог даже поведаться со своими семьями. Эвакуация семей проводилась в последние дни и даже часы офицерами 5-го отдела штаба корпуса (отдел материального обеспечения).

х х х

22-го июня война застала нас в районе сосредоточения по тревоге - в лесах западнее г. Львова в районе Иваново-Франковск, Рудно, Бреховичи. Впереди нас, в 45-60 километрах северо-западнее, западнее и юго-западнее вдоль границы, полуокружавшей Львовский выступ, действовали пограничные, стрелковые и кавалерийские войска 6-й армии, принявшие на себя всю тяжесть первого и поэтому самого страшного удара.

Еще перед рассветом воскресного дня - 22-го июня мы получили информацию из штаба 6-й армии о возможном переходе в наступление фашистских войск с утра этого дня. И в этот же день - распоряжение о переходе корпуса в оперативное подчинение 6-й армии. Тут же все части были подняты по тревоге, приведены в полную боевую готовность все вооружение и боевая техника. Ждали рассвета. Точные сведения о начале военных действий мы узнали от самого противника - его авиация начала бомбить ближайшие от нас наши аэродромы, а вскоре поступили сведения и из города о том, что почти все военные городки, занимавшиеся ранее нашими войсками, подверглись бомбовым ударам и горят. К счастью, никто из частей корпуса не попал под этот удар. Позже мы узнали, а потом убедились в ходе боев, что в этот период большие потери понесла наша авиация, находившаяся на пограничных аэродромах.

И эти налеты авиации противника развеяли всякие сомнения, у кого они еще были. Великая Отечественная война началась.

С первых же часов наступления вражеских войск мы встретились с большими сложностями и трудностями в управлении войсками. Приказы, распоряжения приходили к исполнителям часто с большим опозданием или задерживалось настолько, что теряли свое значение. Использование радиосредств было чрезвычайно затруднено - оперативный документ сначала надо было зашифровать или закодировать, затем шла передача текста в условиях значительных помех в эфире, а затем много времени уходило на расшифрование текста. Да и должного опыта работы у нас не было. Поэтому мы старались как можно реже прибегать к этим средствам связи. Проводные средства связи часто выходили из строя и также были не надежны. Единственно надежным средством были подвижные средства, но использование их отнимало значительное время. Большие трудности создавала нам и фашистская агентура. Еще перед началом наступления враг забросил на нашу территорию большое количество своих агентов и диверсантов, да и среди местного населения того времени их было немало, в основном это были бандеровцы. В один из первых дней войны мне потребовалось выехать в город Львов по заданию начальника штаба корпуса. Диверсанты, заметив одиночную военную машину, обстреляли нас из автомата из какого-то здания. Таких случаев было много. Мы вынуждены были ездить по городу в бронемашинах или в сопровождении их.

Трудная обстановка на границе и в приграничной зоне требовала от войск высокой бдительности, дисциплины и организованности. В этих чрезвычайных условиях неоценимую помощь нам оказывали советские контрразведчики, выполнявшие большую и очень важную работу по очистке территории и войск от этой ирази. Так что с первых же дней войны борьба шла открыто на фронте и в приграничной зоне - в тылу наших войск.

В первые несколько дней войны большая и трудная задача решалась нашими пограничными войсками и частями укрепленных районов, развернутыми на главных направлениях нашей западной границы. Их главной задачей было, как я понимал, как можно дольше задержать противника на границе и в приграничных районах с тем, чтобы обеспечить командованию Юго-Западным фронтом подход войск к району боевых действий, для того, чтобы защитить нашу Родину. Свои задачи они с честью выполнили; встретили врага огнем и контратаками и задержали его на значительное время. Враг считал, что на нашей земле он не будет развертывать свои танковые и моторизованные колонны, а церемониальным маршем пройдет в глубь страны и в короткий срок одержит победу. Пограничные войска и передовые соединения Красной Армии развеяли вражеские мечты в первые же дни войны.

Вот один геройский подвиг из тысячи тех, которые стали известны нам позже.

Начальник заставы лейтенант П.С.Нечаев на Перемышльском направлении со своим небольшим подразделением несколько суток удерживал мост через реку Сан. Враг при поддержке артиллерийского огня несколько раз переходил в атаку, но наши воины отражали все его атаки. Тогда противник обошел с флангов мостовую переправу, форсировал речку вброд и вышел в тыл оборонявшемуся подразделению. Все больше выходило из строя бойцов, но захватить мост врагу не удалось. Оставшись один лейтенант Нечаев подпустил к себе большую группу фашистов и взорвал заранее подготовленную связку гранат. Погибая, он уничтожил большую группу озверевшего врага.

Пограничные войска сражались как герои на всех направлениях, где враг нарушил нашу границу. Они первыми показали достойный пример стойкости, мужества в смертельной схватке с врагом нашей Родины.

К исходу дня 22-го июня напряжение несколько уменьшилось и мы стали чаще и подробнее получать информацию о положении на фронте. Из нее мы могли определить три направления в полосе нашего фронта, на которых противник начал наступления: 1) из района Лубины на Владимир Волынский и Слуцк; 2) из района Лубича Крулевская на Рова Русская, Львов и из районов Перемышль, Самок на Самбор,

Стрый в обход Львова с юга. Какой из них главный, нам определить было трудно, потому что командующий фронтом мог использовать корпус на одном из них, и следовало готовиться к действиям по любому направлению, что мы и делали.

Поздно ночью с 22-го на 23 июня мы получили боевое распоряжение штаба фронта с рассветом 23-го форсированным маршем идти на север, в район Червоноград, Селен, Павлов (все пункты 60-80 км севернее и северо-восточнее г. Львов) в готовности совместно с 8-м мехкорпусом нанести удар по флангу вклинившейся группировке врага в общем направлении на Сокаль. Мы также были проинформированы о том, что в это же время с севера будут наносить удар войска 5-й армии силами 22-го мехкорпуса со стрелковыми соединениями, а с востока из района Броды - силами 15-го механизированного корпуса. Так, по численности корпусов их было много (4) и, как мне представлялось, контрудар будет очень сильным. Но нам было известно, что только 4 и 8-й механизированные корпуса получали новые танки, и то получили еще не полностью, а остальные два имели танки в небольшом количестве и старых образцов. Во всяком случае, мы хорошо понимали, что это будет первая попытка использовать крупные механизированные соединения для решительных действий и нам предстоит первым проявить их силу и возможность.

Войскам были поставлены задачи, и с рассветом 23-го июня корпус начал свой марш-маневр на север. Погода стояла пасмурная, ночью прошли сильные дожди и полевые дороги для транспортных машин

были труднопроходимы. Шли в основном танки, с трудом преодолевая небольшие препятствия, - речки, ручьи, заболоченные участки дорог. Одно нас радовало - небо закрыто тучами и авиация противника летать не сможет. И все же колонны танков стали редеть и по техническим причинам, и из-за неподготовленности механиков-водителей. Танков остановилось много. С большими трудностями головные части вышли в назначенные им районы, остальные подходили к своим районам. Высланная разведка и офицеры штаба связались с впереди действующими частями 3-й кавалерийской дивизии, но где находился штаб дивизии, установить не смогли. Посланные офицеры штаба корпуса в Броды с задачей найти кого-то из 8-го механизированного корпуса также выполнить ее не смогли - никого из этого корпуса не нашли. Наступила ночь. Штаб корпуса, штабы соединений и частей и командиры этих звеньев приступили к подготовке наступления на следующий день.

Утром 24-го июня прибыл к нам офицер штаба 6-й армии с пакетом. Открыв пакет, генерал Мартыанов так и ахнул. "Все пропало", - сказал он, что и у кого пропало, мне и полковнику Черниенко было непонятно. Затем дополнил: "Вы отдавайте все необходимые распоряжения войскам за моей подписью, чтобы отставили всю подготовку к завтрашнему наступлению и готовились к обратному маршу на Львов", а сам поехал к командиру корпуса.

Мы поняли, что предстоит сделать поворот на 180°, но распоряжение войскам отдавать воздержались: мало ли как может измениться обстановка? В такой суматохе все может случиться, а главное, как объяснить это войскам? Неужели нельзя было предвидеть на сутки вперед? Подумав, пришли к общему заключению - мы плохо знали или совсем не знали намерения противника. Враг раздвигает наши силы на разные направления и этим облегчает себе задачу прорыва в глубь нашей страны.

Возвратившись от командира корпуса, начальник штаба объяснил нам причину поворота — противник большими силами прорвался через Рава-Русская и Перемышль и наступает на Львов. 4-му мехкорпусу приказано форсированным маршем к исходу дня 24-го июня выйти в район западнее Львова в готовности совместно с общевойсковыми соединениями 6-й армии нанести удар на Рава-Русском или Перемышльском направлениях с целью разгромить наступающего врага, а остатки отбросить за пределы границы Советского Союза. На каком направлении придется наступать, обстановка подскажет на месте.

Сейчас необходимо подготовить и отдать войскам распоряжение на поворот и помочь подвести горючее для заправки танков. Танки, отставшие на марше, после их восстановления отправлять в свои районы сосредоточения западнее Львова.

Работали все — командиры, политработники, штабы, технические и тыловые службы. И все же начало выдвижения частей несколько задержалось из-за подвоза дизельного топлива. Дожди испортили дороги да и транспортных машин не хватало, приходилось вытаскивать и подтаскивать на проезжую дорогу их танками. С большими трудностями к концу дня 25-го корпус в основном вышел в указанный нам район и приступил к подготовке направлений, как было ранее указано, на Рава-Русскую и Перемышль. Как в первом марше на север, так и на марше при возвращении, вышло из строя большое количество танков по тем же причинам, о которых я уже говорил. Потребовалось большое время на их восстановление и возвращение в строй. Часть из них, которая требовала замены сложных агрегатов, мы в короткое время восстановить не смогли.

В течение пяти суток войска 6-й армии на Рава-Русском и 26-й армии на Пережешальском направлениях сдерживали наступление противника, и еще не было известно, где и какой группировкой враг нанесет главный удар. В связи с тем, что 8-й механизированный корпус командующий фронтом из 26-й армии забрал на Луцкое направление, где противник ввел в бой большие силы, нам - 4-му межкорпусу - надо было готовиться к контрудару по двум направлениям - Рава Русском и Пережешальском. Вместе с этим прорабатывался вопрос отхода наших войск на рубеж реки Стирь-Броды-Золочев, и оперативный отдел штаба готовил проекты вариантов и по этому вопросу.

Ночь с 26-го на 27-е июня прошла в подготовке контрудара на северо-запад в направлении Рава-Русская. К утру сюда перегруппировалась артиллерия 6-й армии и стрелковые соединения 6-го стрелкового корпуса. Для удара с воздуха привлекалось небольшое количество бомбардировочной и истребительной авиации. В 6.00 или 7.00 (точно не помню) артиллерия открыла мощный огонь по скоплениям противника, разведанного еще накануне. Затем последовал удар авиации в глубине расположения войск врага и где-то около 8 часов перешли в наступление две танковых - 8 и 32-я дивизии нашего корпуса и две стрелковые дивизии 6-го стрелкового корпуса.

Я находился в боевых порядках 8-й танковой дивизии как офицер штаба корпуса на танке KB-I. Наступление шло из района населенного пункта Куликов в направлении на Нестеров, справа и слева дороги. Левее нас - 8-я танковой дивизии, наступала 32-я танковая дивизия. Это была первая атака войсками корпуса по наступающему противнику. Погода выдалась хорошей. В небе разыгрался бой авиации противника с нашими истребителями, не позволившими безнаказанно бомбить наши боевые порядки. Где-то в 8 или 9 часов пошли в атаку танки, а за ними и стрелковые подразделения. Трудно вспомнить детали этого боя. Прошло уже 45 лет, а подобных встреч с врагом было немало, но

запомнилось главное. Фашисты совершенно не ожидали от нас такого удара. У противника были развернуты в боевой порядок только передовые подразделения, их танки и противотанковые средства. Главные силы стояли в колоннах левее и правее дороги. Так их застала ночь и утро. Они, по-видимому, завтракали, так как во многих мостах стояли подъехавшие в подразделения кухни с горячей пищей. Первая линия подразделения успела открыть огонь по нашим танкам из всех видов оружия, в том числе и из противотанковой артиллерии.

В это время противотанковые части пехотных дивизий противника были вооружены 37- и 50-мм мелкокалиберными пушками и пробить броню наших новых танков не могли. Не лучше обстояло дело и с вооружением танков. Мы встретили на поле боя танки Т-III и Т-IV с 37- и частично с 50-мм пушками, и в первой же встрече с нами эти танки понесли большие потери. По-видимому, опыт боев на западе показал немецкому командованию слабые стороны вооружения своего танка, и уже в 1941 году промышленность приступила к модернизации танка Т-IV на захваченных заводах в Чехословакии, устанавливая на этот танк 75-мм короткоствольную пушку. Появление танка Т-34 на поле боя было большой неожиданностью для противника. Вспоминая первые годы войны, генерал Гудериан писал: "Множество танков Т-34 вступили в боевые действия и нанесли тяжелые потери немецким танкам. До этого мы имели превосходство, но теперь ситуация стала обратной. Перспектива быстрых, решительных побед отодвинулась в неопределенность".

В горячке боя наши танкисты не могли толком понять, что происходило. Чувствуют, что по броне танка барабанят пули, по танку удиряют снаряды как удары молотом, и только после боя выяснилось, что и пули и снаряды отскакивали от танка, не пробивая броню. На многих танках остались следы попадания снарядов — продолгие и глубокие вмятины или вмямки. Такие вмятины имело большинство

наших танков. У части танков (37-мм) бронебойные снаряды, попав в броню под большим углом, вбивались в броню и так и остались свидетелями жестокого боя. К сожалению, не сохранились такие танки для потомства как дорогая память тем металлургам, кто варил эту сталь.

Все мы убедились в том, что оба наших танка - KB-I и T-34, разработанные в очень короткие сроки талантливыми конструкторами Ж.Я.Котини, М.И.Кошкиным, А.А.Морозовым и Н.А.Кучеренко, значительно превосходили по конструктивным, огневым возможностям и тактико-технической характеристике танки противника. Дизельные двигатели (на немецких стояли бензиновые) не имели себе равных, широкая гусеница обеспечивала хорошую проходимость танка в тяжелых условиях местности, танки были просты в управлении.

Эти достоинства наших танков не только сохранились, но и во многом наращивались в период всей войны, о чем будет сказано позже. Их конструкция, огневые возможности, мощности двигателя обеспечили нам преимущество над танками противника в течение всей Великой Отечественной войны.

В ходе нашей первой схватки западнее г.Львова паника охватила фашистских солдат. Увидев, что их снаряды не пробивают наши танки, бросали пушки, спасались бегством на запад или в ближайшие укрытия (окопы, блиндажи). В конце дня, углубившись в боевые порядки врага на 10-15 км, мы встретили сильный огонь крупнокалиберной артиллерии и вынуждены были остановиться. На этом направлении противник больше активности не проявлял.

К сожалению, наш контрудар на одном - Рава Русском направлении не мог повлиять на общий ход событий. На севере - на Луцком направлении враг продолжал развивать наступление в юго-восточном направлении, а на юге, в стыке 6 и 26 армии наступал из Самбора, Стрый, угрожая взять в клещи и окружить наши войска на Львовском выступе.

Обстановка резко менялась, и вечером 29 июня мы получили приказ начать отход, а 30-го июня мы оставили город Львов. Основной замысел врага окружить наши войска 6 и 26-й армий и 4-го мехкорпуса, оборонявшие Львовский выступ, провалился. Корпус отходил за Золочев, Тернополь, Старо-Константинов, Бердичев. Начальник штаба корпуса генерал Мартыанов заставил нас разработать подробный план отхода войск корпуса с соблюдением правил тактики подвижной обороны. Соблюдение этой тактики войсками позволило нам, не теряя управления, организованно отходить с одного рубежа на другой. Наша тактика заключалась в том, что мы последовательно занимали два оборонительных рубежа: на первом рубеже занимали оборону танковые дивизии с приданными стрелковыми соединениями, а в глубине — 10–15 км оборону занимала наша 81-я моторизованная дивизия, усиленная танками, артиллерией и транспортом. Противник при подходе к первому рубежу обороны, встретив огонь наших войск, вынужден был останавливаться, тратить время на развертывание и подготовку к наступлению, и как только мы узнавали по данным разведки, что противник приготовился к наступлению, отводили главные силы с первого рубежа на третий, прикрывая отход подвижными отрядами заграднения. Такая тактика отхода давала возможность выиграть время, но и вместе с этим увеличивались наши потери. Из-за отсутствия средств эвакуации мы вынуждены были оставлять на поле боя поврежденную в бою и технически неисправную боевую технику, что значительно сокращало наши возможности по восстановлению боеспособности частей. Особенно это относилось к тяжелой технике. Танки, требующие сложного ремонта демонтировали, а остальные бросали.

7-го июля мы прошли рубеж старых укрепленных районов Новоград-Вольский-Шепетовский-Проскуровский, на котором предполагалось закрепились войскам 6 и 26-й армий и нам. Противник упредил нас.

Уже 7 и 8-го он захватил Бердичев, а 9-го - и Житомир и создал угрозу прорыва на Киев. Для того, чтобы остановить противника и выиграть время, командование фронтом решило нанести контрудары на Житомирском и Бердичевском направлениях. Для этого контрудара привлекались 15 и 4-й механизированные корпуса и стрелковые соединения общевойсковых армий, вышедших в этот район. Бои, начавшиеся в районе Бердичев 9-го июля, продолжались до 15-го числа, на какое-то время задержали наступление противника и дали возможность командованию Юго-Западного фронта более надежно прикрыть Киевское направление.

Резко изменилась обстановка и для нас. В связи с большими потерями танков в каждом соединении в середине июля было принято решение руководством фронта свести оставшиеся танковые подразделения в 8-ю танковую дивизию под командованием полковника Фодченко, подчинив ее командующему 6-й армии, а штабы дивизий, полков и батальонов, оставшиеся без боевой материальной части, вывести на восточный берег Днепра в районы Яготин и Пирятин. Штабу 4-го механизированного корпуса было приказано сосредоточиться в начале в Пирятин, а затем перевели его в г. Киев где на его базе была развернута 37-я армия. Командованию 37-й армии были подчинены весь Киевский гарнизон и укрепленные районы города. Подготовленные укрепрайоны были заняты уже предназначенными для этой цели специальными пятью батальонами. Весь укрепрайон делился на два сектора - северный и южный. Уровские части были усилены полевой артиллерией и специальными инженерными войсками. Район был очень большой. Его передний край проходил по реке Ирпень до Белгородки, затем поворачивал на юго-восток до Васильков и по реке Стучна упирался в Днепр. Укрепленный район усиливался подходедами стрелковыми, десантными, артиллерийскими войсками, полком НКВД и двумя Киевскими артиллерийскими училищами.

Большую помощь нам оказали городские партийные органы и городские власти. Их решением были созданы 13 истребительных батальонов, 19 отрядов ополчения, состоящих из рабочих и коммунистов города. Решением ЦК Компартии Украины было организовано партийное движение в оккупированных районах. В частности, Киевской партийной организацией было организовано более десяти партизанских отрядов, действовавших вокруг г.Киева. Кроме этих сил, десятки тысяч трудящихся привлекались для работ по усилению своего укрепленного района: копали ров, устраивали завалы, готовили и выставляли противотанковые препятствия. В общем Киев было кому и чем оборонять. Сложно и трудно было новому штабу 37-й армии (бывший штаб корпуса) взять управление такой машиной в свои руки. Большую помощь нам оказали командующий фронтом генерал М.П.Кирпонос, член Военного Совета Н.Н.Вашугин и начальник штаба генерал А.А.Пуркаев. В связи с развертыванием штаба корпуса в штаб армии я был назначен старшим офицером в отдел бронетанковой службы армии. Начальником бронетанковой службы был назначен полковник Н.А.Новиков. Бронетанковых сил в гарнизоне почти не было: был один 132-й танковый полк, в котором было семь легких танков, да два бронепоезда. Офицеры нашей службы работали в основном с офицерами оперативного отдела. Полковник Новиков был опытным и высокоподготовленным начальником. В армии он был с 1932 года, окончил академию им.Фрунзе, а перед войной прошел ускоренный курс академии Генерального штаба и был назначен командиром 35-й танковой дивизии, имевшей небольшое количество танков старых марок. В первые дни войны дивизия в боях потеряла свои танки, и штабы частей и дивизий были введены в резерв Дуго-Западного фронта.

По существу Киевский укрепленный район создавался заново, в условиях напряженного и тяжелого сражения в западных районах правобережной Украины. Как я уже упоминал, в Киеве формировалась

37-я армия, на укомплектование которой прибывали ослабленные соединения из состава 5 и 6-й армий и из резерва фронта и Ставки. Эти войска готовили и занимали полевую оборону внутри укрепленного района, тесно увязывая свои действия с частями (батальонами), занимавшими капитальные сооружения - ДОТ(ы) и другие объекты. Решением командования фронта на флангах укрепленного района ставились в оборону стрелковые корпуса - 27-й СК на правом и 64-й СК на левом.

Вся эта большая сложная перегруппировка войск и строительство оборонительных работ проводились в непосредственной близости от боевых действий войск с наступающим противником, о чем хорошо и объективно описал в своей работе "Так началась война" Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян.

В конце июля войска 5-й армии северо-западнее и 6-й армии южнее города Киева попали в очень тяжелое положение. Враг разорвал фронт наших войск вдоль Житомирского шоссе и пытался ворваться в район Святошино (здесь располагался тогда штаб 37-й армии), но успеха не добился. Затем он провел сильную боевую разведку в центре - в направлении Киевского аэродрома, но также успеха не достиг.

Я был свидетелем того, как один самолет-истребитель "Мессершмитт" сел на не захваченный еще врагом наш аэродром. Летчик был пленен и доставлен в штаб 37-й армии. Когда задали летчику вопрос, как это произошло, он ответил: "Перед вылетом нам сказали, что этот аэродром уже в наших руках". Не-видимому, противник еще не знал, что воздушно-десантная бригада 3-го воздушно-десантного корпуса накануне выбила этого противника, отбросив его на запад.

Наиболее крупная группировка противника вышла в район Васильков - южнее Киева и 30-го июля перешла в решительное наступление на Киев с юга. В течение нескольких суток шли тяжелые бои на этом

направлении. Враг ворвался в Голосиевский лес и на южную окраину города. Обстановка для нас сложилась чрезвычайно тяжелая. Командующий фронтом был вынужден ввести в бой свой резерв - части 4-й дивизии НКВД, части железнодорожных войск, мостостроительные батальоны, была привлечена и Днепровская флотилия. Командующий фронтом 10-го июля передал в распоряжение командарма 37-й армии и свой резерв - 284-ю стрелковую дивизию, которая также на другой день была введена в бой на этом направлении. Общими усилиями 12-го августа враг был остановлен, а к 16 августа он был отброшен на рубеж, с которого начал наступление. Враг прекратил попытки ворваться в Киев с юга и стал искать обходы.

Выезжая в войска, мне несколько раз приходилось попадать, мягко говоря, в неприятное положение. 11 августа я был послан в 6-ю воздушно-десантную бригаду с боевым распоряжением начальника штаба армии, в котором бригаде ставилась новая задача, так как на этом направлении с утра 12-го вводилась в бой свежая 284-я стрелковая дивизия. Проехать на машине через Голосиевский лес было трудно. Шел бой и я решил пробиваться к штабу бригады пешком. Пройдя пешком метров 500, я вышел на небольшую поляну радиусом 20-25 м и на противоположной стороне поляны увидел двухэтажный дом, на ступеньках которого стояла группа солдат и офицеров.

Чтобы сократить время, я пошел не по дороге, огибающей поляну, а напрямик. Сделав несколько шагов, пять или десять, не помню, я вдруг услышал с противоположной стороны поляны крики: "Стойте и не шевельтесь! Осторожно посмотрите под ноги!" Ничего не подозревая, я стал осматриваться и среди густой травы увидел небольшие бугорки и тянущуюся к ним тонкую проволоку. Мне сразу ударила в голову мысль - минное поле! Я остановился и стал думать, как выбраться из этой западни. Вокруг меня раздавались крики, советы, но мне было не до них. Осмотревшись, я решил возвращаться назад, по своему же следу, и благополучно вышел.

Вытер мокрые лоб и шею, поблагодарил всех, кто усиленно мне кричал "Стой не шевелись", и направился дальше искать штаб воздушно-десантной бригады.

Впереди, по узенькой лесной дороге, двигалась полевая кухня, из трубы которой валил дым. Как потом выяснилось, повар варил гречневую кашу с мясом. Я спросил повара: "Куда и кому везут обед?" Повар ответил: "В батальон десантников". Ну, думаю, от батальона до штаба бригады недалеко. Командир батальона подскажет, как найти штаб. Углубились в лес. Впереди кухни, метрах в 50-ти двигались еще повозки с боезапасами. Я с поваром шел метрах в 20-30-ти за кухней, как вдруг впереди нас раздался сильный взрыв. Лошадь упала, кухня с кашей полетела вверх тормашками, а с ней и ездовой.

Впереди и сзади движение остановилось, и все начали вокруг себя осматривать дорогу и кусты. Теперь уже очень осторожно подошли и мы с поваром к месту происшествия. Лошадь убита, а из кустов, весь в каше, выползает живой ездовой. Конечно, жаль кухни, но мы очень обрадовались живому ездovому. Он встал, стряхнул с себя кашу, помотал головой и горько заплакал. Я спросил его: "Чего плачешь, ведь живой остался?" Он ответил: - да, а чем же я теперь буду кормить своих ребят!

Я постарался успокоить его и посоветовал скорее бежать в ближайший медпункт. В штабе бригады рассказал о происшедшем, и начальник штаба тут же распорядился выслать подразделение саперов проверить дорогу, по которой мы шли, разминировать поляну и отправить батальону продукты.

Вернувшись в штаб армии, я рассказал о происшедшем своему начальнику - полковнику Новикову Н.А. Выслушав меня, он поздравил со счастливым концом происшествия и добавил, что не зря говорят, что некоторые счастливики "рождаются в рубашках" и вы, очевидно, попали в эту группу.

Не добившись успеха от прямой лобовой атаки на Киев, враг стал обходить его с севера и юга, искать наши слабые места в обороне. Такое место оказалось у села Окуниново - в 60 километрах севернее Киева. Сняв немногочисленные подразделения из 4-й дивизии НКВД, 23-го августа противник захватил автодорожный мост через реку Днепр. Затем с боем, но также быстро, захватил переправу через реку Десну у населенного пункта Остер и направил сюда главные силы 6-й армии - 55, 51 и 17-й армейские корпуса и свои танковые и моторизованные соединения. Угроза над Киевом нависла с севера. В первых числах сентября враг захватил плацдарм на восточном берегу Днепра в районе Кременчуга и направил сюда свою 1-ю танковую армию в составе четырех танковых и трех моторизованных дивизий. К середине сентября противник глубоко вклинился и на этом направлении советско-германского фронта.

Нетрудно было понять и наше положение, когда мы находились в Киеве между двумя большими клиньями противника. Все просьбы командования 37-й армии отойти на восточный берег Днепра высшими инстанциями отклонялись. Обстановка в Киеве становилась все тревожней и тревожней. Связь с соседями была потеряна, и мы оказались в полном неведении об обстановке. 16-го сентября я получил шифртелеграмму, где указывалось мне прибыть самолетом в Москву для нового назначения. В этой обстановке улетать мне казалось по меньшей мере недобросовестно.

Я обратился к своему начальнику полковнику Новикову, а затем и к генералу Мартьянову с просьбой остаться, но получил строгое указание - "получили приказ - выполняйте".

17-го утром я выехал в Прилуки, откуда ежедневно уходили самолеты на Москву. В этой поездке меня удивила тишина на моем маршруте. Встречались отдельные машины, которые на большой скорости

мчались на Киев. Подъехав ближе к Прилукам, я увидел бегущих из города людей, повозки, машины. Остановил одну грузовую машину с сидящим впереди офицером и спросил: "В чем дело? Почему все бегут из города?" Ответ был предельно ясен: "В Прилуках немцы!" Вскоре я и сам увидел столбы дыма и услышал орудийную стрельбу в городе. Решил возвратиться в Киев, а тут на нашу с водителем беду на развороте центральная подвеска двигателя на "эмке" сломалась и двигатель осел на передний лонжерон, ехать было нельзя. Просить помощь бесполезно - на дороге мы остались одни. Хорошо, что я когда-то изучал эту машину, да и водитель попался расторопный, мы подхватили какую-то палку, подсунули под двигатель и получилась жесткая подвеска. Не теряя времени, тронулись, машина пошла, и мы поздно вечером возвратились в Киев. Николай Александрович, выслушав меня о происшествии, сказал: "На сей раз и тебе не повезло".

Командованию армии также стало известно, что Прилуки заняты противником, армия оказалась полностью отрезанной. Все наши попытки связаться по радио со штабом фронта ни к чему не привели. Ночь прошла у всех бессонной. Утром командарм объявил свое решение оставить Киев и выходить с боем на рубеж Яготин-Пирятин. Дальше обстановка подскажет. Начать выход после 16.00 18-го и в ночь на 19. Зенитной артиллерии надежно прикрыть выход войск, особенно через мосты.

Эту весть и принятое решение все приняли в гробовом молчании. Каждый понимал всю трудность и сложность выхода, и мы боялись одного - паники.

По указанию предусмотрительного начальника штаба корпуса генерала Мартынова, предвидя такой финал, оперативный отдел армии заранее разработал план выхода и необходимые указания каждой части. Осталось довести эти распоряжения до частей и предупредить

о соблюдении строгой секретности. Должен сказать, что все части были организовано в свои исходные районы, и с утра 19-го колоннами, с соблюдением мер разведки и боевого охранения двинулись по своим направлениям.

Вероятно, противник ожидал этого момента, так как вдруг на центральном направлении - на Броворы налетела масса авиации - истребители, штурмовики и бомбардировщики - и начали бомбить наши войска. Эшелоны сменялись эшелонами и бомбардировка продолжалась долго, причем безнаказанно.

К концу дня управление войсками было потеряно. 20-го наши войска были атакованы танками, мотоциклистами. Но там, где командиры частей не растерялись, взяли управление в свои руки, части стали выходить с боем. Многие части добились порядка и вышли с небольшими потерями. Штаб армии вышел в Броворы. Большинство офицеров штаба находилось в войсках и выходили с ними. Командование армии и все средства управления были разбиты, и штаб под руководством начальника штаба, потеряв всякую возможность восстановить управление, стал выходить под прикрытием частей.

Полковник Новиков, я и еще два офицера выполняли приказание начальника штаба - контролировали выход частей из Киева. В Броворы, куда должен был выйти штаб, мы добрались к вечеру, но там уже никого не застали. Николай Александрович решил ехать в наших бронепоездах, стоящим в укрытиях восточнее Бровар, что мы и сделали. Затем начались тяжелые ночные переходы, с боями и жертвами, на восток. Бронепоезда пришлось подорвать у станции западнее Яготин и выходить пешком.

Трудности, которые мы встретили, были такие, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Каждый день и каждую ночь мы встречались с противником, вели короткие бои и отходили в районы, где противника не было или было мало. В этом нам очень помогали местные жители, которым мы обязаны в первую очередь своей жизнью.

Шли мы с оружием - автоматами, винтовками, гранатами и пистолетами. Группа состояла из человек 35-40, а вышло нас человек 20.

Чтобы читатель хоть немножко почувствовал эту трагедию, приведу один только эпизод из многих, которые мы пережили.

Где-то на третий или пятый день нашего перехода утро застало нас на открытом поле только что убранной комбайнами пшеницы или ржи (не помню). Деваться некуда, идти дальше опасно: поле просматривается далеко, а мы все очень устали после вчерашней переправы с боем через Яготинские болота. Дальше двигаться мы были и не в состоянии. Решили отдохнуть и передневать под маленькими копешками соломы, сброшенные из накопителя комбайна. Определили район и условились лечь под каждую копну по два человека: один спит - другой бодрствует, и сквозь солому наблюдает за местностью. Чтобы обезопасить себя от всякой случайности, взяли на себя обязательство - ни при каких обстоятельствах из-под копны не выходить, вплоть до расстрела на месте.

Первые часы прошли спокойно. Вдруг я услышал человеческие голоса и топот ног. Посмотрев через отверстие в соломе - в направлении доносившегося топота, я увидел колонну немецких солдат до роты (человек 50-80) с автоматами и пулеметами, следующих по левой дороге прямо в наш район расположения. Я растолкал спящего Николая Александровича и шепотом рассказал о том, что видел. Чувство страха куда-то ушло, только пот полился градом. Мы приготовили свое оружие, гранаты и готовы были встретить врага достойно, понимая, что нас тут никто не пощадит. Вместе с этим возникло чувство большой опасности за товарищей. Ну, как кто-то не выдержит этого испытания, откроет себя, а следовательно, и всех нас! Но что-то сделать, поправить, кому-то помочь, мы были не в состоянии.

Колонна пехоты подошла к нашему району, и офицер подал команду: - "Хальт! Ман Кен Раухен!" Колонна остановилась, кто-то из солдат подошел и к нашей копне, освободился и вернулся в строй. Я видел только его сапоги, и запомнились они мне на всю жизнь. Сколько времени колонна стояла, я не помню, так как на часы не смотрел, да и не мог смотреть, но мне казалось - очень долго. Позже товарищи сказали, что колонна стояла 10-12 минут. Потом последовала команда: "Становись, равняйся, шагом марш!"

Мы еще долго не могли прийти в себя, но вынуждены были ^{не} отдать немецкому солдату. Мы увидели немецкую дисциплину. Офицер подал команду садись или разойдись и это спасло нас.

Расскажу еще об одном эпизоде. Поздней ночью мы подошли к незнакомой деревне и сначала решили выслать разведку. Для этой цели мы создали с самого начала группу разведки. Ребята сильные, смелые, вооружены автоматом и карабинами. Возглавлял эту группу старшина и звали его Николай и с ним два красноармейца.

Полковник Новиков поставил задачу группе разведки: подойти к крайней хате и сначала узнать есть ли в деревне немцы. Такие задачи они выполняли не раз и поэтому хорошо знали как это делать.

Группа разведки направилась к ближайшей хате, а группа прикрытия осталась в 20-30 метрах не доходя хаты. Прошло 20-30 минут как вдруг слышим выстрел, а за ним один за другим два взрыва гранат и затем топот ног наших разведчиков. Подбежав к нам старшина крикнул "в хате немцы!" Новиков подал всем команду: бежать за мной без шума!

Пробежав более часа - я думаю это было 5-6 километров, мы перешли на шаг и старшина смог рассказать, что произошло:

Мы осторожно тихо подошли к плетню, также тихо подошли к хате. Страшно боялись встречи с собакой, но ее не оказалось. Я остался метрах в 10-15, а ребятам сказал, чтобы один остался у входа в

хату, а другой осторожно постучит в окно и вызовет хозяина и спросит сначала есть-ли в деревне немцы. Но получилось все не так, как мы думали и стучать в окошко не пришлось, так как дверь в хату заперта не была. Далее расскажет ... назвал по имени, которого я уже не помню.

— Я осторожно потрогал дверь — она была не заперта, открыл ее и только сделал шаг, как передо мной выросла фигура в белье и крикнула: Вер ис дас! Мгновенно мысль сработала — фашист, в упор выстрелил и бросил в хату одну за другой гранаты, выскочил из хаты и мы не стали ждать, что будет дальше.

— Все сделали правильно, сказал Николай Александрович, теперь надо уйти от преследования. Хорошо, если у них нет собак, а то будет беда.

Удаляясь от места происшествия, мы слышали из темноты крики, автоматные очереди. Все, что там происходило мы хорошо себе представляли. На востоке загоралась заря и нужно было подыскивать место для дневки. Перед нами открылись огромные степные просторы и кроме больших скирд соломы — ничего нет. Опасное место. Под Яготиньм мы уже сидели в подобных скирдах и немец поджог их. Хорошо, что вечер был безветренный, дым расстелился по полю и мы из горящих скирд выбрались и бросились в высокие камыши Яготинских болот, а тут ничего подходящего не видно. Пришлось опять прятаться в этих скирдах.

Где-то в середине дня к нашей скирде подъехала на крестьянских телегах группа крестьянок за соломой для скота и конечно обнаружил нас. Вначале все испугались, но увидев нашу военную форму успокоились. Одна из них сказала:

— Если немцы вас тут заметят, они сожгут все стога и вас вместе с ними!

- Если из вас никто дома не проговорится, то ничего не случится и ваши стога будут целы, а мы с наступлением темноты уйдем.

- Пусть эти немцы пропадут, чтобы мы им что-то сказали.

Нам ничего не оставалось как поверить им.

Они рассказали нам, что в селах, которые поближе к дороге, остановились немцы и удаляться от дорог побаиваются. А вот в деревне, что севернее их села в 10-12 верстах, кто-то из партизан бросил в хату гранаты и многих фашистов, ночевавших там, поранил, а двое убиты. Утром они собрали всех жителей и требуют, чтобы выдали партизан. Загрузив соломой подводы, их было три, колхозницы уехали.

Чтобы хоть как-то обезопасить себя мы осторожно перебрались в другие стога - 1-2 километра восточнее, ну и конечно до вечера уже никто не отдыхал. С наступлением сумерек мы тронулись дальше.

Путь к своим войскам был длинный - шли мы на восток. У меня в планшете сохранилась топографическая карта масштаба 500000, ею мы руководствовались. На нашем пути встречались жители сел, партизаны, но все просили об одном: пусть Красная Армия скорее вернется и освободит их от фашистской орды. Все кого мы встречали не только сочувствовали нам, но и помогали чем могли. Мне хочется сказать советским людям, которые в лихую годинку верили, что враг не может долго оставаться на нашей земле. Их ненависть к врагу, вера в нашу победу, передавались и нам, вызвала и у нас потребность напрячь все свои силы, скорее влиться в армейский строй и вновь бить и бить врага до полной победы.

Оборванные, небритые, голодные, но воодушевленные тем, что все-таки вышли в военной форме с оружием, партийными и комсомольскими билетами и гордые тем, что не одолел нас враг, не пали мы духом и готовы вновь вступить в бой с ненавистным врагом.

Не знаю, как примет читатель мое повествование, лучше, красочнее описать эти события я не могу и пишу то, что делал и пережил сам со своими товарищами.

Добрые чувства и воспоминания оставил у меня начальник бронетанковых войск Юго-Западного фронта генерал В.Т.Вольский, в это время исполнявший обязанности начальника бронетанковых войск этой армии. Он очень тепло встретил нас. С Николаем Александровичем расцеловался, со мною и остальными товарищами тепло поздоровался и сначала накормил, отправил нас в баню и передел в новое обучение. Новикова он знал давно, а меня по службе в 4-м мехкорпусе и 37-й армии.

Только после этого подробно расспросил о наших мытарствах и настроениях людей на оккупированной территории:

— Как Вы оказались здесь на участке 21-й армии?

— Вчера вышли с вашим подразделением, прикрывавшим отход войск частей 21-й армии

— И с оружием?

— Да, и с оружием, и с партийными и комсомольскими билетами, и как Вы уже видели, в форме и знаками различия, только очень грязными и обросшими.

— Надо признать вы прямо молодцы!

— Мы то в этом ничего не видим молодецкого, это наш долг.

— Не скажите. Иные появляются в одних подштаниках, а свои документы или "теряют" или где-то закарывают. Один грех в них, а у вас все налицо!

— У нас все при себе.

— Ну и хорошо. Можно будет в таком случае обойтись без проверки. Завтра отправитесь в отдел кадров Юго-Западного фронта в Харьков, Я туда позвоню.

Выходящих из окружения тогда тщательно проверяли, особенно тех, кто появлялся не в форме, без оружия и личных документов. И делалось это правильно. Немецкая разведка с окруженцами пыталась засылать в наши войска свою агентуру. Нужна была бдительность! Высокая, постоянная бдительность!

За 22 суток мы впервые спали в тепле, на постелях, но все еще спали беспокойно. Меня еще долго ночами тревожил этот очень тяжелый во всех отношениях переход. Утром Николай Александрович и я выехали в г. Харьков. Остальных товарищей командарм оставил в своем распоряжении.

Рекомендация генерала В. Вольского, видимо, возымела свое действие. Нас с Новиковым принял начальник отдела кадров штаба фронта и сразу предложил Новикову возглавить третью танковую бригаду, а меня послал к нему командовать третьим танковым полком. Я был рад такому назначению. Тяжелые испытания, выпавшие на нашу долю во время "хождения по мукам" от Киева до Грайворона, сблизили нас с полковником Новиковым. Я проникся уважением к этому хладнокровному, волевому, решительному человеку. И он, в свою очередь, сумел понять меня. Служить и воевать под его командованием было легко. Мы понимали друг друга с одного слова.

Новиков был кадровый, хорошо образованный офицер. В 1925 году он связал свою судьбу с Красной Армией. В 1932 году успешно окончил академию имени М. В. Фрунзе. Потом несколько лет служил в частях, на командно-штабных должностях. Затем вновь учеба. На этот раз он окончил в 1940 году десятимесячные курсы академии Генерального штаба, где прошел солидную оперативную подготовку.

Война его застала на должности командира 35-й танковой дивизии. Она входила в состав 10-го мехкорпуса Юго-Западного фронта. В первых тяжелых боях с превосходящими силами гитлеровцев Новиков показал себя смелым, осмотрительным командиром. Его дивизия не раз наносила чувствительные удары по врагу. Много изобретательности Новиков, как военачальник, проявил организуя отход соединений фронта. В самых трудных, казалось безвыходных обстоятельствах, он находил верные решения, проявляя стойкость и мужество.

В последние годы войны его незаурядные командирские способности ярко проявлялись на ответственных командных постах. Он успешно выполнял обязанности заместителя командующего войсками 38-й армии по танкам. Был заместителем командующего Сталинградского фронта по бронетанковым войскам во время великой битвы на Волге. В составе 1-го Украинского фронта Новиков участвовал в сражении за Берлин, в освобождении Праги. Тогда он являлся командующим бронетанковыми войсками у Маршала Конева. За личное мужество, за умелое руководство танковыми армиями в этих заключительных сражениях Великой Отечественной войны Новикову было присвоено высокое звание - Героя Советского Союза.

В послевоенные годы генерал-полковник Новиков занимал высокие посты в Советских Вооруженных Силах. Он командовал танковыми частями в Северной группе Советских войск в Польше. Затем выполнял эти же обязанности в группе Советских войск в Германии. Много и плодотворно работал он в Главной инспекции Министерства обороны СССР. Везде и всегда свой богатый фронтовой опыт, свои обширные знания военного искусства, свою кипучую энергию он посвящал делу совершенствования боевой выучки танковых войск, внедрению новых приемов и методов использования современного оружия и техники.

В 1970 году этот заслуженный, боевой военачальник ушел из жизни, оставив среди всех его знавших, добрую по себе память.

Для меня Николай Александрович Новиков был и пример волевого командира и друг по тяжелым испытаниям первых месяцев войны.

В Харькове настроение у всех было подавленное. Мы успели очень быстро ознакомиться с общей обстановкой на фронте, узнали о гибели М.П.Кирпоноса, его ближайших соратников и о назначении нового командующего Юго-Западным фронтом - маршала С.К.Тимошенко.

3-я танковая бригада формировалась северо-восточнее Харькова в населенном пункте Бол.Даниловка. После получения назначения, в тот же день, мы выехали к месту формирования частей бригады.

Танковый полк был уже почти укомплектован личным составом, служившим ранее в танковых частях и имевшим боевой опыт первых месяцев войны. Мой ближайший помощник - комиссар полка старший политрук Иван Павлович Громадский, энергичный, живой и смелый офицер, подробно рассказал о каждом командире батальона, их заместителях, о командирах рот, о их подготовке и способности руководить подразделениями в боевых условиях. Начальник штаба полка капитан М.И.Шепелев познакомил меня с немногочисленным составом управления штаба, со всеми службами, а также о состоянии боевой подготовки и боевой готовности полка. В общем подробно ввел в курс дела, а дальше надо было изучать и знакомиться со всем остальным в ходе работы.

В ходе первых месяцев войны, после больших потерь людей и материальной части шла большая структурная перестройка подразделений, частей, а позже и соединений. Боевой состав частей (танки, орудия, машины) целиком зависел от наличия ремонтных возможностей фронта, местной промышленности, поставляющих на укомплектование отремонтированные танки и вооружение.

3-й танковый полк (трехбатальонного состава), который я принял, имел в наличии 57 танков: 15 КВ; 15 Т-34; 36 Т-26 и один командирский танк БТ-7. Для того времени это было очень хорошо. Боевая подготовка - слаживание взводов, рот, батальонов - проводилась ускоренно: и днем, и ночью. Выручало нас то, что экипажи и офицеры комплектовались, в основном, из лиц уже служивших в танковых частях, а многие имели боевой опыт. Но все равно, каждое передвижение танковых подразделений использовалось с задачами боевой подготовки.

Мы чувствовали, что обстановка складывается здесь так же трудная, а потому стремились использовать время как можно полезнее для обучения. В это время на южном направлении советско-германского фронта обстановка усложнялась. Враг развивал наступление южнее Харькова, глубоко вклинился в южные районы Донбасса. 1-я танковая армия противника 17-го октября заняла Таганрог и стала угрожать Ростову. На Харьковском направлении 6-я армия противника перешла к активным действиям, угрожал ворваться в город Харьков с северо-запада.

В сложившейся обстановке мы не могли остаться в стороне. 22-го октября 3-я танковая бригада перешла в район Мал.Даниловка с задачей - не допустить противника внезапно в город с северо-запада, со стороны Дергачи.

Как нам стало известно позже, в это время фронт получил задачу отвести войска на более выгодный рубеж: Касторное - река Оскол - Красный Дикань - Горловка. В связи с этим от нас требовалось как можно дольше задержать противника под Харьковом и обеспечить отход войск на новый рубеж. Командир бригады 22-го октября поставил передо мной задачу: с утра 23-го октября атаковать противника и выбить его из населенного пункта Дергачи. Утром 23-го стоял густой туман, что нас очень обрадовало, так как исключались издевательства авиации противника над нами. Да и враг, стоявший перед нами, не ожидал, что в такую погоду кто-то его потревожит, и спокойно спал в скирдах соломы, расставленных на широком поле.

Идти, пока рассеется туман, мы не стали и атаковали противника. Какие силы противника здесь, мы не знали, но очень скоро увидели, как из множества копен, как муравьи, выскакивают заспанные фашисты и, не зная в чем дело, попав под огонь наших танков, бегут в разные стороны, бросая свое оружие. Так мы гнали противника несколько километров. В копнах соломы и вокруг них, на открытом поле, осталось лежать много фашистов. На поле осталось и большое количество брошенных противотанковых пушек, повозок с военными и награбленным имуществом, разбитых машин. Туман стал рассеиваться, и при подходе к Дергачам мы встретили сильный противотанковый и артиллерийский огонь, и вынуждены были остановиться. Подавить этот огонь было некому, а у нас - нечем, и наше наступление захлебнулось.

В этом бое и у меня была неудача. Я управлял боем из танка ТТ-7, который среди всех танков выделялся по своей конфигурации и по круглой антенне, опоясывавшей башню, что выдавало командирский танк. Может быть и не по этой причине, но один из снарядов

противника угодил в борт танка, где располагался бензиновый бак. Танк вспыхнул, объятый пламенем. В такие моменты срабатывает не разум, а чувство опасности: весь экипаж стремглав выскочил из танка, а секундой позже весь танк горел как спичка. Начали рваться снаряды, патроны. Спасти танк было невозможно. А бой продолжается и командиру надо руководить им! Я сел в подъехавший ко мне танк (в таких случаях как на флоте - ближайший танк подъезжает к потерпевшему). Я сел в этот танк и продолжал свои командирские обязанности. В бою командир должен быть ко всем готовым, всегда памятуя, что в подчинении у него люди!

Ночью мы получили приказ отойти на исходные позиции. Утром 24-го начали отход на Стар.Салтов, Валуйки, с задачей прикрывать отход наших войск на этом направлении. 24-го октября немцы вошли в город Харьков.

х х х

В последних числах октября стояла сырая и дождливая погода - мелкий дождик моросил с утра до позднего вечера ежедневно. Люди все промокли до ниточки, а обсушиться было некогда и негде. Дороги на нашем направлении - грейдерные без покрытия промокли и стали не только в непроезде, но и труднопроходимом состоянии. Малкие канавы, речушки переполнились водой и создали непреодолимые препятствия особенно для техники. На каждом таком препятствии требовалось делать броды или мосты.

Танки, машины шли на этих дорогах медленно, расходуя большое количество горючего сверх всякой нормы. К тому же, прикрывая отход наших войск на этом направлении, мы вынуждены были вести подвижную оборону и в силу этого останавливаться на каждом выгодном для нас рубеже и задерживать на этом рубеже преследующего нас противника.

Не было бы счастья, так несчастье помогло. Авиация противника в такую погоду работать не могла и наша также - все небо наглухо было закрыто дождевыми тучами. Сухопутные войска противника также оказались не в лучшем положении - ни обогнать, ни обойти нас им было невозможно. При малейшей попытке приблизиться к нам они попадали под огонь наших аррьергардных подразделений и останавливались.

Мы видели противника, он видел нас, но ни мы ни он сделать ничего не могли. Наш марш - маневр на Волоконовку был невелик, всего около 100 километров, которые шли восемь суток, при этом вынуждены были останавливаться дважды за сутки и каждый раз из-за отсутствия горячего. При такой погоде и подвоз горячего был чрезвычайно затруднен. Подтаскивали бочки с дизельным топливом и бензином на прицепах тракторами и тягачами "Ворошиловец", которых было у нас единицы.

Все эти испытания наш воин выдержал. Бригада свою задачу выполнила, а войска, следовавшие по этому направлению, с большим опозданием, все же вышли в свои районы и заняли указанный им рубеж обороны.

НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

За небольшой промежуток времени мы смогли привести танки в боеспособное состояние, командующий фронтом дал нам 20 танков, в числе которых было и несколько КВ и 10-11-го ноября 3-я танковая бригада, в ее числе и наш танковый полк, погрузилась в железнодорожные эшелоны и из Юго-Западного фронта перегруппировались в Центральный фронт, в район Краснодона, где концентрировались основные силы для удара по флангу противника, рвавшегося на Ростов. Движение по железной дороге шло медленно. В дневное время авиация

противника несколько раз останавливала наши эшелоны, но активные действия нашей авиации не допускали ее к прицельному бомбометанию и мы почти без потерь прибыли к месту назначения, правда с большим опозданием. Разгрузились мы 15-го ноября и к началу наступления, назначенного на утро 16-го ноября, опаздывали. Командование бригады и штаб прибыли на сутки раньше.

3-я танковая бригада (и ее 3-й танковый полк) сосредоточилась южнее Краснодона и поступила в распоряжение возрожденной 37-й армии, которой командовал уже новый командующий генерал-майор А.И.Лопатин, а членом Военного Совета был дивизионный комиссар Н.К.Попов. Штаб и все службы также были сформированы заново.

3-я танковая бригада придавалась 96-й стрелковой дивизии, входившей в ударную группу армии наступавшая на главном направлении - Марьевка, Денисово с задачей разгромить части противника на указанном направлении и выйти на рубеж реки Тузлов на участке Денисово, Барило-Крепинская. Левее нас наступала 253-я стрелковая дивизия, усиленная 132-й танковой бригадой.

Командир 96-й стрелковой дивизии вначале хотел танковый полк по батальону придать стрелковым полкам первого эшелона, но выслушав резонное предложение полковника Новикова, указавшего на то, что перед нами действует 1-я танковая армия Клейста, согласился с его предложением не дробить полк на батальоны, а использовать его целиком на главном направлении, в стыке двух полков.

17-го ноября в 9.40 утра, после 30-минутной артподготовки, 37-я армия перешла в наступление в юго-западном направлении и совместно с другими армиями фронта прорвала оборону врага. Армия имела своей задачей разгромить противника в районе Таганрога и освободить город от немецко-фашистских захватчиков. Так случилось, что в это же время перешли в наступление и войска противника на Ростовском направлении с очевидной целью захватить Ростов, очень

важный в экономическом и военном отношении город, и открыть себе пути к Волге и на юг, в богатый район продовольственными и фуражными ресурсами, а затем и на Кавказ.

3-й танковый полк наступал в голове главных сил 96-й стрелковой дивизии и с боем медленно продвигался в юго-западном направлении. 19-го ноября совместно со стрелковыми частями разгромил оборону противника на реке Нагольная и овладел населенным пунктом Марьевка. Теперь темпы наступления повысились и 23-го ноября танковый полк во взаимодействии со стрелковыми полками овладел населенным пунктом Денисово и вышел на рубеж реки Тузлук.

В это время обстановка резко меняется. Противник, выдвинув против нас (на север) моторизованные войска, занял оборону по левому берегу реки Тузлук, а главные свои силы направил на Ростов и 21-го ноября захватил город.

Известие о захвате противником города Ростова подействовало на нас удручающе. Враг упредил нас и мы чувствовали и свою причастность к этой неудаче. Очевидно у нас не хватило сил наступать с более высокими темпами и своевременно ударить по главной группировке врага еще в Таганроге.

Обстановка резко изменилась, а затем изменились и наши задачи. Теперь главное внимание было приковано к Ростову. Мы получили задачу - 96-й дивизии и танковой бригаде наступать в юго-восточном направлении на Стоянов, Крым с тем, чтобы выйти в район западнее Ростова и оттуда ударить в тыл противнику в Ростове.

После небольшой перегруппировки 27-го ноября мы вновь перешли в наступление. Захватив южный берег р. Тузлук, мы встретили сильный огонь противника. Местность здесь была открытая и хорошо просматривалась во все стороны. Перед нами, на огромном засеянном поле, стояли как огромные здания скирды соломы. Очевидно у

противника не было времени выполнить земляные работы, да и земля была уже достаточно мерзлая, и для своей обороны он использовал скирды соломы, за которыми поставил бронетранспортеры, противотанковые и зенитные орудия, а внутри стогов разместил стрелков и пулеметчиков и хорошо замаскированные противотанковые средства - "фаустпатроны". Получилась поспешная оборона с плотной системой огня, ее передний край надежно прикрывался артиллерийским огнем из глубины.

Обстановка не позволяла останавливать наступление, развертывать артиллерию и подавлять артиллерийским огнем каждую точку, на все это потребовалось бы много времени.

Я вспомнил наш опыт-бой под Дергачами сев.зап. Харькова, когда мы перебили врага в таких же стогах соломы и решил повторить этот опыт здесь. Командирам батальонов было приказано развернуть роты в линию и с расстояния 500-800 метров открыть беглый огонь по скирдам, чередуя снаряды - один осколочный, другой бронебойный, так как за скирдами могли быть и танки. Атака была удачной. Подойдя на 200-300 метров к скирдам танкисты и пехота открыли ружейно-пулеметный огонь, скирды начали гореть и все кто был живой в них и за ними бежали, попадая под прицельный огонь наступающих. Когда мы проходили этот оборонительный район, увидели за каждой скирдой разбитые 80-мм зенитные пушки, противотанковые пушки и массу убитых фашистских солдат моторизованной дивизии СС "Викинг". Успех был очевиден и наступление продолжалось с еще более высокими темпами, преодолевая сопротивление в отдельных опорных пунктах обороны, прикрывавшие Ростов с севера.

28-го мы взяли населенный пункт Крым, а 29-го вышли на рубеж северо-западнее Ростова. Противник еще 28-го понял, что он попал в клещи и в ночь на 29-е начал бежать из Ростова, попадая под огонь войск 37-й армии. Утром 29-го ноября наши войска освободили Ростов

Победа была большая. В сражении на донских просторах под ударами наших войск противник понес большие потери. Здесь были разбиты 14 и 16-л танковые, 60-я моторизованная дивизия и дивизия СС "Викинг". Понесли большие потери и 13-я танковая дивизия и дивизия СС "Адольф Гитлер", а также 76, 94, и 97-я пехотные дивизии. Наши войска захватили 154 танка, 244 орудия, 93 миномета, 1455 автомашин и много другой боевой техники. В первых числах декабря 37-я армия отбросила противника на рубеж реки Миус и закрепилась. 3-я танковая бригада и ее танковый полк были выведены во второй эшелон армии, а через несколько дней и в резерв фронта на доукомплектование.

Большой успех на вге советско-германского фронта значительно облегчил действие наших войск под Москвой, где враг был отброшен на 200-250 км западнее Москвы. В этих боях мы утвердились в окончательной нашей победе, хотя война продолжалась еще многие годы.

Мы все радовались поздравительным приказам и телеграммам Верховного Главнокомандующего, Военного совета Юго-Западного направления, в которых отмечались успехи войск Южного фронта и в частности успехи войск 9 и 56-й армий. Не секрет, что вместе с этим мы все были и огорчены тем, что в этих документах, по совершенно непонятным мотивам была обойдена 37-я армия, которая действовала на главном направлении и, как об этом говорят результаты, очень успешно. "Хорошо яичко к хрестову дню" - гласит народная пословица. Но мы были рады и тому, что позже эта ошибка была исправлена, о чем не забыл вспомнить и подтвердить Маршал Советского Союза И.Х.Баграмян в своем труде - Так начиналась война! Поздравительная телеграмма Верховного Главнокомандующего и приказ Военного совета направления вызвал огромное воодушевление в войсках. Но кое-кто оказался забытым. Явно незаслуженно обидели бойцов и командиров 37-й армии (куда входила и 3-я танковая бри-

гада, полком которой командовать довелось мне). Именно их героические действия в первую очередь принудили войска Клейста обратиться в бегство. А в приветствии Верховного Главнокомандующего отмечались лишь заслуги 9 и 56-й армий.

Главком (Тимошенко) признал, что действительно получилось нехорошо. Он немедленно продиктовал телеграмму на имя Сталина, в которой указал особые заслуги войск 37-й армии в разгроме Клейста и освобождении Ростова и просил отметить ее воинов. Упущение было немедленно исправлено".

Так как 3-й танковый полк являлся главной ударной силой в 3-й танковой бригаде, входившей в этих боях в состав 37-й армии, я полагаю и вполне законно отношу эти успехи и к танкистам 3-го танкового полка, активным участникам этих сражений.

Мы и теперь с большой благодарностью и любовью вспоминаем одного из активных руководителей тяжелых сражений первого и последующих лет войны Ивана Христофоровича Баграмяна, хорошо знавшего его и понимавшего советского воина.

* * *

В моей жизни в этот период также произошли большие изменения. В январе 1942 года я был назначен начальником штаба 2-й танковой бригады, воевавшей также в восточных районах Донбасса, а в апреле этого же года был назначен начальником штаба 24-го танкового корпуса, формирувавшегося в городе Ворошиловграде.

В последующие годы войны моя судьба - помысли, действия, поступки, целиком были связаны с коллективом этого славного, ставшего 2-м гвардейским Тацинским Краснознаменным ордена Суворова танковым корпусом.

ВСЕНАРОДНЫЙ ПОДВИГ

Летом 1942 года на южном крыле советско-германского фронта, на огромных просторах Украины, а затем в большой излучине Дона и в междуречье Дона и Волги развернулось величайшее сражение в истории минувшей войны. После тяжелого поражения под Москвой враг уже не мог наступать по всему фронту как прежде и, пользуясь пассивностью наших союзников - отсутствием второго фронта, основные свои силы для достижения поставленных целей сосредоточил на юге. Фашисты стремились к полному уничтожению главных сил Красной Армии и захвату важнейших экономических районов, так необходимых для обеспечения своей армии нефтью, металлом, углем, продовольствием, а также и значительному ослаблению материальных ресурсов нашей страны.

Тяжелые, изнурительные бои вынуждена была вести Красная Армия с превосходящими силами врага. Самоотверженно сражались наши воины за каждый метр своей земли, изматывая и ослабляя фашистские полчища. При малейшей возможности переходили в контратаки, наносили контрудары, обескровливая отборные фашистские войска, рвавшиеся к своей ближайшей цели - Волге.

"В ожесточенном сражении между Волгой и Доном враг потерял за июль-ноябрь 1942 г. 700000 солдат и офицеров убитыми и ранеными, более 1000 танков, свыше 2000 орудий и минометов, более 1400 самолетов"¹⁾. И все же, несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, к середине октября противнику удалось глубоко вклиниться на территории нашей страны, вплоть до Сталинграда и Северного Кавказа.

¹⁾ Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 гг. Краткая История. Издание второе. М., Воениздат, 1970, стр.177.

Участники оборонительного сражения хорошо помнят, с какой тяжестью на сердце мы оставляли деревни, села, станицы и города. Но вместе с этим мы верили в призывы Партии, что "будет и на нашей улице праздник, победа должна быть и будет за нами". Нашу убежденность в неизбежной победе над врагом подтверждали и наиболее прогрессивные и дальновидные политики Запада, которые тогда уже поговаривали о том, что Гитлер "откусил" очень большой кусок, который проглотить не сможет.

Следует всегда помнить, что в это чрезвычайно трудное время, в ходе оборонительных сражений шло огромное перемещение нашей промышленности на восток, ее развертывание на новом и голом месте и вместе с этим шло строительство и пуск новых промышленных предприятий по производству военной продукции, необходимой фронту.

Это было самое тяжелое для нашей Родины время. Именно в этот самый трудный для страны период раскрылись огромные возможности нашей социалистической системы, позволившей быстро организовать и перестроить все народное хозяйство на военный лад и одновременно с максимальной эффективностью использовать имеющиеся возможности. Мне хочется особенно подчеркнуть эту реальность, ибо ни одно капиталистическое государство, даже самое развитое, не способно было так целеустремленно, мобильно и эффективно организовать производство всех основных видов вооружения и особенно производство металла, являющегося основой основ военного производства. В подтверждение сказанного можно привести следующий пример.

В 1940 предвоенном году фашистская Германия, подчинив себе экономику западных стран и своих союзников, производила в год 343 млн. тонн каменного угля, 43,6 млн. тонн стали, 37,9 млн. тонн чугуна и 213 тыс. тонн алюминия. Кроме этого, она накопила значительные запасы меди, цинка, свинца и т.п. Все это дало ей возможность уже в 1941 году произвести 12400 военных самолетов, 5200 всех типов танков и 7,1 тыс. орудий калибра 75 мм и выше.

Наша страна в 1940 году производила около 150 млн. тонн угля, 18,3 млн. тонн стали. Из-за внезапного и вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну мы в первый год войны вынуждены были оставить свои наиболее богатые ресурсы и развитие в промышленном отношении западные районы, в связи с чем резко сократились наши возможности по выпуску промышленной продукции. Так, в СССР в 1942 году было произведено стали 8,1 млн. тонн, чугуна 4,8 млн. тонн и угля 75,5 млн. тонн¹⁾.

И все же, несмотря на значительные преимущества фашистской Германии в производстве металла, наша промышленность при всех невероятных трудностях и сложностях его производства уже в 1942 году значительно увеличила изготовление всех основных видов вооружения. За весь 1942 год самолетов всех типов произведено в стране 25436, или на 60% больше, чем в 1941 году. В 1942 году было выпущено 24446 танков, из них средних танков Т-34 - 50,8%¹⁾.

В это же время фашистская Германия смогла выпустить самолетов около 12,5 тысяч и танков 4273, во многом уступающих по качеству нашим. Невероятно; но факт, что в самое трудное для Родины время наша промышленность смогла дать армии достаточное количество всех основных видов оружия и обеспечить ее боеприпасами. Это был величайший подвиг нашего народа, который укрепил веру воинов в наши возрастающие силы на фронте. Народ верил в мудрость Коммунистической партии, которая всегда, в самые трудные времена находила правильные решения, сплачивала наши силы в единый монолит и направляла их на выполнение поставленных задач и целей. В этот трудный год Центральный Комитет Коммунистической партии и ее Политбюро, возглавляемое И.В. Сталиным, смогли мобилизовать и использовать для грядущих побед все возможности страны, привлечь все силы многонациональной Родины, сгруппировать их, вооружить и подготовить к решающим схваткам с врагом.

¹⁾ Великая Отечественная война Советского Союза, 1941-1945 гг. Краткая история, 3-е издание. Воениздат, 1961, стр. 34, 41, 165.

Ч. 1 - 52 - 74

DM

И II III

25 - Сталинград. Битва

52

РОЖДЕНИЕ КОРПУСА

Освоб. войск против ЧМ 173-193

Росли и крепили силы в стране, а с ними - и напряженная подготовка войск к решающим сражениям. Накапливались крупные резервы и одновременно производилась реорганизация и перегруппировка сил на фронтах. В середине 1942 года Центральный Комитет партии и правительство приняли ряд новых и срочных мер по укреплению Красной Армии. К этому времени уже заканчивался массовый перевод промышленных предприятий в восточные районы страны, и большая часть их уже начала массовый выпуск основных видов вооружения, что позволило обеспечить новые формирования необходимым количеством вооружения и материальными ресурсами. Значительно увеличился выпуск самолетов, танков, артиллерийского и других видов вооружения, о чем я уже упоминал.

J

Мне бы хотелось еще раз напомнить, что вся эта колоссальная работа по усилению боеспособности войск во всех видах и родах войск проходила в условиях непрекращающегося сражения на фронтах и требовала постоянного восполнения наших сил в сражающихся частях!

g

В таких чрезвычайно тяжелых условиях весной 1942 года создавались танковые соединения и объединения - танковые корпуса и несколько позже - с января 1943 г. - танковые армии новой организации, сыгравшие большую роль в разгроме врага.

Их укомплектование производилось в основном за счет танковых и мотострелковых бригад и отдельных частей, которые были созданы в 1941 году из разукрупненных танковых и механизированных дивизий довоенного времени, не получивших тогда необходимого количества боевой техники и вооружения, но имевших уже хорошо подготовленные кадры.

Ч. 14 - 194 - 250 - Курск. Битва
 1 - 292 - 425 - Освоб. Белград

В это время (апрель-май 1942 года) Южным фронтом был сформирован 24-й танковый корпус, о боевых делах которого будет идти речь в этой книге.

Формирование корпуса как резерва Ставки проходило в городе Ворошиловграде и близлежащих селах в 120-150 км от линии фронта. Командиром корпуса был назначен опытный генерал, участник первой империалистической войны В.М.Еаданов, в Красной Армии с 1920 года.

Военкомом корпуса был назначен бригадный комиссар Иван Захарович Бахтин, опытный политработник, участник Великой Отечественной войны с первого ее дня, начальником штаба - подполковник А.С.Бурдейный, помощником командира корпуса по технической части с августа 1942 года - инженер-подполковник Орлов В.И. и помощником командира по тылу - майор Г.Н.Гаврилов. Все мы сражались с первого дня войны в действующих соединениях и уже имели некоторый боевой опыт.

По директиве Ставки в состав корпуса вошли:

Штаб корпуса, который комплектовался заново офицерским составом, имевшим боевой опыт работы в штабах дивизионного и бригадного звеньев. По количеству штаб был очень малочислен: небольшая группа офицеров, предназначенных для оперативной работы и в первую очередь для координации действий бригад и взаимодействия с поддерживаемыми и приданными частями. Вскоре практика показала, что при организации наступления и в бою штаб вынужден был заниматься и другими вопросами и в первую очередь материально-техническим обеспечением.

Три танковые бригады - 2-я и 4-я гвардейские и 54-я уже имели боевой опыт. 4-я гвардейская танковая бригада за успешные боевые действия в конце 1941 года под г.Ростовым была преобразована из 132-й танковой бригады. Командовал ею опытный командир полковник Г.И.Копылов. Военкомом был назначен старший батальонный комиссар

А.И.Сверчков, а начальником штаба - подполковник Б.П.Товаченко. 54-я танковая бригада командовал подполковник А.Д.Выжигин, военкомом был полковой комиссар П.М.Елисеев и начальником штаба - майор С.М.Будьгин. Эта танковая бригада в конце 1941 года и первую половину 1942 года также воевала в составе Южного фронта.

2-я танковая бригада недолго оставалась в составе 24-го танкового корпуса. В середине июня 1942 года вместо нее в состав корпуса вошла 130-я танковая бригада из состава 23-го танкового корпуса. Командиром бригады был назначен молодой офицер майор С.К.Нестеров, военкомом - старший батальонный комиссар Г.П.Колиненко, начальником штаба - капитан В.К.Шанин.

Все танковые бригады влились в состав корпуса со своими уже довольно подношенными танками, разнообразными как по количеству, так и по типам (см.таблицу).

Танковые бригады	Типы танков			
	КВ	Т-34	Т-60	Валентайн Мл-3
4-я гвардейская танковая бригада	10	17	14	-
54-я танковая бригада	7	9	11	
130-я танковая бригада	6			39
Всего	23	26	25	39
Итого		113 единиц		

Небольшое количество новых танков Т-34 мы стали получать уже в ходе боевых действий. В основном мы получали танки с ремонтных заводов. Наличие в 130-й танковой бригаде около 39 английских танков М4-3 "Валентайн" составляло около 35% общего числа танков корпуса, что значительно снижало его боеспособность. Этот легкий (18-т) танк имел бензиновый двигатель и небольшую скорость. Он предназначался для действий с пехотными частями. Очень большие трудности были в снабжении их боеприпасами калибра 75 мм, которых у нас было недостаточно.

По штатам бригады двухбатальонного состава имели по 53 танка, но обстановка заставляла делать ^{значительные} отступления. При эксплуатации такой разношерстной техники были большие трудности. Тяжелые танки КВ в бой были незаменимы, но на маршах, как правило, очень отставали и задерживали маневр корпуса в целом. В связи с этим в середине июня была попытка свести их в одну - 4-ю гвардейскую танковую бригаду, но довести этот переход на новые штаты в ходе боев (июнь м-ц) до конца не удалось.

24-я мотострелковая бригада создавалась заново на базе 277-го отдельного мотострелкового батальона. Все штатные подразделения бригады укомплектовывались техникой и людьми заново.

Бригадой командовал очень смелый и энергичный подполковник В.Л.Савченко. Военкомом был назначен старший батальонный комиссар Ф.М.Аксенов, начальником штаба - подполковник М.В.Прокопенко.

В то время корпус еще не имел ни артиллерийских частей, ни частей боевого обеспечения. Все эти очень необходимые в ходе войны части придавались корпусу фронтами на период операций, о чем читатель узнает позже.

НАЧАЛО БОЕВОГО ПУТИ КОРПУСА

В период формирования в Ворошиловграде 24-го танкового корпуса (май 1942 г.) развернулись большие события на Харьковском направлении, которые немного сократили сроки его подготовки. Командование юго-западным направлением ускоренного готовило войска Юго-Западного фронта к переходу в наступление с ближайшей целью окружить и уничтожить харьковскую группировку противника и освободить город Харьков. Главный удар фронт наносил с Барвенковского плацдарма, выдвинувшегося на запад, силами 6-й армии в северо-западном направлении и второй удар - силами 28-й армии из района Волчанск в обход Харькова с севера и северо-запада навстречу 6-й армии. Опредив противника на пять суток, 12 мая войска Юго-Западного фронта перешли в наступление и за три дня продвинулись на 50 и 25 километров в южном и северном направлениях.

Несколькими днями позже (17 мая) перешел в наступление и противник из района Краматорск в северо-западном направлении в тыл наступавшей 6-й армии. Обстановка резко изменилась в пользу противника. Захватив Барвенковский плацдарм, противник в течение июня и июля вводил в бой свежие силы севернее и южнее Харькова, улучшая выгодные позиции для дальнейшего наступления.

Развернулось большое наступление противника, целью которого было надежное обеспечение своего левого фланга для последующего развития наступления на юге - в большую излучину Дона.

В бои на Харьковском и Воронежском направлениях было втянуто большое количество наших войск. Сюда было брошено несколько недавно сформированных танковых корпусов и танковых армий. В этой сложной обстановке 2 июля по распоряжению Ставки 24-й танковый корпус был передан в распоряжение командующего Юго-Западным фронтом, который в этот же день поставил нам задачу: к исходу 3 июля

сосредоточиться в районе Старобельск, Мостки, Сватово (150 километров северо-западнее Ворошиловграда). После выхода в указанный нам район занять оборону в районе Райгородское, Черноцкое, Макеевка, Маначиновка (30-40 км юго-западнее Сватово) и подготовиться к нанесению контрудара в направлении Изюм, Красный Лиман. Танки по железной дороге прибывали по частям с большим опозданием, поэтому свой район мы смогли занять только к исходу 5 июня. В этот же район прибыл к нам с Южного фронта 50-й мотоциклетный разведывательный батальон. Здесь штаб корпуса установил связь с впереди действующими стрелковыми войсками. Столкновения с противником еще не было.

14 июня по приказу командования юго-западного направления мы получили задачу перейти в новый район на 100-120 км севернее и занять рубеж Коновалов-Бирючий-Дубровка-Висячино-Богомолов-Казинка-Михайловка. Штаб корпуса - Михайловка. Все пункты - 20-25 км северо-западнее Валуйки.

Здесь также была установлена связь с впереди действующей 13-й гвардейской стрелковой дивизией и соседом справа - 13-м танковым корпусом и соседом слева - 23-м танковым корпусом. В этом районе корпус вошел в состав, на ходу созданной, танковой группы генерала Пушкина. В эту группу вошли 13, 24 и 23-й танковые корпуса. Группа получила задачу занять оборону на упомянутом рубеже и подготовиться к нанесению контрудара в западном направлении. Но так как обстановка резко менялась, а инициатива была на стороне противника, оказалось, что основная группировка войск врага находилась значительно севернее, и потребовалась новая перегруппировка.

18 июня 24-й танковый корпус получил новую задачу - продвигнуться на 20-30 км севернее, выйти в район Борисовка-Черняков-Хитняков и не допустить прорыва противника в восточном направлении. Это была уже третья рокировка корпуса, не сделавшего еще ни единого выстрела по врагу.

28 июня была получена новая директива Ставки о переподчинении корпуса командующему Брянским фронтом, который поставил задачу к утру следующего дня выйти в район Старый Оскол-Каплино-Ильины-Курская-2 и не допустить захвата г. Старый Оскол. Вновь надо было пройти более 100 км. Марш можно было совершать только с наступлением темноты. Переход в новый район затянулся. Мы смогли выйти в указанный район только к утру 30 июня. Бригады подходили не одновременно и только здесь, в районе Старый Оскол, мы впервые вплотную встретились с противником и вступили с ним в бой. Весь день 30 июня и 1 июля корпус удерживал переправы на р. Оскол. Главные силы противника рвались к Воронежу и стали обходить Старый Оскол севернее:

1 июля 1942 г. заместитель Народного Комиссара обороны генерал Федоренко приказал к утру 2 июля занять новый рубеж по реке Убля-Терехово-Котово-Незнамово (все пункты северо-восточнее и восточнее Старого Оскола) с тем, чтобы обеспечить отход стрелковых войск 40-й армии.

В эти тяжелые для нас дни мы очень плохо представляли себе боевую обстановку. Оперативные сводки и разведанные поступали с большим опозданием. Одно было ясно, что творится что-то неладное. Чувствовалась и сказывалась на деле потеря управления в высших инстанциях. Приказы и распоряжения сыпались в таком изобилии, что войска были просто не в состоянии не только выполнить, но и приступить к их организации. При всех трудностях все части 24-го танкового корпуса сохраняли свою организованность и боеспособность, отражали атаки противника и наносили ему значительные потери. Во всяком случае на нашем направлении противнику ни разу не удалось сбить нас с занимаемых рубежей. Наши воины днем отражали атаки противника, а ночью восстанавливали танки и этим постоянно поддерживали свою боеспособность. К исходу 2 июля в час-

тях корпуса было: в 4-й гвардейской танковой бригаде - 18 танков КВ (все тяжелые танки КВ были сведены в одну бригаду) и 27 Т-60; в 54-й танковой бригаде - 17 танков Т-34 и 17 танков Т-60 и в 130-й танковой бригаде - 17 танков Т-34 и 17 английских танков "Валентайн". По тому времени это была большая сила. Фашисты особенно боялись встречи с танками КВ и Т-34, несли большие потери от них и старались обходить нас на других направлениях.

4 июля была сделана еще одна попытка нанести контрудар в западном направлении силами 17 и 24-го танковых корпусов, но из-за неподготовленности контрудар был своевременно отменен, а корпус получил задачу прикрывать отход войск 40 и 21-й армий в направлении Коротояк, где имелась (как нас информировали) переправа для все всех видов техники, в том числе и для танков. В ночь на 5 июля выяснилось, что мост в Коротояке имеет небольшую грузоподъемность и танки пропустить не сможет. Других переправ на этом направлении не было. Командир корпуса В.М.Баданов, посоветовавшись с начальником штаба бронетанковых войск Красной Армии Д.И.Завым (в это время он был у нас в штабе корпуса), принял решение вывести танковые бригады корпуса севернее Коротояка на 13-15 км в очень удобную для обороны излучину Дона, вогнутую на восток, в район I-е Сторожевое-Болдыревка-Уриво-Покровское-Селявное в надежде удержать этот плацдарм до более благоприятного времени, когда можно будет использовать его нашими войсками для перехода в контрнаступление. Мы тогда были уверены, что при всех трудностях наш отход носит временный характер, да и другого выбора у нас не было.

5 июля все танковые бригады вышли в указанный район и заняли оборону на рубеже I-е Сторожевое-Болдыревка-Уриво-Покровское. В это время корпус имел 22 танка КВ (их количество увеличилось за счет восстановления поврежденных), 36 танков Т-34 и 47 легких танков Т-60 и "Валентайн", что позволяло нам вести активную оборону

за удержание плацдарма на западном берегу р.Дон. Первое время переправ здесь не было и все необходимое приходилось доставлять в бригады на лодках. Здесь наши танковые бригады оказались на плацдарме в таком положении, которое позже сложилось на Волге под Сталинградом: на западе - враг, на востоке - река Дон, которую ни переплыть, ни перепрыгнуть танки не могли.

В это же время отходившие части (кроме танковых) продолжали переправляться в Коротояке.

Из-за непрерывного повреждения мостовой переправы происходила задержка с ее восстановлением, а войска подходили и подходили. К середине дня скопилось большое количество артиллерии, машин, повозок и лошадей. Для восстановления моста привлекались все, кто мог работать. Кроме того, делались плоты из подручных материалов - разбирались сараи и другие нежилые строения, и переправа продолжалась даже при налетах авиации. Трудно мне описывать обстановку, в которой оказались войска на этом направлении. Это надо было видеть.

В результате ударов авиации и артиллерийского огня мы несли большие потери - люди падали в воду, но на их место становились другие, и восстановление переправы продолжалось. И так весь день. Наша 24-я мотострелковая бригада, 50-й мотоциклетный батальон и подошедшие артиллерийские части 21-й армии отражали натиск врага. К концу дня врагу удалось подтянуть большое количество артиллерии и окончательно разрушить переправу.

Наши первые шаги - сотни пройденных километров для нас были неудачными. И не только для нас. "Брянский фронт имел достаточно сил не только для того, чтобы отразить наступление армейской группы "Вейтс", но и разбить их. Однако командование фронтом не сумело организовать своевременного массированного удара по флангам

основной группировки врага¹⁾. Кроме того, наш отход был вызван еще и неумением в то время использованием большого количества танковых соединений. Танковые корпуса при отражении наступления врага вводились в бой по частям и не столько для уничтожения главной группировки противника, сколько для ликвидации образовавшихся прорывов в обороне общевойсковых соединений. 24-й танковый корпус в течение месяца маршировал с места на место и не смог выполнить своей основной задачи. Приказы поступали из штаба западного направления, штабов фронтов, от командующих армий, танковой группы генерала Пушкина, командующего бронетанковыми войсками Я.Н.Федоренко, как правило, в большом опозданием и исполнение их срывалось.

По-видимому, это происходило потому, что у нас не было еще боевого опыта применения большого количества танковых соединений как ударной силы сухопутных войск. Распыление их не могло дать положительных результатов, что подтвердилось и последующими операциями.

* * *

В начале июля положение на нашем направлении в основном стабилизировалось. Попытки противника сбить нас с плацдарма на западном берегу р.Дон и захватить местность в районе разрушенной переправы у Коротояка были безуспешны. До середины июля 24-й танковый корпус удерживал плацдарм силами только танковой бригады, так как 24-я мотострелковая бригада удерживала рубеж по левому берегу р.Дон в районе Петропавловская, в 10-12 километрах южнее главных сил, отражая попытки противника форсировать р.Дон в районе Коротояк.

1) Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 гг.
Краткая история. 3-е издание. Воениздат, 1984, с.147.

В середине июля наше положение несколько улучшилось. К нам подошел инженерно-понтонный батальон и была наведена переправа, что позволило нам не только улучшить материально-техническое обеспечение танковых бригад на западном берегу, но и при необходимости перебросить танки с западного берега на восточный и наоборот. Такая необходимость появлялась часто. Во второй половине июля корпус был усилен одним батальоном 53-го укрепленного района полевого типа.

Однако противник не оставил нас в покое и продолжал попытки сбить нас с плацдарма. Чтобы укрепить оборону, мы были вынуждены идти на крайние меры: экипажи с поврежденных танков сводили в стрелковые подразделения и ставили их в оборону, правда, на вторые позиции.

Очень трудный день был 12 июля, когда враг решил сломить ~~наше положение~~ и захватить плацдарм:

Пьяные фашисты неоднократно переходили в "психическую" атаку, но каждый раз оставляли на поле боя сотни убитых и раненых, десятки подбитых и горящих танков. Враг вынужден был откатываться в исходное положение, перестраиваться и начинать новую атаку. Весь день шел жаркий бой, но все атаки были отражены. Люди проявляли подлинный героизм и задачи свои выполняли с честью.

Жестрелковый батальон капитана А.И.Еабко организованным огнем стрелков, минометчиков, артиллеристов и танкистов в этот день уничтожил более двусот фашистов, сжег десять танков, а включившегося в нашу оборону противника отбросил контратакой танковой роты капитана С.Константинова и восстановил положение на своем участке. В этом бою погиб отважный командир танковой роты капитан С.Константинов. Следуя примеру своего командира роты, сержант К.Сыроваткин на своем танке на большой скорости ворвался в боевые порядки врага и огнем и гусеницами уничтожил еще несколько десятков фашистов.

Под прикрытием огня танков отважно сражались и другие истребительные подразделения танковых бригад. Так, командир пулеметного отделения сержант М. Стукаленко занял выгодную позицию и буквально косил огнем атакующую пехоту врага. Перед его позицией навечно остались лежать 44 фашиста.

Можно привести много примеров, когда советский воин не только считал своим священным долгом выполнить поставленную перед ним задачу, но и проявлял при этом изобретательность, смекалку, искал способы, как разбить врага меньшими силами, с меньшими потерями в наших рядах.

Командир отделения сержант П. Скориков еще накануне, ночью, в 50-100 метров впереди позиции своего отделения устроил противопехотное заграждение - он забил в землю небольшие колышки и к ним привязал десятка два ручных гранат, от которых протянул к себе в окоп телефонную проволоку, и при подходе пехоты противника в зону "гранатного поля" подрывал их, отсекая пехоту от танков. Пройти через это "гранатное поле" никому не удалось, на нем осталось много фашистов. Инициатива и смелость сержанта Скорикова помогла отразить атаки врага. В знак благодарности его товарищи так и прозвали сержанта П. Скорикова "командиром гранатной батареи".

В напряженных боях на плацдарме нельзя было вывести из боя ни один танк и танкистам приходилось днем отражать атаки танков и пехоты противника, а ночью ремонтировать боевые машины.

Лейтенант Червоный Г. Г. за один день, 6 июля, четыре раза отбивал атаки танков и пехоты противника, сжег два танка, разбил 6 автомашин с боеприпасами, уничтожил до двух взводов пехоты, но и его танк был подбит. За ночь экипаж восстанавливал танк, и с утра следующего дня танкисты вновь вступали в бой. Часто танкисты вынуждены были ремонтировать танки под огнем врага.

В бою под населенным пунктом Барановка танки противника разбили гусеницу на танке, где механиком-водителем был старшина Басак М.Ф. Михаил проявил в этом бою и храбрость, и мастерство. Под сильным огнем врага он сумел восстановить танк и продолжал выполнять свою задачу.

Бой есть бой, и он неизбежно связан с гибелью людей, поэтому часто приходилось одному драться за двоих, троим - за многих, но выполнять задачу. В это время огромное значение имела необходимость заменить павшего или выбывшего из боя товарища и все же добиться победы над врагом. Такая поддержка, взаимозаменяемость в экипажах, взводах и ротах выручала нас в течение всей войны.

Командир танка гвардии старшина Курбатов Г.В. всегда проявлял в бою смелость, находчивость, мужество и отвагу. Своим танком он уничтожил 2 танка, 5 противотанковых орудий, до роты пехоты противника. 8 августа в бою под Селявное погиб командир танкового взвода и Курбатов Г.В. взял командование на себя и выполнил задачу, поставленную перед взводом. Высокие моральные и боевые качества он проявлял и в последующих боях, за что награждался орденами и медалями Родины.

Безусловно, стойкость, мужество, уверенность в успехе наших воинов во многом зависят от тех, кто руководит, направляет, помогает и обеспечивает подразделения и части всем необходимым при выполнении ими боевых задач, то есть от командиров подразделений, частей и соединений.

В боях за удержание плацдарма большие способности проявили командир 130-й танковой бригады майор Нестеров С.К. и военком - старший батальонный комиссар Колитенко Г.П., командир 24-й мотострелковой бригады подполковник Савченко В.Л. и военком - старший батальонный комиссар Аксенов Ф.М., командиры батальонов и рот Будрин К.Г. и его замполит Един Н.П., Кучеренко И.И., Стрелков С., Ночаев М., Марчанко Б.И., Еабно А.И., Лоленко И.Ф. и многие, многие другие.

Напряженные бои за удержание плацдарма на западном берегу Дона и отражение атак противника в районе Петропавловское шли почти четыре месяца. Были дни, когда враг прижимал нас к урезу реки Дон, но мы все же находили силы и удерживали небольшую часть плацдарма. Противник не оставлял нас в покое, понимая, что рано или поздно советские войска используют этот плацдарм для своего наступления, и должен сказать, что опасения врага были не напрасны.

В обороне войскам всегда трудно, так как инициатива у наступающего, а резервов для усиления обороны всегда не хватает. 18 июля противник вновь перешел в наступление с целью полностью овладеть плацдармом на западном берегу. Одновременно противник начал наступление из Коротояка за создание плацдарма в районе Петропавловское, что заставило командующего 6-й армией генерала Ф.М.Харитонова забрать 4-ю танковую бригаду и направить ее в Петропавловское, усилив оборону 24-й мотострелковой бригады на южном направлении. Воспользовавшись этим, противник усилил атаки на плацдарме и к концу дня отбросил 54-ю и 130-ю танковые бригады, оборонявшиеся на плацдарме, к урезу р.Дон.

По-видимому, противник преследовал определенные цели: улучшить свои позиции на западном берегу Дона, освободиться от неприятного для него плацдарма, а главное этим наступлением прикрыть на этом направлении замену венгерскими войсками немецких войск, необходимых ему для развития наступления на юге. Своей цели он почти достиг, а нас поставил в трудное положение, так как часть плацдарма мы вынуждены были оставить. В этот тяжелый для нас день к нам на наблюдательный пункт срочно прибыл член Военного Совета 6-й армии корпусной комиссар Л.З.Мечлис. Он обрушился на нас с обвинениями в трусости, снял с должности командира 130-й танковой бригады С.К.Нестерова и приказал восстановить положение

на плацдарме, но все наши попытки восстановить положение на плацдарме своими силами к успеху не привели.

В первых числах августа штаб 6-й армии подтянул в наш район крупные силы - 25-ю гвардейскую и 1-ю истребительную дивизии, 53-й УР (укрепрайон), артиллерийские части, и 6 августа после хорошей артиллерийской подготовки был нанесен сильный удар по войскам венгерской армии. В течение нескольких дней положение на плацдарме было восстановлено. Был восстановлен в прежней должности и командир 130-й танковой бригады С.К.Нестеров.

В то время, когда войска Воронежского фронта отражали все попытки противника прорваться на восточный берег Дона и вели бои за удержание плацдарма на западном его берегу, обстановка на юге усложнялась. Сосредоточив крупные силы, враг прорвался в большую излучину Дона к Волге. Этим и объяснялась смена немецких отборных войск венгерскими. Усиливалась южная группировка войск для развития наступления на Сталинградском направлении.

В это грозное для страны время мы получили приказ № 227 от 28 июля Народного Комиссара обороны И.В.Сталина, в котором обстановка на юге оценивалась как чрезвычайно тревожная, и перед всеми войсками этого направления, в том числе и перед нами, было выдвинуто категорическое требование решительно усилить сопротивление врагу и остановить его продвижение.

"Пора кончать отступление, - говорилось в приказе, - ни шагу назад! Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый метр земли и отстаивать его до последней возможности".

Приказ глубоко взволновал всех нас, и мы еще острее почувствовали смертельную опасность, нависшую над страной, и вместе с тем особую ответственность перед Партией, перед народом за судьбу Родины. Сознание возросшей ответственности еще сильнее сплотило

нас, придадо нам новые силы, и решительное требование к нам - "Ни шагу назад" - стало законом для каждого воина, каждого командира, каждой воинской части.

Именно тогда, в изнурительных маршах и маневрах, в тяжелых оборонительных боях на небольшом клочке воронежской земли впервые слаживались и закалялись наши подразделения, части и танковый корпус в целом, росла их морально-политическая зрелость. Как правило, коммунисты всегда находились в первых рядах. Пример их мужества, стойкости вызывал желание у молодых воинов быть такими же, и даже в условиях горячего боя они вступали в Коммунистическую партию.

Так, в мотострелковом батальоне капитана А.И.Бабко вступило в партию 7 человек, в танковом батальоне капитана И.Нечаева - 14 человек. Всего в частях корпуса в это трудное для нас время вступило в партию свыше 500 человек. В беседах, на собраниях, митингах воины заверяли нашу партию, советский народ в том, что не пожалеют своей жизни, но врага не только остановят, но и сделают все, чтобы очистить нашу землю от фашистских захватчиков. На митинге командир танковой роты старший лейтенант И.Ф.Лоленко заявил: "Все силы отдадим, чтобы выполнить свой долг перед Родиной. Лучше смерть, но мы не сделаем ни шагу назад!"

При вступлении в партию командир пулеметного взвода Ц.Кварацхелия (из Абхазской АССР) сказал: "Я борюсь с гитлеровскими разбойниками, чтобы очистить нашу Родину от этой нечисти, и считаю своим долгом вступить в ряды Коммунистической партии. Я обязуюсь отдать все свои силы и, если потребуется, не пожалев и самой жизни, чтобы одержать победу над врагом. Если умру, то умру коммунистом".

Большая работа среди личного состава проводилась по улучшению обслуживания, своевременному устранению технических неисправностей и увеличению нормативных сроков безотказной работы боевых машин и всех систем вооружения.

На комсомольском собрании комсомолец механик-водитель танка старший сержант С. Попов заявил: "Я беру на себя обязательство подготовить свой танк так, чтобы он работал безотказно и вместо положенных 270 отработал 470 моточасов, а это удвоит силу нашего удара по врагу".

Принимая резолюцию, комсомольцы записали "Клятву комсомольцев":

Пока рука сжимает фрикционы,
Пока глаза сквозь триплекс видят свет,
Клянемся мы, что наши батальоны
Пойдут одним путем - путем победы!"

Большая работа, проведенная командирами, политорганами, партийными и комсомольскими организациями, над решением задач, поставленных в Приказе № 227, создала новый климат во всех подразделениях и частях, а это в свою очередь позволило нам до конца выполнить свою задачу.

В конце августа и начале сентября штаб корпуса, штабы бригад и батальонов без боевой материальной части были выведены в резерв Воронежского фронта в район Шишовка, Чесменка, Коршево (60-65 км юго-восточнее Воронежа). На плацдарме были оставлены 24-я мотострелковая бригада, усиленная сводным танковым батальоном под командованием капитана Т. Погребняка и сводным мотострелковым батальоном, составленным из сводных рот мотострелковых батальонов танковых бригад под командованием К. Г. Будрина.

Усиленная 24-я мотострелковая бригада была подчинена 25-й гвардейской стрелковой дивизии и до середины октября вела бои на плацдарме в составе этой дивизии, но все вопросы материально-технического обеспечения оставались за нами.

Небольшая передышка для частей и подразделений, выведенных в резерв, была использована для подготовки штабов и изучения опыта проведенных боев.

В то время, когда мы находились в резерве Воронежского фронта (сентябрь и октябрь 1942 г.), главные силы противника устремились в большую излучину Дона и 23 августа на узком участке вышли к Волге в районе Латошинка-Рынок¹⁾. Главные силы врага втянулись в затяжные бои за Сталинград, овладеть которым полностью ему так и не удалось.

Уверенный в том, что с севера Красная Армия не угрожает, враг прикрыл свой левый фланг войсками союзников (венгерскими, итальянскими и румынскими), бросив немецко-фашистские войска на Сталинград и Северный Кавказ. Мне представлялось, что сложилась благоприятная обстановка для нанесения мощного контрудара по левому флангу врага и в тыл всей наступательной группировки врага на Сталинградском направлении.

Мы тогда не могли знать планов командования, но понимали, что Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб, наверное, озабочены положением дел на южном фронте во много раз больше нас. Однако такое глубокое, скажу прямо, опасное для нас продвижение врага в глубь страны тревожило не только верхи, но и нас, рядовых воинов, действующих на фронте, на которых также лежала большая ответственность за судьбу своей Родины.

Вот эта чрезвычайная обстановка и побудила меня вместе с начальником оперативного отдела корпуса майором С.Д.Лаврентьевым подготовить и направить в Генеральный штаб предложения, суть которых сводилась к следующему: за счет высвобождения войск с менее активных участков фронта и резервов Ставки сосредоточить мощный кулак в районе южнее и юго-восточнее Воронежа и нанести сильный удар в общем направлении на юг, отрезать прорвавшуюся группу войск врага на Сталинград от запада, а затем и разгромить ее. Одновре-

¹⁾ Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 гг.
Краткая история. 3-е издание. Воениздат, 1934, с.152.

менно частью сил создать внешний фронт с целью не допустить подхода резервов противника с запада.

Возможно, Генеральный штаб и не смог воспользоваться этими предложениями и расчетами, но мы, коммунисты, испытывали в то время беспокойство и тревогу за то, чтобы не была упущена возможность разгрома вражеских сил на Сталинградском направлении. Вместе с тем мы хотели как можно скорее вновь стать активно действующей силой в борьбе с врагом.

Уже через многие годы после Великой Отечественной войны я узнал от генерал-лейтенанта Виктора Поликарповича Слезнева, работавшего в одном из центральных управлений МО и видевшего это донесение с резолюциями маршала А.М.Василевского, читавшего его, чему я был очень рад и полностью удовлетворен.

Более двух с половиной месяцев длились ожесточенные кровопролитные бои за Сталинград. Советские воины самоотверженно сражались за каждый метр земли, за каждый дом. При малейшей возможности переходили в контратаки, наносили контрудары, изматывая и обескровливая врага, рвавшегося к Волге.

К середине ноября наступательные возможности 6-й немецкой армии, рвавшейся к Волге, окончательно иссякли. В ожесточенных боях на дальних и ближних подступах к Сталинграду и в самом городе гитлеровские войска потеряли около 700 тыс. убитыми и ранеными, свыше 2 тыс. орудий и минометов, более 1 тыс. танков и штурмовых орудий и свыше 1,4 тыс. боевых и транспортных самолетов¹⁾

Мы, как и весь советский народ, с напряженным вниманием следили за ожесточенной битвой на юге и чувствовали свою причастность к тому, что не смогли в свое время остановить врага на занимаемых им рубежах на Харьковском и Воронежском направлениях. Но вместе с этими нерадостными переживаниями мы глубоко верили, что на Сталинградском направлении враг будет остановлен, а затем и разгромлен.

1) Так же, стр.156.

Вскоре (26 октября) мы получили приказ о выводе корпуса в резерв Ставки и в первых числах ноября по железной дороге были переброшены на переформирование в город Тамбов. В очень короткий срок (ноябрь) корпус получил с заводов новые танки, вооружение и пополнился личным составом. Штатная структура осталась прежней, но качество танков улучшилось. Каждая танковая бригада была укомплектована 53-мя однотипными танками: 32-мя танками Т-34 и 21-м танком Т-70.

В это же время произошли некоторые изменения в организационной структуре. В октябре 1942 г. было введено единоначалие. На командиров целиков возлагалась ответственность за все стороны боевой и политической жизни частей, соединений и учреждений Красной Армии. В связи с этим был упразднен институт военных комиссаров, а в штаты введены заместители командиров по политической части. Пересмотрен был и командный состав - подбирались командиры, способные выполнить задачи в новых условиях.

В этом плане в корпусе больших изменений не произошло. Все военкомы остались на старых местах, но в должности заместителей командиров по политической части. Из командного состава был освобожден командир 54-й танковой бригады, а на эту должность был назначен полковник Василий Михайлович Поляков.

Командиры всех степеней, политработники, офицеры штабов восприняли решение партии и правительства как высокое доверие и вместе с этим как требование повысить ответственность каждого за порученное дело и главным образом за всестороннюю подготовку и боевые действия войск и их постоянную готовность успешно решать боевые задачи.

В период переформирования забот у нас было много. Нам предстояло в короткие сроки освоить новые танки, вооружение, а главное - хорошо подготовить по всем специальностям молодое пополнение

(а его было большинство). От уровня подготовки и в первую очередь от морально-политического состояния зависели все наши будущие ратные дела.

Выполнение поставленных перед нами задач облегчалось тем, что у нас было опытное, хорошо подготовленное командование корпусом и бригад, имевшее боевой опыт, крепкое партийное и комсомольское ядро, позволявшее осуществлять всостороннюю подготовку личного состава к предстоящим боям.

Опыт предшествующих боев показал, что танки, самолеты, артиллерия опасны для врага только тогда, когда они находятся в умелых и надежных руках. Поэтому вся наша партийно-политическая работа направлялась и подчинялась главной задаче - твердо проводить в жизнь все решения партии, всемерно укреплять морально-политическое состояние личного состава, поддерживать постоянную высокую боевую готовность и примерную воинскую дисциплину во всех звеньях, хорошо знать свое боевое оружие и умело применять его в бою. Особое значение придавалось авангардной роли коммунистов и комсомольцев. При этом подчеркивалось, что их обязанность не только быть примером, но и вести за собой, увлекать на подвиги своих товарищей.

Мы добивались того, чтобы в каждом танке, отделении, расчете был коммунист или комсомолец, а в ротах - полнокровная партийная организация. На партийных и комсомольских собраниях обсуждались не только вопросы, связанные с организацией выполнения решений партии и правительства, но и повседневные задачи по освоению, сбережению и умелому использованию техники и оружия в бою.

В Тамбове мы получили молодое пополнение, и поэтому особое внимание уделяли индивидуальной подготовке молодых воинов, а также слаженности подразделений и частей на основе уже накопленного боевого опыта. На учебных полях, полигонах, танкодромах шла непрерывная подготовка к предстоящим боям. Для обучения и воспитания

привлекались все, кто уже бывал в боях, шла большая работа по передаче боевого опыта молодому поколению.

Широко использовался опыт участвовавших в боях лучших механиков-водителей, таких как Иван Чмиль, Михаил Босак, Михаил Федоров, Павел Мартынов, Алексей Киришин, Михаил Соловях, Борис Цимбалюк, Александр Водохлебов, Валентин Белькевич, Павел Карпушев, Федор Саринаки. Это были мастера вождения боевых машин, отлично знавшие свой танк, активные участники многих боев, лихо водившие боевую машину на любой местности, в любое время суток.

Много внимания уделялось огневой подготовке командиров танков, взводов и рот. Опыт боев убеждал нас в том, что наибольшего успеха в бою добивались те экипажи, взводы и роты, где умело сочетались два важнейших качества танкиста: мастерское вождение боевой машины на поле боя и отличная огневая подготовка.

Во всех частях у нас были мастера огня и вождения танков. Их знали, на их опыте учились, равнялись на них в бою. Отличными мастерами огня были командиры Батальонов: Андрей Вибиков, Сергей Стрелков, Иван Леленко, Михаил Нечаев, Илларион Кучеренко, Григорий Титов и Константин Гладченко. Отлично стреляли по танкам врага командиры танковых взводов и рот Алексей Соколов, Владимир Тимченко, Владимир Смирнов, Иван Бутенко, Александр Яковлев, Сергей Митт и многие другие, которые охотно делились своим боевым опытом с молодыми воинами.

Все боевое оружие, которое мы получали с заводов, вручалось воинам в торжественной обстановке перед строем части. Каждый воин давал своей Родине клятву нещадно промывать фашистских захватчиков до полной победы. Эти дни в памяти воинов остались на всю жизнь. Больше внимания уделялось воспитанию ненависти к врагу на конкретных примерах зверств, издевательств, пыток, чинимых фашистами над советскими гражданами и военнопленными.

Для сплочения боевого коллектива большое значение имела правильно организованная политотделами бригад партийно-политическая работа. Работники политотделов постоянно находились в подразделениях, оказывали практическую помощь партийным и комсомольским организациям, изучали настроение воинов, вели широкую организаторскую и пропагандистскую работу по укреплению дисциплины, морально-политического состояния личного состава, высокой боеспособности и политической бдительности.

Вся эта большая и очень важная работа по обучению, воспитанию и подготовке подразделений и частей к предстоящим боям возглавлялась опытными командирами-единоначальниками: В.М.Бадановым, командирами бригад Г.И.Копыловым, В.М.Поляковым, С.К.Нестеровым, В.Л.Савченко и их заместителями по политической части - И.З.Бахтиным, А.И.Сверчковым, П.Е.Елисеевым и Ф.М.Аксеновым.

К 25 ноября корпус закончил доукомплектование. Танками был укомплектован на 100% - 159 единиц, из них Т-34 - 96. Вскоре получили приказ о переподчинении командующему Вго-Западным фронтом, и по железной дороге, ночами, к 10 декабря передислоцировались в район Калач (Воронежский); Ширяево, Мироновка, Журавлево; Стар. Меловое и штаб корпуса Рогов.

Мы были очень обрадованы тем, что поступили в распоряжение Вго-Западного фронта, уже хорошо знакомого нам по прошлым боям, да и перед нами стояла большая и важная задача - принять участие в разгроме очень сильной и большой группировки врага на Сталинградском направлении. Прибыв в новый район сосредоточения, мы начали усиленно готовиться к предстоящим боям.

Глава II

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

Великой Отечественной войны

Заканчивался первый этап оборонительного сражения, длившийся почти полтора года с 19 июля по 13 ноября 1942 года. Потеряв огромное количество войск, материальных ресурсов, не добившись своих целей, враг вынужден был отказаться от дальнейшего наступления.

"Обескровленные и измотанные, они уже не способны были наступать и повсеместно переходили к обороне" ¹⁾.

В начале ноября сообщения Совинформбюро стали менее тревожными и настроение у всех намного улучшилось. "Солдатский вестник" сообщал о том, что в тылу наших войск идет большое передвижение, главным образом в южном направлении. Стало очевидным, что готовится большое наступление наших войск, и это еще больше заставило нас ускорять освоение получаемой новой техники и вооружения и особенно усилить подготовку подразделений, частей и штабов всех уровней. Мы на себе чувствовали все возрастающее напряжение страны, и в частности работы промышленности, поставляющей нам технику и вооружение, органов комплектования и контроля со стороны Генерального штаба. Все это подтверждало наши догадки о готовящемся большом контрнаступлении, которого мы так долго ждали.

В короткие сроки, совершенно скрытно от противника, Советское командование к середине ноября 1942 г. сосредоточило крупные силы наших войск в районе северо-западнее Сталинграда для удара по главной группировке врага, которая состояла из частей сил 3-й итальянской, 3-й румынской, 6 и 4-й танковых немецких армий. В этой группировке насчитывалось 49 дивизий (из них 4 моторизованные и 5 тан-

1) Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 гг.

Краткая история. 3-изд., Воениздат, 1964.

ковых). Действие этой группировки поддерживала авиация 4-го воздушного флота.

По плану контрвыступления, получившего условное наименование "Уран", были сосредоточены крупные силы: 1103 тыс. чел. личного состава (или по отношению к противнику 1,1:1); 1463 танка и самоходных орудия (2,2:1); 15500 орудий и минометов (1,5:1); 1350 самолетов (1,1:1). Из этих цифр видно, что соотношение сил было почти равное. Но на своих главных направлениях советское командование смогло создать двойное и даже тройное превосходство. Следует особенно подчеркнуть, что передвижение этой массы войск и ее сосредоточение производились в строжайшей тайне и секретности от врага. Позже, говоря о провалах немецкой разведки, начальник штаба оперативного руководства ставки Гитлера генерал Йодль признал, что наиболее крупный ее (разведки А. В.) неуспех в ноябре 1942 года заключался в том, что они просмотрели сосредоточение крупных сил русских на фланге 6-й армии на Дону.

Принятый план предусматривал нанесение главного удара двумя фронтами: на севере - Юго-Западным фронтом из района Серафимовичи, Клетская в направлении Калач, Советский и войсками Сталинградского фронта из района Сарпинских озер в направлении Советский и Калач - с целью окружить и уничтожить гитлеровские армии в междуречье Волги и Дона. Донской фронт наносил удар из района Клетской на юго-восток и второй удар из района Качалинская на юг.

19 и 20 ноября 1942 года внезапно для врага развернулось мощное контрвыступление трех фронтов. В неслыханно короткий срок, прорвав оборонительные линии врага, советские войска разгромили противостоящие силы противника и уже 23 ноября танково и механизированные корпуса Юго-Западного и Сталинградского фронтов вошли в район Калач и Советский, замкнув кольцо окружения отборных гитлеровских войск в районе Сталинграда общей численностью 330 тыс.

человек. Такого поражения, вызвавшего буквально потрясение, враг нигде и никогда не испытывал. Теперь, после окружения главной группировки, стал вопрос о ее уничтожении.

В ходе ноябрьского наступления выяснилось, что численность окруженной группировки врага в три с лишним раза превышала ранее предполагавшуюся, и разгромить такую группу войск имеющимися силами было не только трудно, но и почти невозможно.

В своей книге "Дело всей жизни" Маршал Советского Союза А.М.Василевский пишет: "По разведывательным данным фронтов, принимавших участие в контрнаступлении, а также разведывательных органов Генерального штаба общая численность окруженной группировки, которой командовал генерал-полковник Паулюс, определялась в то время в 85-90 тыс. человек. Фактически же в ней насчитывалось, как мы узнали позднее, более 330 тыс."¹⁾

По-видимому, Ставка имела к этому времени крупные резервы в глубине страны и очень быстро выдвигала их к району сражения. Расширился и фронт контрнаступления. Вводится дополнительный план "Сатурн", но после уточнения своих возможностей был принят план "Малый Сатурн".

Потерпев небывалое поражение под Сталинградом, фашистское командование, хотя и было потрясено этими неожиданными событиями, не отказалось от своих главных целей и стало принимать срочные меры. Со всех участков советско-германского фронта, а также из Польши, Франции, Германии стягивались в район Котельниково и Тормосин крупные резервы с тем, чтобы в первую очередь деблокировать окруженные войска 6-й и 4-й танковых армий. Создается новая группа

1) А.М.Василевский "Дело всей жизни". Издательство политической литературы. 1973, стр. 232.

армий под общим командованием генерал-фельдмаршала фон Манштейна. Острота событий нарастала, и время как для нас, так и для противника играло решающую роль.

РЕЙД 24-ГО ТАНКОВОГО КОРПУСА В ГЛУБОКИЙ ТЫЛ БРАГА (ОПЕРАЦИЯ "МАЛЫЙ САТУРН")

В этот очень острый и чрезвычайно сложный период не только для Красной Армии, но и для страны в целом с особой яркостью проявилась мудрость, прозорливость и дальневидность Верховного Главного Командования и его Генерального штаба. В ходе Сталинградской битвы чрезвычайно мобильно и в короткие сроки (конец ноября и начало декабря 1942 г.) еще более скрытно была создана новая и очень сильная группировка наших войск в районе среднего течения Дона. В ее состав входили: левое крыло Воронежского фронта - 6-я армия с 17-м танковым корпусом; Юго-Западный фронт в составе 1-й и 3-й гвардейских армий, 5-я танковая армия, 18-й, 25-й и 24-й танковые корпуса, 1-го гвардейского механизированного корпуса и 17-й воздушная армия.

Вся эта группировка сосредоточилась юго-восточнее Воронежа, а удары планировалось нанести с двух направлений: первый удар - из района Калач-Воронежский, Верхний Мамон, Гроховка, Ольховатый силами 6-й армии с 17-м танковым корпусом и 1-й гвардейской армии, в полосу которой вводились 18, 25 и 24-й танковые корпуса, а второй удар - на левом крыле фронта силами 3-й гвардейской армии с 1-м гвардейским мехкорпусом из района Боковская, Чернышевская, Прогин.

В состав Юго-Западного фронта вошел и прибывший к 10 декабря 24-й танковый корпус.

Наше превосходство было тогда только в танках. Но советское командование главные силы этой группировки, в том числе и все танковые корпуса, сосредоточило на правом крыле Юго-Западного фронта, где противник совершенно не ожидал нашего наступления, и создало здесь абсолютное превосходство. Удачно было избрано направление удара, которое приходилось по наиболее слабому месту всей группировки противника - по его левому флангу (8-я итальянская армия), и очень правильно выбран момент удара, когда противник еще до нашего наступления из ^{района Кабелльмиллеров и Торассе} указанного района втянул в сражение почти все свои силы и резервы.

Крупные просчеты фашистского командования и здесь показали полную несостоятельность его оценки наших возможностей и наших сил. В это время гитлеровское руководство исключало всякую возможность перехода в наступление наших войск и все свое внимание сосредоточило на задаче - во что бы то ни стало деблокировать окруженные войска под Сталинградом.

Предвидение советским командованием хода и развития наступления имело огромное значение в достижении нашей победы.

За несколько дней до наступления (12 или 13 декабря) командующий фронтом генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин вызван нас на командный пункт фронта - В.М. Баданова, И.З. Бахтина и меня с докладами о состоянии и боеспособности 24-го танкового корпуса, недавно прибывшего в его распоряжение. В присутствии членов Военного Совета генералов А.С. Желтова, С.П. Иванова и командующего 1-й гвардейской армией генерала В.И. Кузнецова командующий фронтом заслушал общий доклад командира корпуса В.М. Баданова, по вопросам морально-политического состояния войск - И.З. Бахтина и по вопросам организации управления - меня. В докладах были отмечены и наши слабые стороны - недостаток штатных средств зенитного прикртия, полковой артиллерии

и большой недостаток дизельного топлива для танков (корпус на этот день имел около 0,5 заправки) и в таком состоянии вводиться в бой был по существу не готов).

Командующий фронтом слушал наши доклады внимательно, не прерывал, делал какие то пометки в блокноте. Члены Военного Совета также отнеслись внимательно к нашим докладам. Особенно всех встревожило недостаточное, или точнее очень малое количество дизельного топлива в танках.

Когда мы кончили свои доклады и ответили на вопросы о качестве полученных танков и как освоено новое вооружение личным составом, командующий фронтом строго спросил:

- Вы, что к тебе на блины ехали, или на фронт воевать с врагом?

- В Тамбове горячего не было и нас ориентировали, что мы его получим у Вас, неуверенно ответил командир корпуса.

- Не проявили должной настойчивости и понадеялись на штаб фронта. У нас у самих многого не хватает и особенно горячего.

С минуту помолчав, Ватутин распорядился:

- тов. Кузнецов, выделите в распоряжение Баданова зенитно-артиллерийский полк, дивизион гвардейских минометов ("Катюш") и двести автомашин.

Отдать зенитный полк и дивизион гвардейских минометов Кузнецов не возражал, а об автомашинах сказал, что у него самого их очень мало.

- Автомобили передать и об исполнении донести. Корпус переходит в Ваше подчинение и будет решать задачи в Вашем направлении. Не скупитесь. Мобильность корпуса в бою окупится сторицей.

На счет горячего командующий разъяснил:

- К созданию, фронт имеет также ограниченные запасы горячего. Но время не ждет. Обстановка под Сталинградом остается напряженной.

Враг подтянул свежие резервы и вновь начал наступление с целью деблокировать окруженную группировку 6-й армии, поэтому ни по каким мотивам ни откладывать, ни задерживать наше наступление нельзя. Принимайте самые активные меры и подвозите горячее собственными силами.

Затем Командующий поставил перед корпусом задачу:

— Вам предстоит войти в прорыв за 18 и 25-м танковым корпусом с утра второго дня наступления после прорыва всей главной полосы вражеской обороны. Предупреждаю — не ввязываясь в бои за отдельные опорные пункты и узлы сопротивления противника, стремительно рвись в глубь его обороны в направлении Твердохлебово, Кутейниково, Дегтево, Скокскрская. К исходу 23 декабря требую захватить станцию Цаинскую, перерезать железнодорожную магистраль и захватить аэродромы в районе станции. При выполнении этой задачи корпус оперативно подчиняю командующему 1-й гвардейской армией генерал-лейтенанту В.И. Кузнецову.

Командарму было повторено указания о выделении корпусу необходимой артиллерии и 200 грузовых машин (несколько позже командующий 1-й гвардейской армией выделил в наше распоряжение 658-й зенитный артиллерийский полк и 413-й гвардейский минометный дивизион), но 200 автомашин он дать не смог. На эту же армию были возложены все задачи по обеспечению ввода корпуса в прорыв.

В заключение все присутствующие пожелали нам успешного выполнения задачи.

Командующий фронтом Н.Ф. Ватутин хорошо понимал все значение удара в глубокий тыл врага и решил направить туда наиболее подвижное соединение — танковый корпус, предназначенный для действий в оперативной глубине. Очевидно, поэтому командующий несколько раз подчеркнул, чтобы мы не ввязывались в затяжные бои с противником, обходили крупные населенные пункты и с максимальной быстротой уходили в глубину — к своей главной цели.

Для нас поставленная задача не явилась чем-то неожиданным.

Еще в мирных условиях в академиях и на полевых учениях мы изучали действия танковых и механизированных соединений в оперативной глубине врага и были достаточно подготовлены к выполнению задач такого характера. Весь командный состав, штабы и части в целом также были подготовлены. Все танковые бригады были сформированы из состава бывших танковых дивизий, участвовавших в боях с первого дня войны. Все мы имели уже боевой опыт, доставшийся нам дорогой ценой, и были уверены в успешном выполнении своей задачи.

Вместе с тем мы хорошо понимали, что задача, поставленная перед нами, очень трудная (250-300 километров в тыл врага) и по своему значению очень ответственная. В оставшееся в нашем распоряжении время были приняты все меры, чтобы как можно лучше подготовиться к выполнению поставленной задачи. Главное, до начала наступления необходимо было подвести горючее. К сожалению, полностью решить эту проблему мы так и не смогли. Лишь после захвата Тагинской и трофеев в этом районе мы решили ее.

РАБОТА ШТАБА

Мне хочется более подробно осветить организацию и работу штаба как органа, организующего исполнение всех решений и приказов командира и вышестоящих инстанций.

Штабы танковых корпусов первых формирований были очень малочисленны и слабо оснащены. В штаб входили три отдела: оперативный в составе начальника отдела, двух старших помощников и одного помощника (всего четыре офицера), которому были подчинены еще пять офицеров связи; разведывательный в составе начальника, двух помощников и переводчика; отдел связи в составе начальника, двух помощников и офицера связи. Кроме того, в состав штаба входили

офицер по учету личного состава, в подчинении которого была машинистка, писарь и секретная часть.

Всего в штабе 24-го танкового корпуса насчитывалось 24 офицера, а несколько позже его численность была увеличена до 35 человек.

В штате корпуса имелась рота управления, которая состояла из радиовзвода, имевшего 4 радиостанции РСБ; взвода подвижных средств связи - два мотоцикла и пять машин разных марок; взвода бронемашин - четыре БА-64; взвода обеспечения, в котором был небольшой склад вещевого имущества, продовольственный склад, кухня, повар и др. Для охраны штаба предусматривалось стрелковое отделение в количестве 7 человек. Такой состав роты управления ни в какой степени не мог удовлетворить даже минимальные потребности штаба, и мы вынуждены были взять из мотострелковой бригады стрелковый взвод, а из танковой бригады - взвод танков, за что нас часто упрекали в нарушении штатной дисциплины.

Оргштатные органы считали, что штаб корпуса был предназначен только для организации боя и управления боем. С первых же дней нашей боевой деятельности жизнь опровергла эти взгляды. В условиях современной войны (и мы все хорошо это понимали) мы имели дело с большой насыщенностью войск различным новым сложным вооружением и техникой. Высокая маневренность таких соединений, как танковые корпуса, требовала не только больших знаний и умения максимально использовать возможности современного оружия, но и надежных средств управления и достаточного боевого и материального обеспечения.

Именно в связи с качественным изменением структуры танковых соединений штабы должны были заниматься и фактически занимались всеми вопросами материального и технического обеспечения, без чего невозможно было ни подготовить, ни осуществить ни один замысел, ни одно решение, как бы хороши они ни были.

К сожалению, штатная структура не соответствовала тем задачам, которые обязан был выполнять штаб танкового корпуса в то время. Мы понимали, что такие "куцые" штаты были вызваны обстановкой 1942 года, ~~сделано~~ уменьшить или сократить объем работы штаба не позволяла сама жизнь. По-видимому, оргштатные управления, разрабатывавшие штаты, мало считались с этими важными обстоятельствами.

Несколько облегчало условия нашей работы то, что штаб корпуса комплектовался (как об этом упоминалось выше) в основном офицерским составом из расформированных штабов танковых и механизированных дивизий, хорошо подготовленных еще в мирное время и получивших большой боевой опыт в первый год войны.

Штаб корпуса, как и все штабы, был загружен делами выше всяких возможностей - планирование всех мероприятий, связанных с выполнением приказов, директив, распоряжений вышестоящих органов, а также проводимых командованием корпуса и штабом, организация и проведение командирской подготовки, занятий, учений с войсками в поле и других мероприятий, связанных с обеспечением и поддержанием постоянной боевой готовности войск, организация и осуществление систематического контроля за исполнением приказов, указаний и распоряжений как вышестоящих инстанций, так и командира корпуса и многое другое.

Но самая трудная и ответственная работа штаба начиналась с получением боевой задачи. Да и не только штаба. Командиры, политработники, весь начальствующий состав немедленно включались в работу по подготовке своих участков работы, связанных с обеспечением войск всем необходимым для выполнения теперь уже конкретных боевых задач. Задача штаба состояла в том, чтобы согласовать, скоординировать по месту и времени усилия всех служб управления корпуса и к установленному сроку выполнить свои задачи.

Времени у нас было очень мало - трие суток, а дел много. Еще там, в Тамбове, в период доукомплектования людьми и техникой под руководством командира корпуса и начальника штаба корпуса было проведено несколько тренировок и занятий штаба корпуса со штабами бригад со средствами связи на местности, на которых отрабатывали как функциональные обязанности и взаимную связь внутри штаба, так и организацию связи и руководство подчиненными штабами. В этом активном процессе шло и изучение каждого офицера, его возможности и способности выполнить возложенные на него обязанности.

Для всех нас имело большое значение то, что подготовке штаба корпуса большое внимание уделял сам командир корпуса В.М. Баданов. Он требовал такого же отношения и внимания к своим штабам от командиров бригад. Он лучше нас понимал, что обучение подчиненных - это не только основная форма специальной подготовки с учетом накопленного боевого опыта, но и главная форма воспитания, где идет процесс слияния профессиональных знаний с развитием у каждого высокой ответственности за четкое и честное исполнение своего долга в боевых условиях. Имея большой опыт службы в войсках, он постоянно держал под наблюдением работу штаба и не только учил нас, молодых офицеров, но и постоянно оказывал помощь.

Вся эта практическая подготовка штабов положительно сказывалась на качестве нашей работы. Получив задачу от командующего фронтом, мы смогли в сжатые сроки подготовить все необходимые данные для принятия решения командиром корпуса.

Состояние, укомплектованность и материальная обеспеченность наших частей нам были хорошо известны, и мы главное внимание обратили на изучение организации обороны противника не только в главной его полосе, но и в оперативной глубине, что для нас было самым главным. Нам предстояло иметь дело с противником (итальянцами), которого мы вообще плохо знали и никогда не помышляли о том,

что придется с ним встретиться, поэтому от нас требовалось большое внимание в изучении его обороны, сил и средств.

В изучении состояния и организации обороны итальянцев как в главной полосе, так и в глубине обороны большую помощь оказал нам штаб I-й гвардейской армии, штаб 4-го гвардейского стрелкового корпуса и штабы 35, 41 и 195-й гвардейских стрелковых дивизий, находившихся на переднем крае. Они уже хорошо изучили состав и организацию обороны итальянцев, и все необходимые для нас сведения мы получили без промедления. Зная особый характер нашей задачи, мы интересовались наличием и расположением резервов в оперативной глубине обороны противника, с которым мы, вероятнее всего, будем иметь дело.

Из данных штаба I-й гвардейской армии нам стало известно о наличии у противника ближайших резервов южнее Богучара - 27-й танковой и 305-й пехотной немецких дивизий. Разведывательным управлением штаба фронта мы были ориентированы и о наличии в районе станции Тацинской крупной авиационной базы, большого количества различных складов с военно-техническим имуществом и продовольственными запасами. Относительно наличия там крупных войсковых резервов сведений мы не получили.

Исходя из поставленной перед нами задачи и сложившейся к этому времени обстановки, командир корпуса принял решение вводить корпус в прорыв (предполагалось, что главная полоса обороны будет прорвана), имея двухэшелонное построение: в первом эшелоне иметь две танковые бригады - 130 и 4-ю гвардейскую, а во втором - 54-ю танковую и 24-ю мотострелковую бригады.

После получения приказа от командующего фронтом в этот же день, поздно вечером, командир корпуса собрал командиров частей, их заместителей по политической части, начальников штабов и по-

ставил конкретные задачи на выход в исходный район (Осетровский плацдарм), а затем на исходный рубеж для ввода в прорыв. Бригадам первого эшелона были поставлены задачи на первый день боя и дана ориентировка на дальнейшие действия. Бригады второго эшелона пред- назначались для развития успеха первого эшелона по обстановке. Готовность частей начать выход в исходный район намечалось к 17 часам 15 декабря.

Принятое решение стало основой дальнейшей работы штаба корпуса и штабов бригад. Особое внимание было уделено организации взаимодействия с передидействующими стрелковыми соединениями, поддерживающими нас артиллерией и авиацией, и с соседями - 18 и 25-м танковыми корпусами.

По утвержденному плану начальники штабов бригад с офицерами штаба с утра 13 декабря выехали в штабы дивизий 4-го стрелкового корпуса, выполнявшего задачу по прорыву главной полосы обороны противника, и там согласовали все вопросы по связи, месту и времени, связанные с выходом бригад на исходные рубежи и рубежи ввода, установили маршруты и порядок прохода бригад через боевые порядки стрелковых частей и ряд других вопросов. Начальник штаба с начальником артиллерии корпуса выехали к начальнику штаба 1-й гвардейской армии генералу И.Т.Шлемену, чтобы согласовать вопросы о времени и количестве привлекаемой артиллерии и авиации на период ввода корпуса в прорыв и бое в глубине, а также согласовать порядок закрепления стрелковыми войсками захваченных нами рубежей.

Для того, чтобы постоянно и хорошо знать обстановку на переднем крае и положение своих войск в динамике боя, мы условились к началу наступления в боевых порядках стрелковых частей на направлениях ввода бригад иметь свои подвижные посты наблюдения со средствами связи из штабов бригад, а в штабах дивизий иметь офи-

цера - представителя штаба бригады. На наблюдательном пункте (НП) командира корпуса иметь офицера оперативного отдела штаба корпуса.

Командир корпуса определил свое место на наблюдательном пункте командующего 1-й гвардейской армией. С начальниками штабов 18 и 25-го танковых корпусов, которые начинали действовать раньше нас, мы договорились обмениваться оперативными сводками, на что получили разрешение начальника штаба фронта С.П. Иванова. Начальник связи корпуса установил контакты с начальниками связи упомянутых выше штабов, обменялся с ними документами связи - сигнальными и переговорными таблицами, позывными и другими документами, необходимыми для связи.

Более сложной задачей для нас было организовать взаимодействие с авиацией. Непосредственного контакта ни со штабами соединений, ни с действующими летными частями мы не имели. Все это стало возможным значительно позже. Вызов бомбардировочной или штурмовой авиации для подавления конкретных целей противника тогда осуществлялся по нашим заявкам через штаб 1-й гвардейской армии. Истребительная авиация действовала также по планам штаба фронта и армии.

В условиях высокой динамичности боя, когда обстановка резко изменяется в короткое время, особенно для танковых соединений, предназначенных для действий в оперативной глубине, такая система управления боевой авиацией была чрезвычайно сложна и не позволяла своевременно использовать ее для подавления противника.

Не менее сложным было организовать взаимодействие с поддерживающей нас артиллерией как в период ввода танкового корпуса в прорыв, так и при действиях в глубине. Танковый корпус имел по штату начальника артиллерии, но без органов и средств управления, а артиллерийские части, поддерживающие нас, не имели подвижных средств управления огнем, способных находиться в боевых порядках танковых частей.

Надо было нам выходить из положения, и мы ускорились выделить из каждой головной бригады танки под подвижные артиллерийские наблюдательные пункты. К сожалению, как показала практика, использовать линейный танк для этой цели оказалось невозможно. Установить прямую связь "танк - огневые позиции артиллерии" радиосредства не позволяли, да и разместить расчет наблюдательного пункта с приборами в танке было негде, а десантом на танке под огнем противника, да еще на морозе, долго не усидишь. Кроме того, в условиях высокой подвижности танков по пересеченной местности при непрерывной смене ориентиров подготовить данные для стрельбы в ограниченное время и управлять огнем - сложная и трудная задача.

Однако, пожалуй, самая большая трудность заключалась в большой разности ходовых возможностей танков на гусеничном ходу и артиллерийских систем на колесном, которые не могли передвигаться в темпе наступления танковых частей. В связи с этими обстоятельствами, к сожалению, артиллерийская поддержка танковых соединений при вводе их в прорыв, как правило, осуществлялась на глубину дальности артиллерийского огня с основных позиций, после чего взаимодействие с поддерживающей нас артиллерией прекращалось. Изменить в лучшую сторону артиллерийское сопровождение танкового соединения, предназначенного для развития успеха, нам не удалось до конца войны.

Вместе с тем следует отметить, что штатная корпусная и бригадная малочисленная артиллерия, в частности 24-й артиллерийский дивизион мотострелковой бригады и приданный нам 413-й гвардейский минометный дивизион, в ходе всего рейда оказывала войскам посильную помощь.

В период подготовки к наступлению огромную работу приходилось выполнять нашим техническим службам и органам снабжения. Мы получили новую технику, а с нею и молодое пополнение, которому недавно

вручили танки, пулеметы, машины, радиостанции и многое другое. Все они требовали к себе большого внимания.

Много забот, труда и внимания потребовалось затратить на подвоз всех средств материально-технического обеспечения, особенно топлива для машин и танков. Автотранспортных средств было очень мало, а базы снабжения находились далеко - на удалении 200-300 километров. Личный состав этих служб, особенно водительский, работал почти без отдыха.

Штаб корпуса и штабы бригад обязаны были не только координировать работу служб обеспечения с общими задачами и планом, но и вмешиваться в их работу, контролировать выполнение задач к требуемому сроку и вместе с тем оказывать службам посильную помощь.

Особое место в работе штабов должны занимать вопросы организации исполнения принятых решений и контроль за исполнением.

Все вышесказанное являлось далеко не полным объемом задач, решением которых занимались наши штабы. Однако и этот перечень дает достаточное представление об объеме задач и о том напряжении, с которым работали штабы в период подготовки к наступлению.

Вместе с этим опыт прошедших боев показал, что в ходе наступления возникает много новых проблем, связанных с боевой деятельностью войск, которые требуют новых решений, а следовательно, и еще большего напряжения в работе штабов всех уровней.

Плацидарм, с которого намечалось начать прорыв обороны противника, был ограниченных размеров - 4-5 километров по фронту и 5-6 километров в глубину. Это была излучина, с трех сторон обтекаемая рекой Дон, напоминавшая полуостров, выдвинувшийся на север. Вся территория этого крохотного плацидарма находилась намного ниже переднего края обороны противника и хорошо просматривалась им, а следовательно, и находилась под непрерывным артиллерийским огнем.

Никто не мог подумать, что с этого клочка земли можно начать крупной и решительное наступление наших войск, но случилось невозможное. В установленное время совершенно скрытно заняли исходные позиции для наступления стрелковые, танковые и артиллерийские части, предназначенные для прорыва подготовленной обороны противника. На этот же плацдарм в это же время выходили 18 и 25-й танковые корпуса, предназначенные для развития успеха наших войск после прорыва главной полосы обороны противника. Плотность войск была очень большая, и штабам 1-й гвардейской армии и фронта потребовались большие усилия, чтобы подготовить этот район и сосредоточить на нем необходимое количество войск.

24-й танковый корпус намечалось вывести на плацдарм уже в ходе наступления наших войск, т.е. на второй день наступления.

Особенно беспокоила нас переправа корпуса через р. Дон с левого берега на правый. Имевшиеся переправы у Верхнего Мамона были чрезвычайно загружены, да и авиация противника могла вывести их из строя, и тогда мы оказались бы отрезанными на какое-то время от наступавших войск.

Такая опасность заставила нас подготовить наплавной мост у Нижнего Мамона. Для прочности на лед клались дощатые щиты и заливались водой, и таким образом наращивалась толщина льда, необходимая для пропуска танков. Морозы позволяли это делать.

Чтобы авиация противника не обнаружила подготовку моста в Нижнем Мамоне, все работы выполнялись главным образом ночью силами 13-й инженерно-минной роты с мотострелковыми подразделениями танковых бригад.

В ходе нашей подготовки, на ее завершающем этапе, развернулись грозные события под Сталинградом.

12 декабря сильная котельниковская группировка врага перешла в наступление против войск Сталинградского фронта и с большими

для нее потери в напряженных боях за 10 дней продвинулась до 100 километров. Немецко-фашистские войска прошли две трети пути до Сталинграда, и от окруженной группировки их отделяло расстояние в 35-40 километров. Врагу казалось, что еще одно усилие и соединение с окруженными войсками завершится успешно.

"Войска Сталинградского фронта с небывалой стойкостью и мужеством сдерживали превосходящие силы врага. С целью еще больше оказать сопротивление и бить наступающего врага по частям была создана маневренная ударная группа 51-й армии, в состав которой вошли 4 и 13-й механизированные корпуса, 235-я огнеметная танковая бригада, 234-й отдельный танковый полк и 1378-й стрелковый полк 87-й стрелковой дивизии"¹⁾. Задача этой подвижной группы состояла в том, чтобы задержать на промежуточных рубежах и обескровить вражеские силы до подхода к месту боев 5-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта М.М.Попова и 2-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Р.Я.Малиновского. С подходом этих сил к реке Мылкова враг был остановлен и уже 22 декабря все атаки его были отбиты.

В период наибольшей активности вражеских сил по деблокированию своих войск под Сталинградом (с 12 по 22 декабря), когда противнику казалось, что цель уже совсем близка, по вражеским силам внезапно был нанесен мощный удар силами Юго-Западного и Воронежского фронтов из района среднего течения Дона, находившегося более чем в 250 километрах от места напряженных боев.

Почти полумиллионная армия, тысяча танков, несколько тысяч артиллерийских орудий и минометов, несколько сот боевых самолетов в короткий срок взломали хорошо подготовленную оборону 8-й итальянской армии. В тыл группировки Манштейна устремились танковые корпуса. Удар был внезапный и настолько сильный, что не только ошеломил

¹⁾ А.М.Самсонов. "Сталинградская битва". Издание 2-е. Издательство "Наука", стр.446-447, 457.

гитлеровское руководство, но и заставил его коренным образом пересмотреть и изменить свои планы.

Участник этих событий начальник штаба 48-го танкового корпуса противника полковник Ф. Мелентин свидетельствует: "В этой критической обстановке русское командование проявило глубокую стратегическую проницательность. Вместо того, чтобы сконцентрировать свои резервы для отражения удара группы Гота (на что фашисты, по-видимому, и рассчитывали), оно предприняло новое наступление на Среднем Дону против восьмой итальянской армии"¹⁾.

16 декабря после мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление войска 6-й армии Воронежского фронта, которой командовал генерал Ф. И. Харитонов, 1-го Западного фронта в составе 1 и 3-й гвардейских армий, которыми командовали соответственно генералы В. И. Кузнецов и Д. Д. Лелюшенко и 5-й танковой армии под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко.

Уже во второй половине первого дня наступления были введены в сражение три танковых корпуса:

17-й танковый корпус, которым командовал генерал-майор П. П. Подушков, — в полосе 6-й армии в направлении Ливарова, Никитинское, Ново-Иренина (на юго-запад);

18-й танковый корпус генерал-майора танковых войск В. С. Бахарова — в полосе 1-й гвардейской армии на юго-восток в направлении Радченское, Мешков, Верхне-Чирский;

25-й танковый корпус генерал-майора танковых войск В. В. Павлова был направлен на юго-восток в направлении Барсуки, Лебединка, Верх. Макеевка.

Два танковых корпуса (18 и 25-й) наносили удар по флангу 8-й итальянской армии навстречу 3-й гвардейской армии, наступавшей из района Боковская в западном и юго-западном направлениях.

¹⁾ Ф. Мелентин. Танковые сражения 1939-1941 гг., издательство иностранной литературы, с. 160.

В результате решительных действий советских войск к исходу 18 декабря оборона противника была прорвана в полосе шириной до 60 километров и наши войска продвинулись на глубину до 40 километров.

В ходе наступления соединения советских фронтов разгромили 3 и 9-ю итальянские и 294 и 298-ю немецкие пехотные дивизии. Наши мощные подвижные группы - танковые и механизированные корпуса, усиленные частями других родов войск, устремились по своим направлениям: 17-й танковый корпус развивал наступление на Кантемировку-Миллерово, 25 и 18-й наносили удар во фланг 8-й итальянской армии в юго-восточном направлении навстречу 3-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Д.Д. Лелюшенко.

НА ОСТРИЕ КЛИНА

18 декабря утром в прорыв был введен 14-й танковый корпус. В этот же день в юго-восточном направлении 3-й гвардейской армии был введен в сражение и 1-й механизированный корпус генерал-майора И.Н. Руссиянова. Фронт прорыва с каждым часом расширялся, и войска стремительно продвигались вглубину, создавая реальную угрозу для всей группировки войск противника на всем сталинградском направлении.

В этом решающем ударе Юго-Западного фронта особая роль предназначалась 24-му танковому корпусу. Продвигаясь в юго-западном направлении, он оказался в центре всей танковой группы - на острие танкового клина. Как и было решено, в первом эшелоне шли 130 и 4-я гвардейские танковые бригады, во втором эшелоне за 130-й бригадой - 4-я мотострелковая бригада, а за 4-й гвардейской - 54-я танковая бригада.

Штаб корпуса двигался в центре боевого построения частей за 130-й танковой бригадой. Части начали движение перед рассветом. В связи с тем, что на этих направлениях вводились уже 17, 18 и 25-й танковые корпуса, мы полагали, что встретимся с противником в глубине обороны в середине дня, и наши разведорганы в темпе двинулись на юг.

С первых же шагов нам предстояло пересечь небольшую речку Богучарку, на южном берегу которой противник имел систему опорных пунктов и, как мы предполагали, уже захваченных нашими стрелковыми частями. При подходе к речке Богучарка разведка 4-й гвардейской танковой бригады была внезапно встречена сильным противотанковым огнем из опорного пункта противника Расковка. Из трех танков Т-70 один был подбит и один загорелся.

Командир 4-й гвардейской танковой бригады полковник Г. И. Копылов выслал второй разведорган от 1-го танкового батальона в составе роты танков Т-34 со взводом автоматчиков десантом на танках под командованием комсомольца лейтенанта А. Шишкова. Эта попытка провести разведку боем также не удалась. В результате 4-я гвардейская танковая бригада потеряла несколько танков и много драгоценного времени на первых километрах наступления. Командир бригады приказал искать обход.

Выполнить такую задачу было не так просто. Резко пересеченная местность, разрезанная рекой Богучаркой, крутые спуски и такие же подъемы, глубокий снежный покров в балках при крепких морозах очень ограничивали маневр боевой техники, в том числе и танками. В связи с такими сложными естественными условиями поиск обходов затянулся. Позже выяснилось, что накануне (17 декабря), как только прошли танки 18-го танкового корпуса, а стрелковые части еще не подошли, ночью опорный пункт Расковка вновь заняли ближайшие ре-

зервы противника. С ними-то и столкнулась 4-я гвардейская танковая бригада.

Неожиданная встреча с противником и нерешительные действия полковника Г.И. Копылова очень озадачили командование корпуса.

В это же время справа 130-я танковая бригада настигла отходящую колонну итальянцев, разгромила ее и стала успешно продвигаться на юг.

Командир корпуса решил использовать успех 130-й танковой бригады и приказал полковнику Г.И. Копылову не медлить, а обходить Расковку справа, по маршруту 130-й бригады, после чего снова выйти на свое направление. Бригада успешно выполнила обходной маневр и, сделав полукруг в радиусе 5-8 километров от опорного пункта Расковка, вышла на свое направление и, развивая успех, овладела населенным пунктом Барсуки.

К исходу 18 декабря 130 и 4-я гвардейская танковые бригады вышли на рубеж Ивановка-Шуриновка и на 30-35 километров углубились в оборону противника, намного обогнав стрелковые части 1-й гвардейской армии. Дальнейшему нашему передвижению в этот день мешала авиация противника. Она несколько раз бомбила боевые порядки 130 и 4-й танковых бригад. И хотя потери были невелики, движение бригад было задержано надолго. В 4-й гвардейской танковой бригаде было ранено 10 человек, а в мотострелковом батальоне повреждены две пушки. Примерно такие же потери были и в 130-й танковой бригаде.

В этот день много пришлось поработать зенитчикам 658-го зенитного артиллерийского полка (командир полка майор А. Гусев) и 24-й мотострелковой бригады. Зенитчики старшего лейтенанта В. Лобова сбили два самолета Д-88, а командир орудия 658-го зенитного артиллерийского полка комсомолец старший сержант Сидоренко сбил "Мессершmitt".

В этот же день досталось нам и от нашей авиации. Низкая облачность, отсутствие связи и тесного взаимодействия с нашей авиацией, а также слабое знание летчиками силуэтов наших танков привело к тому, что наши штурмовики приняли колонну танков 4-й гвардейской танковой бригады за танки противника и атаковали ее. Только большое количество выпущенных зеленых ракет в воздух заставило наших летчиков при повторном заходе понять свою ошибку, повернуть в сторону и уйти.

В последующие дни наша авиация редко появлялась над нашими боевыми порядками главным образом потому, что в это время шли тяжелые кровопролитные бои над Сталинградом. Противник бросил туда свои главные силы, в том числе и авиацию, чтобы разорвать кольцо окружения вокруг 6-й армии Паулюса. В связи с этим наша авиация вынуждена была действовать на том участке фронта. Общую обстановку мы хорошо понимали, но без поддержки авиации и особенно без воздушного прикрытия войскам было очень трудно продвигаться, особенно в первые дни наступления, когда аэродромная сеть и управление авиацией противника не были еще нарушены и противник мог наносить авиационные удары по нашим войскам под Сталинградом и по войскам Западного фронта с одних и тех же аэродромов.

Надо заметить, что в то время управление нашей авиацией на поле боя в интересах полка, дивизии, корпуса еще не было отлажено. Танковый корпус, предназначенный для действий в оперативной глубине в отрыве от своих войск, не имел авиационного представителя со средствами связи для управления истребительной и штурмовой авиацией на поле боя. Вызов же авиации по заявкам через штаб 1-й гвардейской армии мало что давал. Трудно вспомнить, когда просьбы или заявки штаба танкового корпуса удовлетворялись. В то тяжелое время нам приходилось под воздействием вражеской авиации преодолевать

сопротивление противника мужеством и силой удара своих войск.

Опыт войны подтвердил, что летчики, особенно при совместных действиях в боевых условиях, должны твердо ориентироваться на поле боя, хорошо знать силуэты танков, артиллерии, наступающих стрелковых войск и их условные знаки. Как правило, сигналы ракетами в динамике боя мало что дают для летчиков. Кроме того, необходима постоянная и непосредственная радиосвязь командира наступающей части с взаимодействующей с ним авиацией. Только он может ориентировать точно, где сейчас находятся его подразделения и где цели, по которым следует нанести удар с воздуха. В вышестоящих штабах от соединения и выше можно иметь представителя со средствами связи от авиационного соединения, а для подавления целей противника нужна прямая связь авиации с теми, кто непосредственно в этом нуждается.

24-й танковый корпус впервые выполнял задачу подвижной группы фронта в оперативной глубине противника. Но при вводе в прорыв был оперативно подчинен командующему 1-й гвардейской армии, так как все обеспечение при вводе в прорыв было возложено на эту армию. Обстановка сложилась так, что корпус оказался в центре всей группировки и наступал в южном направлении на станцию Тацинскую. Ни справа, ни слева наших войск не было. Оторвавшись от стрелковых войск первого эшелона, мы особенно остро почувствовали опасность внезапной встречи с противником. Вскоре наши опасения подтвердились, и мы в первую же ночь оценили значение высокой бдительности. 19 декабря в 2 часа ночи разведка 4-й гвардейской бригады доложила, что по дороге из Богучара на Шуриновку движется колонна противника. Не теряя времени, полковник Г. И. Копылов приказал командиру 1-го танкового батальона майору А. С. Бибинову выслать засаду в составе усиленной танковой роты с ротой автоматчиков на перекресток дорог в 3-х километрах северо-восточнее Шуриновки и встретить колонну

противника огнем из засады. Ночи стояли светлые. Командир танковой роты старший лейтенант Иван Табацков и командир роты автоматчиков старший лейтенант М. Брагин заняли выгодные позиции. Подпустив колонну противника на близкое расстояние, они внезапно для него открыли огонь из танков. Оставив технику и вооружение, гитлеровцы бросились бежать в сторону балки, покрытой мелким кустарником, но там их перехватила рота автоматчиков Брагина. Спаслись бегством удалось немногим. Здесь было уничтожено 115 гитлеровцев, 42 солдата сдались в плен, захвачено 15 машин и около 40 мотоциклов.

В наступлении очень важно в первых же боях одержать победу. Офицеры и бойцы в ходе боя взрослеют, мужают, набираются самого ценного — боевого опыта, увереннее и смелее ведут себя в следующем бою, что помогает им одерживать новые победы. Только опыт дает возможность побеждать врага, даже более сильного, "не числом, а умением".

Под ударами наших войск противник терял управление, метался из стороны в сторону и бежал на юг и на запад. С рассветом (19 декабря) 4-я гвардейская танковая бригада начала движение на Кутейниково. Правее ее преследовала противника 130-я танковая бригада. Получив донесение разведки о движении колонны противника на запад через Ивановку, командир бригады подполковник С. К. Нестерев приказал командиру 1-го танкового батальона капитану И. Линнику атаковать и разгромить колонну: В результате внезапной и стремительной атаки колонна противника была полностью разгромлена. Был уничтожено большое количество гитлеровцев. На поле боя осталось 35 автомашин в основном с военно-техническим имуществом.

Уже поздно ночью все бригады вышли в намеченные районы. Как правило, после напряженного дня боев люди очень устают и мечтают об отдыхе. Однако по опыту прошлых боев командиры хорошо понимали,

что и после успешно окончившегося боя нельзя расслабляться. Завтра предстоят новые бои, новые атаки, и к ним надо всесторонне готовиться уже сегодня, ни на минуту не забывая о главном — о постоянной боеготовности. Надо проверить и подготовить танки, машины, вооружение, пополнить запасы.

Особенно много дел и забот у танкистов. В то время массовое производство танков Т-34 только началось. Производственная обкатка, выявление и устранение конструктивных и производственных дефектов проводились в боевых условиях. В связи с этим большое количество машин отставало из-за технических неисправностей. Необходимо было их отремонтировать, пополнить боеприпасами, горючим и вновь ввести в боевые порядки. Много забот было и у работников тыла продовольственной и медицинской служб.

Несмотря на большую физическую нагрузку, никто никогда не жаловался, помогали друг другу. Часто в конце дня на коротких комсомольских летучках принимались конкретные решения, в которых указывалось, кто, кому и в чём должен помочь.

Большая ответственность по организации и подготовке всего состава корпуса к выполнению задач завтрашнего дня ложилась на командиров всех степеней, их заместителей и штабы. Как правило, в боевых условиях обстановка непрерывно резко меняется. Остается постоянной только цель наступления. Исходя из сложившейся к концу дня конкретной обстановки, каждый командир должен определить свою роль и место на завтрашний день, определить задачи, довести их до каждого исполнителя и не только довести, но и материально обеспечить. Если подчиненные не поймут задачу и почему ее надо выполнить к определенному сроку, успеха ожидать нельзя.

В этой каждодневной большой организаторской работе большую и действенную помощь командирам постоянно оказывали политработники, коммунисты и комсомольцы.

В течение дня 19 декабря все бригады продолжали выполнять поставленные задачи. 130-я танковая бригада стремительно продвигалась через Болдыревку и Маньково-Калитвинской, а 4-я гвардейская танковая бригада наступала левее - на Кутейниково. К исходу дня они должны были захватить рубеж Маньково-Калитвинская-Кутейниково. Вначале бригады успешно продвигались, уничтожая мелкие группы отходящего противника. В середине дня первый танковый батальон 130-й танковой бригады с ходу захватил хутор Ново-Степановский, а 2-й танковый батальон этой же бригады под командованием капитана М. Нечаева, увлекшись преследованием, отклонился от своего направления вправо и внезапно оказался перед населенным пунктом и станцией Чертково. Там он увидел большое движение машин, солдат и погрузку на железнодорожные платформы крытых машин, ящиков и т.п. М. Нечаев решил атаковать противника. Танкисты открыли пушечный и пулеметный огонь по батареям, прикрывавшей станцию и по паровозам. Атака для противника была неожиданной. Началась паника в стане врага. Батарея противника была уничтожена, убито около 100 солдат и офицеров, разбито два паровоза под парами, которые пытались с нагруженными вагонами высочить из Чертково.

В этот день успешными были и действия 4-й гвардейской танковой бригады. При подходе к Кутейниково головной 1-й танковый батальон майора А.С. Вибикова разгромил колонну противника и на его плечах ворвался в населенный пункт. Итальянцы, бросая оружие и технику, сдавались в плен. Вскоре Кутейниково было в наших руках. Особенно смело и решительно действовали головные подразделения коммунистов лейтенантов А. Терновского и А. Соколова и автоматчики мотострелкового батальона майора К.Г. Будрина.

Победа была значительная. Бригады захватили важные опорные пункты, где размещались тыловые части противника и базы снабжения войск, и перерезали основную рокадную дорогу Чертково-Маньково-Калитвинская-Кутейниково, по которой осуществлялся маневр войсками и шло снабжение 8-й итальянской армии.

Успех 4-й гвардейской танковой бригады всех нас очень обрадовал. Выход корпуса в район армейских тылов противника на глубину 70-80 километров позволял надеяться на еще большие темпы продвижения к нашей цели. Настроение у всех было приподнятое, и главное внимание было уделено действиям разведки и вопросам материально-технического обеспечения.

Командование бригады считало, что противник разбит, бежит на юг и особого беспокойства не проявило. В результате внимание к вопросам постоянной боевой готовности, о чем говорилось выше, было ослаблено.

В конце дня 19 декабря противник подтянул свои резервы - части 27-й танковой дивизии с юга и внезапно атаковал 4-ю танковую бригаду в Кутейниково и 130-ю - в Маньково-Калитвинской примерно в одно и то же время силами по 20-25 танков и по пехотному батальону на каждом направлении.

Для 4-й гвардейской танковой бригады атака противника была полной неожиданностью. Танки и пехота противника ворвались в населенный пункт. В этом бою бригада потеряла 11 танков, 27 человек были убиты и 35 человек ранены. Противник также понес большие потери. Бригада вынуждена была оставить Кутейниково. Командованию корпуса бригаде пришлось затратить много времени и сил на организацию отпора врагу. Только поздно ночью удалось разбить группу противника и восстановить положение. Большую помощь бригаде оказал заместитель командира корпуса по политической части Иван Захарович

Бахтин, прибывший в бригаду по поручению командира корпуса В. М. Банданова.

Примерно в это же время главные силы 130-й танковой бригады подходили к Маньково-Калитвинской без 2-го батальона. Впереди шла корпусная разведка в составе двух мотоциклов с автоматчиками и двух бронемашин. На одной из бронемашин находился начальник разведки штаба корпуса капитан Архип Иванович Домбровский. Энергичный и смелый офицер, не раз сам участвовавший в боях и в разведке, хороший товарищ, коммунист, он решил выехать в разведку со своими разведчиками, чтобы штаб корпуса получал данные обстановки из "первых" рук. Опыт боев показал, что данные от бригадных органов разведки через штаб бригады запаздывают, и ему, конечно, надо было отработать систему связи "разведорган - штаб корпуса". При этом, безусловно, проводилась большая и нужная воспитательная работа - шло обучение молодых разведчиков в ходе наступления.

При подходе к населенному пункту разведчики внимательно осмотрели северную окраину, но ничего подозрительного не обнаружили, решили подойти к станице ближе. Подъехав поближе, разведчики заметили бегущих вокруг избы фашистских солдат то ли за курицей, то ли за гусем, а рядом замаскированные пушки, машины и несколько танков. Отступать было поздно. Противник также заметил разведчиков и открыл огонь из пушек и пулеметов. В жестокой схватке с врагами пал смертью храбрых боевой разведчик капитан Домбровский. Бронейным снарядом пробило грудь отважного коммуниста-разведчика. Все очень сожалели о гибели этого храброго воина и его экипажа, которые, жертвуя собой, спасли жизнь многим танкистам.

Дополнительная разведка подтвердила, что впереди большое скопление вражеских войск, отошедших сюда со всех сторон. Стало очевидным, что одной бригадой да еще без батальона взять станицу будет трудно. Уверенности в успехе не было, поэтому командир корпуса при-

казал отозвать танковый батальон из Чертково и ввести в бой из второго эшелона 54-ю танковую бригаду.

Одновременный удар 130-й танковой бригады с севера и северо-запада и, 54-й танковой бригады с юга в тыл противнику был успешным. Противник понес большие потери. Было взято большое количество пленных и 300 автомашин, которые передали в 24-ю мотострелковую бригаду. Важный узел дорог теперь был в наших руках.

После боя по-другому сложилась обстановка в 130-й танковой бригаде. В конце дня, как и на участке 4-й танковой бригады в Кутейниково, примерно в это же время противник силами до батальона пехоты с 25 танками начал наступление на Маньково-Калитвинскую, надеясь внезапным ударом выбить 130-ю танковую бригаду и восстановить там свое положение. Однако расчеты противника на внезапность не оправдались.

После захвата Маньково-Калитвинской Степан Кузьмич Нестеров и штаб сразу организовать боевое обеспечение - непосредственное охранение, на все основные направления выслали разведку и не успокоились, пока танковые и мотострелковые батальоны не стали в указанных районах в готовности к дальнейшему движению и к отражению атак при внезапной встрече с противником. Все эти меры особо обязательны для танкистов, действующих в эшелонах развития успеха.

И действительно, атака противника была отражена с большими потерями для него. Ночь скрыла отход противника на юго-запад. На поле боя остались сгоревшие и подбитые 10 танков, разбитые машины и трупы фашистов.

Только поздно ночью бригады смогли начать подготовку к завтрашнему дню. 4-я гвардейская танковая бригада остановилась в Кутейниково и, ожидая подвоза горючего, приводила в порядок технику и оружие после боя за этот населенный пункт. Вместо нее в первый эшелон была выдвинута 54-я танковая бригада.

С утра 20 декабря 54 и 130-я бригады стремительно двинулись на юг. Теперь танковый корпус прорвался глубоко в тыл врага.

Встречавшиеся деморализованные группы противника сдавались в плен, а те, которые не сдавались, уничтожались передовыми отрядами бригад. Настроение у всех было боевое. В этот день нас сопровождали наши истребители, поэтому и скорости продвижения были высокие.

Вскоре 54-я танковая бригада нагнала большую колонну отступающего противника - остатки 11-й пехотной дивизии румын. Командир бригады не стал терять времени и с ходу атаковал колонну. Противник большого сопротивления оказать не смог, однако те, кто имел надежных лошадей или машины, бежали в направлении Дегтево. На плечах убегающего противника бригада ворвалась в этот населенный пункт, а затем полностью овладела им. Остатки румынской дивизии отступали из Дегтево на запад, но там были перехвачены 130-й танковой бригадой и окончательно разгромлены.

В конце этого дня мы получили из штаба фронта печальную радиограмму о том, что в дальнейшем авиация прикрывать нас не сможет, так как мы оторвались дальше радиуса действия наших истребителей. Теперь оставалась надежда только на наших смелых зенитчиков и умелый маневр войск во время налетов авиации противника.

Противник как будто бы знал это и непрерывно в конце дня в течение двух часов наносил мощные бомбовые удары по нашим бригадам. Естественно, это привело к излишним для нас потерям.

Задолго до рассвета 21 декабря 54-я танковая бригада выступила в качестве передового отряда корпуса с задачей с ходу захватить с.Криворожье, а затем и Большинку. 24-я мотострелковая бригада выходила в Кутейниково, а затем в Дегтево.

Наш передовой отряд - 54-я танковая бригада - в этот день действовал исключительно успешно. При подходе к с.Криворожье бри-

гада настигла небольшую колонну пехоты противника с танками, пытавшегося оказать сопротивление, но стремительным ударом с флангов танковыми батальонами капитана Г. В. Титова и старшего лейтенанта С. Я. Стрелкова вражеская колонна была разгромлена. В бою было взято в плен до 300 солдат и офицеров, сожжено 3 танка и захвачено два исправных румынских танка с экипажами.

При подходе к Большинке 54-я танковая бригада разгромила еще одну колонну противника, сожгла 7 танков и после короткого боя захватила этот населенный пункт.

Успешные действия головной бригады позволили главным силам корпуса - 130 и 4-й гвардейской танковым бригадам - без боя продвигаться за передовым отрядом и к концу дня также подойти в район Большинки. В этот день танкисты сделали наибольший скачок: за один день с боями было пройдено около 70 километров и еще больше оторвались не только от стрелковых войск, но и от своих баз снабжения. В танках осталось примерно 0,2-0,3 заправки топлива, а с таким количеством горючего далеко не уйдешь. Боевых потерь в этот день было немного, но отставших по техническим причинам танков было очень много. Так, в 54-й бригаде отстало 13 танков Т-34 и 7 танков Т-70. Несколько меньше отставших танков (но тоже много) было и в других бригадах. Такое состояние частей не позволяло двигаться вперед, но и останавливаться было нельзя.

Чтобы не снижать темпов наступления и не дать противнику возможности не только закрепиться на выгодном для него рубеже, но даже остановиться, было принято решение продолжать преследование передовым отрядом корпуса - силами одной усиленной 4-й гвардейской танковой бригады, а остальным двум танковым бригадам был отдан приказ передать свои скромные запасы дизельного топлива передовому отряду, принять самые энергичные меры к подвозу топлива и подтянуть отставшие танки.

4-й гвардейской танковой бригаде была поставлена задача - утром 22 декабря захватить Ильинку, а к исходу дня - и Скосырскую. Гвардейцы успешно выполнили первую часть задачи. Внезапная атака утром 22 декабря на Ильинку застала противника врасплох. От непрерывного отступления он, по-видимому, тоже изрядно устал и оказать сопротивление не мог. Но и бригада из-за отсутствия горючего дальше продвигаться не могла.

Стрелковые войска далеко отстали севернее нас. Хотя войска 1-й и 4-й гвардейских армий широко разорвали фронт наступления и имели большие успехи, но многочисленные гарнизоны противника отвлекали значительные силы на их уничтожение и главным образом по этой причине снижался общий темп наступления и образовался разрыв между стрелковыми войсками и подвижными группами фронта.

"Используя успешные действия танковых корпусов, стрелковые соединения 1-й гвардейской армии 22-го декабря окружили в районе Арбузовка и дуравка крупные силы 8-й итальянской армии в составе 3, 9 и 52-й итальянских дивизий, - 298-й немецкой пехотной дивизии, а также итальянских пехотных бригад "23 марта и 3 января". Группировка врага была быстро расчленена и 24 декабря полностью капитулировала. 15 тысяч солдат и офицеров противника были взяты в плен" I).

Примерно такая же обстановка складывалась и на направлении наступления 3-й гвардейской армии у генерала Д.Д. Лелюшенко.

Мы оказались в тяжелом положении: одна бригада была в Ильинке, две, - в Большинке, мотострелковая - в Дегтево. Наши части растянулись более чем на 100 километров. Командованием корпуса

I) А.М. Самсонов "Сталинградская битва". "Наука", 1968, стр.479.

были приняты все меры, чтобы как-то помочь бригадам. Были высланы офицеры штаба корпуса и штабов бригад на базы снабжения горючим и боеприпасами во главе с расторопным капитаном К.С.Пономаревым для решения на месте всех возникающих препон. Надо сказать, что капитан К.С.Пономарев справился со всеми трудностями и горючее было доставлено. Кроме того, была усилена охрана путей подвоза в наиболее опасных местах, организована разведка с целью поисков оставленных противником складов с горючим и др. Все эти меры не были бесполезны, они помогли нам шире узнать обстановку и ускорили подход транспорта с горючим.

В конце дня 22 декабря стали подходить машины с горючим под охраной восстановленных ранее отставших танков с десантом стрелковых подразделений мотострелковой бригады, и мы смогли пополнить танки горючим до 0,5-0,7 заправки.

По-прежнему значительно отставала 24-я мотострелковая бригада из-за отсутствия средств передвижения. Разрыв достигал 100 километров. Передаваемые ей трофейные машины использовались только частично. Однако и в этих трудных условиях мотострелковая бригада выполняла очень важные задачи. Передвигаясь от рубежа к рубежу, от одного населенного пункта к другому, она прикрывала наступление корпуса с тыла. Оставляя небольшие гарнизоны в населенных пунктах на основном маршруте, бригада охраняла пути подвоза всех видов боевого и материально-технического снабжения в корпус и осуществляла вывоз раненых в тыл на участке между частями танкового корпуса и передовыми частями стрелковых войск.

Отсутствие необходимого количества средств передвижения заставляло бригаду передвигаться пешеходно от рубежа к рубежу: одна часть стрелковых подразделений перебрасывалась на машинах вперед в район первых эшелонов корпуса, спешивалась и дальше продвигалась в пешем порядке, а машины возвращались за оставшейся

частью, забирали ее и перебрасывали перекатом на еще более дальний рубеж и вновь возвращались за первой частью и т.д.

Такой способ передвижения ускорял перемещение бригады, но и в этих условиях она отставала, а главное значительно снижалась боеспособность бригады. Мы принимали все меры, чтобы как-то помочь ей. Командир корпуса еще раз подтвердил приказ танковым бригадам все трофейные машины передавать в мотосредковую бригаду (а в это время их было немало), но, к сожалению, не все транспортные машины можно было использовать из-за отсутствия подготовленных специалистов.

Еще перед наступлением мы условились со штабом I-й гвардейской армии о том, что за танковым корпусом будут следовать стрелковые части и закреплять захваченные рубежи и населенные пункты, с тем чтобы танковый корпус не растранивал силы на эти задачи. Вместе с тем стремительные действия танкового корпуса помогут стрелковым войскам значительно увеличить свои темпы наступления.

К сожалению, выполнить эту часть плана взаимодействия не удалось. Нам пришлось растягивать по основному маршруту 24-ю мотосредковую бригаду. Как выяснилось позже, одной из причин большого разрыва между танковым корпусом и стрелковыми войсками явилось значительное отвлечение войск I-й гвардейской армии с 22 по 24 декабря (в период наибольшего нашего отрыва) на ликвидацию крупной группировки врага в районе Арбузовки и Муравки и на другие задачи.

В условиях, когда танковый корпус действует как подвижная группа в отрыве от стрелковых войск, большую нагрузку выдерживали и наши автомобилисты. Им приходилось работать беспрерывно днем и ночью, в снегопад и в морозы (а декабрь 1942 года был морозным и снежным) по 18-20 часов в сутки в очень сложных климатических и боевых условиях. Особенно большие сложности испытывали водители транспортных машин, связанные с материально-техническим обеспече-

нием. Эта группа воинов вынуждена была действовать мелкими группами и даже одиночными машинами по существу в зоне противника — между танковым корпусом и передовыми стрелковыми частями фронта и армии. В этой зоне всегда сохраняется вероятность встречи с разрозненными группами или отступающими частями противника. И все же советские воины-водители не считались с большими опасностями и трудностями, настойчиво и успешно выполняли свои задачи. Они подвозили горючее, боеприпасы, продовольствие, вывозили раненых, проявляя при этом смелость, находчивость и мужество.

Вот один пример. 4-я гвардейская танковая бригада в середине дня 20 декабря выступила из Кутейниково и двигалась в заданном направлении. На окраине населенного пункта задержалась кухня мотострелкового батальона этой бригады. Водитель машины Иван Шевченко и повоз Петр Морев, приготовив обед, стали догонять свою часть. За ними шла машина с продовольствием, в которой было еще пять наших воинов. На одном из полевых перекрестков они наткнулись на отступающую группу итальянских солдат. Наши комсомольцы не растерялись, остановили машину, выскочили с автоматами и командовали: "Руки вверх!" Итальянцы остолбенели от такой дерзости небольшой группы советских солдат, но руки начали поднимать и бросать оружие. Долго не раздумывая, Петр Морев построил итальянских солдат в колонну, назначил старшего и направил их на север в Кутейниково на сборный пункт военнопленных. Затем, забрав брошенное оружие, наши отважные воины поторопились в свою часть.

Командир корпуса наградил смелых и находчивых воинов медалью "За отвагу". Вручая награду перед строем батальона, Иван Захарович Бахтин поблагодарил воинов за проявленную отвагу и добросовестное выполнение своих задач, подчеркнув при этом, что в танковом корпусе воюют не только на танках, с пушками и пулеметами, но и

водители машин, повара, связисты и даже медики. В этом наша сила — воюют все! В ответном слове Петр Морев поблагодарил командование за высокую награду и в заключение сказал: "Получая правительственную награду, я заверяю Вас, что советские повара (тут он помолчал и продолжил) никогда не останутся голодными!!!" В ответ раздался громкий и веселый смех. До слез смеялся и Иван Захарович, успокаивая растерявшегося Петра Морева. Друзья Петра оставили за ним прозвище "токарь-пекарь", на что Морев не обижался.

Приведу еще пример. Командир роты управления 4-й гвардейской танковой бригады старший лейтенант А. Дегасюк вез в бригаду продукты на машине, в кузове которой сидели четыре автоматчика. В стелю дорог много и при малейшей невнимательности легко сбиться с маршрута. Так и произошло. Сбившись с маршрута, А. Дегасюк попал на хутор Щуриновку, где находились склады противника, которые хорошо охранялись. Часовой у въезда в склад не обратил внимания на подъезжающую машину, а Дегасюк понял, что попал не туда, куда ехал. Энергичный и смелый командир роты не растерялся, прямо из машины застрелил часового, а с выскокшей на выстрел охраной склада расправились наши автоматчики.

Не успели еще наши "блудари" прийти в себя, как водитель машины крикнул, что по дороге к складу движется какая-то колонна машин с солдатами. Командир роты и тут не растерялся, приказал всем, в том числе и водителю, стать за ограду, приготовиться, но без команды не стрелять. Подпустив колонну ближе и убедившись, что ошибки нет, что едут итальянские "пассажиры", командовал: "Огонь!" В этой схватке 20 солдат противника было убито, а более 100 сдались в плен. Отправив пленных на ближайший пункт сбора, Дегасюк без потерь продолжал выполнять свою задачу.

Подобные ситуации, когда офицеры, сержанты, солдаты тыловых служб (шоферы, связисты, медперсонал, ремонтники) вынуждены были брать гранаты, автоматы, винтовки и вести бой, в танковых войсках, действующих в отрыве от стрелковых войск, были не редкость.

БОЙ ЗА СКОСЫРСКУЮ

К концу 22 декабря танковые бригады пополнились горячим, подтянулась большая часть отставших танков, подошла в район Криво-рожья и мотострелковая бригада. Глубина растяжки корпуса намного сократилась. Предстоял последний бросок через Скосырскую на Тац-цинскую — конечную цель нашего глубокого рейда. Теперь мы были уверены, что завтра будем в Таццинской.

Тогда мы еще не знали, что общая обстановка на нашем направлении резко изменилась. Полный разгром 8-й итальянской армии, внезапное появление 14-го танкового корпуса в глубоком тылу врага в районе Ильинки, Скосырской, Большинки, стремительное движение в район Морозовской 5-го танкового корпуса, а также 3-й гвардейской армии с 1-м механизированным корпусом создали кризисную обстановку для гитлеровских войск не только перед Уго-Западным фронтом, но и на все сталинградском направлении.

Участник боев по Сталинградом начальник штаба 48-го танкового корпуса противника полковник Мелентин так оценил обстановку, того времени:

"Кризис на нашем участке фронта и разгром итальянцев не только вынудил отказаться от наступления II-й танковой дивизии через Дон (дивизия имела задачу форсировать Дон и усилить наступление армейской группы Гота, наступающей к окруженной группировке Паулюса из Котельниково), но и заставил Манштейна срочно задержать 4-ю армию группы Гота, для того чтобы создать оборону

на новом рубеже и прикрыть Ростов. Это решило судьбу 6-й армии под Сталинградом.

22 декабря наш корпус получил приказ оставить рубеж реки Чир и вместе с II-й танковой дивизией передвинуться на 145 километров к западу в район Тацинской. Если бы мы не совершили быстро этого марша, ничто не спасло бы Ростов" 1).

Опасаясь потерять свои базы, материально-технические склады, аэродромы и основную коммуникацию Дикая - Сталинград, уже 22 декабря Манштейн отказывается от деблокирования 6-й армии Паульса, снимает с Тормосинского направления 48-й танковый корпус с II-й танковой дивизией, усиливает его 6-й танковой дивизией с Котельниковского направления и двумя пехотными дивизиями и форсированным маршем направляет их в район станиц Морозовская и Тацинская. Одновременно с этим подтгивает к этому району подходящие резервы с запада - танковые и пехотные дивизии.

Всеи этой обстановки мы тогда, конечно, не знали. Данные авиаразведки о том, что с востока и запада в наш район движутся крупные резервы противника, мы получили слишком поздно. Но мы понимали, что наносим удар по самому больному месту и противник в покое нас не оставит. Мы принимали все возможные меры, чтобы ускорить наступление и при любых трудностях выполнить поставленную задачу.

Противник тоже принимал все возможные контрмеры, чтобы обеспечить подход своих резервов в район Скосырской, прикрывавшей с севера основные базы в Тацинской. К исходу 22 декабря противник подтнул сюда остатки 27-й танковой и 62-й пехотной дивизий, в том числе и сильные противотанковые средства.

1) С. Мелентин. Танковые сражения 1939-1945 гг., стр. 160-162.

Обстановка во второй половине дня 22 декабря у нас значительно облегчилась, так как мы подвезли горючее. Заправив танки топливом, и в первую очередь танки 4-й гвардейской танковой бригады, мы приступили к выполнению задачи по овладению Скоырской.

По данным нашей разведки и главным образом сведений, полученных от местных жителей, в это время в Скоырской стояли тыловые части и подразделения противника. На основании этого мы считали, что наш передовой отряд - 4-я гвардейская танковая бригада - легко справится с этой задачей и завтра, 23 декабря, мы двинемся на Тацинскую. К сожалению, мы не все узнали о противнике, что нужно было знать. Сообщенные нам сведения оказались устаревшими.

При подходе к Скоырской головные подразделения бригады были встречены сильным противотанковым и артиллерийским огнем. Командир бригады полковник Г.И. Копылов был вынужден остановить наступление, выслать дополнительную разведку и подготовить атаку.

Узнав о неудаче Копылова, командир корпуса направил в его распоряжение свой резерв - мотострелковый батальон и артиллерийский дивизион 24-й мотострелковой бригады. В это время 54 и 130-я танковые бригады были еще в движении из Большинки.

После огневого налета артиллерийского дивизиона и 413-го дивизиона гвардейских минометов передовой отряд корпуса вторично атаковал противника. Несколько танков с мотопехотой проскочили по льду реки Быстрой и ворвались на западную окраину Скоырской, но сильный огонь противника из танков и противотанковых орудий заставил 4-ю гвардейскую танковую бригаду и на этот раз остановить наступление и отвести подразделения в исходное положение.

В этом бою были подбиты два наших танка, два танка провалились под лед реки Быстрой, несколько человек были убиты и ранены. Стало очевидным, что гарнизон в Скоырской значительно усилен.

Здесь противнику удалось (хотя и поспешно) организовать оборону, которую бригада сломить с ходу не смогла.

Для выяснения причин неудачи вечером в бригаду выехал Иван Захарович Бахтин и, изучая там обстановку, провел с танкистами всю ночь. Потом он рассказывал нам о смелости и мужестве гвардейцев, о большом желании разгромить врага, но, к сожалению, сил было мало. Так, например, экипаж старшины Т.Лахтина, несмотря на сильный огонь врага, сумел ворваться на западную окраину слободы и там в упор расстрелять два танка противника, но от прямого попадания вражеского снаряда его танк загорелся. Башенный стрелок ефрейтор Г.Бронзов был убит, а командир танка ранен и потерял сознание. Механик-водитель комсомолец И.Шаталов не растерялся и на горящем танке вернулся с раненым и убитым в расположение своих, где с помощью боевых друзей удалось ликвидировать пожар и оказать помощь раненому.

Коммунист командир танка Т.Лахтин, придя в себя, отказался идти в медпункт, заявив, что восстановит танк и опять пойдет бить врага.

Иван Захарович Бахтин много рассказывал о мужестве и мастерстве водителей М.Басака и И.Чиля, о находчивости связиста В.Кирюхина и многих других. Это было живое свидетельство мужества и преданности своему делу советских воинов.

Наступила тревожная ночь. Скосырскую с ходу одной бригадой взять не удалось. Началась усиленная подготовка к бою завтрашнего дня. Был введен в действие второй вариант - наступать на Скосырскую всеми силами, сломить сопротивление врага и завтра же пойти на Тацинскую.

Несмотря на временные неудачи, боевое настроение у людей не снизилось. Все понимали, что находятся в глубоком тылу врага и надо рассчитывать только на свои силы и решительнее идти к своей цели.

К рассвету 23 декабря танковые бригады вышли в исходные для наступления районы: 54-я - юго-западнее, 4-я гвардейская осталась в занимаемом районе - западнее, а 130-я - северо-восточнее Скопской. В установленное время из-за густого тумана начать наступление не было возможности. Примерно к десяти часам туман начал рассеиваться, но тут же налетела авиация противника и плотно прижала нас к земле. Около двух часов вражеская авиация небольшими группами бомбила наши части. Низкая облачность не позволяла осуществлять прицельное бомбометание, бомбы падали мимо цели и на окраину поселка, где наших войск не было. Очень мешала фашистским летчикам и наша зенитная артиллерия 658-го зенитно-артиллерийского полка. Зенитчики находились у орудий даже тогда, когда самолеты противника пикировали прямо на них. В результате смелого противоборства с врагом в этот день зенитчики сбили 9 вражеских самолетов Ю-88. Легко сегодня сказать "9 самолетов!", а сколько сил, самоотверженности надо было проявить расчетам у орудий, чтобы устоять и вести прицельный огонь по самолету, пикирующему на них? Нервы у наших зенитчиков оказались крепче, чем у гитлеровских летчиков. Особенно отличились: зенитная батарея, которой командовал командир огневого взвода младший лейтенант И.И.Скачков, сбившая 2 самолета Ю-88; зенитно-пулеметный взвод ДЖ И.И.Воробьева, сбивший один Ю-88; командир орудия старший сержант И.М.Городовой, сбивший самолеты Ю-88 и "Хейнкель". Все они были награждены орденами.

Активность авиации противника была не случайной, очевидно, потому, что с востока в наш район спешно выдвигались танковые дивизии врага, с которыми мы столкнулись уже на следующий день.

В середине дня 23 декабря после артиллерийского налета 413-го дивизиона РС и артдивизиона 24-й мотострелковой бригады все наши танковые бригады с разных направлений перешли в наступление. Чтобы закрыть противнику отход на Тацинскую, командиру 54-й танковой бригады полковнику В.М.Полякову было приказано выслать роту танков

с автоматчиками на дорогу, идущую из Скосырской на Тацинскую, и порвать все линии связи.

Бой за Скосырскую шел весь день. Враг отчаянно сопротивлялся, цеплялся за каждый дом, сарай. При поддержке танков автоматчики мотострелковых батальонов "выкуривали" с чердаков домов и из сараев врага. Автоматчик мотострелкового батальона 4-й гвардейской танковой бригады Бакир Ишенкулов заметил, что за домом укрыто противотанковое орудие, стрелявшее по нашим танкам. Он решил уничтожить его. Наиболее опасное место он прополз по огородам, подобрался поближе к орудию и бросил гранату, а затем автоматной очередью уничтожил весь расчет и дал возможность нашим танкам продолжить наступление. Бакир и раньше, в боях на плацдарме р.Дон у села Селявное, в бою за Кутейниково проявлял смелость и находчивость, за что в роте он пользовался большим уважением.

Командир танка из батальона майора А.Бибикова старшина М.Сарионаки смело ворвался на своем танке в населенный пункт, где только что уничтожил противотанковое орудие Бакир, и с ходу раздавил еще одно противотанковое орудие и пулемет. Так, продвигаясь от одного строения к другому под прикрытием отделения автоматчиков, он уничтожил одну группу противника за другой.

Это были смелые и отважные комсомольцы, представители разных республик и национальностей: командир экипажа М.Сарионаки - грузин, механик-водитель Иван Проскурин - русский, башенный стрелок Владимир Глузгау - еврей и радист Анатолий Проворный - украинец. Всех их объединяла одна цель - освободить Родину от ненавистного врага. Этот экипаж отличился и в боях за Тацинскую, а несколько позже, 7 января 1943 года, в бою под хутором Ново-Черкасский танк Сарионаки был атакован тремя танками противника. Экипаж танка не растерялся и в считанные минуты одним выстрелом за другим подбил два немецких танка. Но и его танк загорелся. И тогда М.Сарионаки напра-

вил объятую пламенем машину на третий немецкий танк. Сильный удар, взрыв! ... Героической смертью погиб смелый экипаж танка Сарюнаки, отдавший жизнь на нашу победу. Многие воины, видевшие этот поединок, поклялись отомстить врагу за смерть славных героев-однополчан.

Огонь наших танковых бригад с разных направлений пронизывал боевые порядки противника, оборонявшего Скосырскую, и к концу дня этот очень важный опорный пункт противника на подступах к Тацинской был взят.

В Скосырской было убито и ранено около тысячи фашистских солдат и офицеров, взято в плен 215 гитлеровцев, захвачено 14 орудий, 5 автоматических пушек, 2 танка, 3 бронетранспортера, 30 автомашин и несколько складов с продовольствием и боеприпасами. Более подробно подсчитывать все трофеи и потери противника было просто некогда.

Одержав очень нужную для нас победу, мы тут же приступили к организации боевого охранения. Горький опыт у нас уже был и под Расковкой, и в Кутейниково, и теперь этому вопросу все уделяли особое внимание: на все направления было выслано боевое охранение, разведывательные органы и посты наблюдения. Однако главное внимание уделялось разведке подходов к Тацинской. Проводная связь ее со Скосырской была своевременно перерезана.

Появление наших разведчиков в населенных пунктах было встречено населением с большой настороженностью. Не провокация ли это? Фашисты на все способны. Но узнав о нашем большом наступлении, люди плакали, радовались, целовали наших воинов, рассказывали о зверствах оккупантов, о своей борьбе с противником.

Так, в хуторе Крюков молодой парень лет семнадцати Николай Таран сколотил боевую группу из таких же молодых ребят, как и он сам. Ребята раздобыли немецкие автоматы и при удобном случае действовали. Однажды они узнали, что гитлеровцы будут расстреливать группу жителей хутора Сиберяки. Группа молодых партизан выследила,

когда повели людей на расстрел, напала на охрану, перестреляла гитлеровцев и спасла жителей от верной гибели. В другой раз юные мстители также спасли от гибели трех своих односельчан.

Народная борьба с противником в тылу велась повсеместно днем и ночью, организованно и стихийно. Народ поднимался на борьбу со своими злейшими врагами. Гитлеровский солдат временно ходил по советской земле, как по раскаленной сковороде, и, наверное, понимал, что уйти отсюда живым ему будет очень трудно. Вражеская нога топтала эту землю не очень долго, но горя и страданий принесла народу много. Все, кого мы встречали, горели желанием помочь нам во всем, что было в их силах. Многие местные жители, знавшие хорошо местность, расположение войск и аэродромов противника в районе Тацинской, согласились быть проводниками в завтрашнем выводе нас в исходные районы у Тауинской. Активная поддержка советских людей, их подвиги воодушевляли нашего воина, и воин хотел быть достойным своего народа.

Приведу еще один пример, подтверждающий, насколько была высока боевая активность наших танкистов. Группа разведчиков ночью подошла к северной окраине Тацинской. Старший группы старший сержант комсомолец Т. Федулов организовал засаду. Стали ждать. В станице было тихо. Никаких приготовлений к обороне у противника не было замечено. Вскоре из-за поворота показалась грузовая машина, которая двигалась по дороге на Скосырскую. Федулов в белом халате вышел на дорогу и поднял руку. Полагая, что его останавливает офицер, шофер остановил машину и вышел из нее, но тут же был схвачен, связан и брошен в кузов. За руль сел наш разведчик младший сержант Сушко и доставил пленного в Скосырскую. Пленный сообщил скудные, но важные для нас сведения.

ПЕРЕД НАМИ НАША ЦЕЛЬ - ТАЦИНСКАЯ!

Поздно вечером 23 декабря командир корпуса Василий Михайлович Баданов вызвал к себе командиров танковых бригад и их заместителей (24-я мотострелковая бригада еще не подошла), чтобы уточнить ряд вопросов о боевом составе бригад, выслушать мнение и предложения командиров бригад, их заместителей, ознакомить собравшихся с общей обстановкой и объявить свое решение на завтра.

В этот вечер штаб корпуса получил короткую информацию об обстановке. В ней сообщалось, что войска Манштейна в жестоких боях обескровлены и прорыв их к 6-й армии захлебнулся. Войска 3-й гвардейской армии генерала Д.Д.Лелюченко успешно продвигаются в нашем направлении. Информация всех очень обрадовала и вселила еще большую уверенность в успех завтрашнего боя. Все мы почувствовали, что в успехи боев под Сталинградом вложена и доля нашего ратного труда.

К этому времени положение в танковом корпусе было сложным. Далеко отстала 24-я мотострелковая бригада, в каждой танковой бригаде отстало много танков как из-за боевых повреждений, так и по техническим причинам, люди несколько суток не отдыхали и питались с большими перерывами, да и сведения о противнике далеко не ясны. Все знали, что теперь корпус вклинился в оперативную глубину противника на 230-250 километров, оторвался от стрелковых войск фронта на 80-100 км. Каждого командира и начальника сложившаяся обстановка волновала. Одно обстоятельство вселяло в нас надежду, что наши успехи будут надежно закреплены с подходом 3-й гвардейской армии, которая должна была появиться в районе Тацинской в ближайшие день-два.

В сложных условиях боя у всех командиров, начальников, да и всего личного состава всегда возникает обостренное чувство ответственности. Некоторые говорят это обусловлено страхом. Нет! Не стра-

хом, а именно это есть ответственность за выполнение задачи с наименьшими потерями. Но больше всего это чувство концентрируется у командира, на котором лежит вся ответственность за успех порученного дела.

В этой сложной обстановке Василий Михайлович Баданов спокойно и уверенно отдавал все распоряжения, требовал необходимые данные для принятия наиболее целесообразного решения на предстоящий бой. Это был грамотный и опытный командир. Он был участником первой мировой войны, командовал ротой пешей разведки. В период Великой Октябрьской социалистической революции он сразу же вступил в ряды борцов с врагами Советской власти - громил белогвардейские банды Колчака, был ранен. После лечения он вновь в рядах Красной Армии, командовал ротой, батальоном, полком. В 1919 году вступил в ряды большевиков, и куда бы судьба его ни бросала, он достойно выполнял все задачи, которые поручала ему партия,

В годы формирования танковых частей и соединений его направляют в учебные танковые части осваивать новую технику, новую тактику и готовить молодые кадры танкистов. В Саратовском бронетанковом училище, где Василий Михайлович командовал учебным батальоном, с большой настойчивостью и высокой требовательностью он учил курсантов танковому делу. Как опытного воспитателя и требовательного командира его назначают начальником Полтавского танкового училища, а перед Великой Отечественной войной - в марте 1941 года - командиром танковой дивизии. Командуя дивизией, он прошел первый, но самый трудный период Великой Отечественной войны. За плечами нашего командира были большие знания, огромный опыт и уверенность в победе.

Перед собравшимися В.М.Баданов поставил вопрос:

- "Как лучше поступить? Наступать на Тацинскую немедленно или ждать: пока подтянутся отставшая 24-я мотострелковая бригада и танки, которые можно было отремонтировать?"

Были высказаны разные мнения и предложения, но в основном все сходились на одном – как бы трудно ни было, терять времени нельзя и не позднее утра 24 декабря начать наступление на Тацинскую.

Командир корпуса принял решение не ждать рассвета и начать движение в 2 часа ночи с расчетом, чтобы к рассвету, к 7 часам, занять исходные рубежи. Атаку начать в 7 ч 30 мин по сигналу – залп ракет 413-го гвардейского дивизиона и радиосигнал "555". Командный пункт развернуть и подготовить на высоте 175,0.

Теперь несколько отвлечу читателя от боевых дел корпуса и познакомлю с главным объектом нашего наступления, к которому мы так упорно пробивались через придонские степи, балки, речки, преодолевая не только естественные препятствия, но и главное – сопротивление врага, цеплявшегося за каждую речушку, балку, высоту, хутор, станицу, за каждый мало-мальски выгодный рубеж.

До войны станица Тацинская была районным центром Каменской области РСФСР и железнодорожной станцией на линии Сталинград-Лихая примерно в 250 километрах западнее Сталинграда. Население станицы занималось сельским хозяйством – посевами зерновых, главным образом пшеницы, и животноводством – разведением крупного рогатого скота, а также свей и свиней. Из предприятий в станице были кирпичный и известковый заводы, мельница и карьер бутового камня. В предвоенные годы были открыты средняя школа, Дом культуры и библиотека.

Вдали от крупных городов и промышленных центров жизнь в станице проходила размеренно и спокойно. Население занималось мирным трудом, и, конечно, никто не ожидал и даже не думал, что грядущие волны войны зальют села, города и широкие просторы южной страны.

По-видимому, вот эта большая удаленность от крупных центров и железнодорожных узлов, наличие железной дороги, сравнительно неплохих степных путей сообщения, а главное, удобное расположение резервов и особенно полевых аэродромов для маневра авиации по внут-

ренним линиям ко всем участкам фронта и позволили врагу создать здесь одну из основных баз 4-го воздушного флота и центр, где шло пополнение частей, потерявших боеспособность, и формирование новых.

Посредством этой базы силами 4-го воздушного флота немцы создали "воздушный мост" для снабжения окруженной под Сталинградом 6-й армии Паулюса. Кроме того, Тацинская была базой снабжения войск всего сталинградского направления. База работала напряженно и имела достаточно сильный гарнизон, в состав которого входили зенитно-артиллерийские части (около 17 батарей), прикрывавшие аэродромы, части авиаполевой дивизии, выполнявшие охрану аэродромов, и части обслуживания аэродромов и складов как в станице, так и вокруг нее. Как потом выяснилось, в станице находилось до 4 тысяч фашистов. Кроме этих сил, в станице и вблизи нее на хуторах Бобовня, Ковылки, Коминтерн, Дьяконов, Ново-Андреевский и других размещались части 62-й пехотной дивизии и танковые полки некоторых танковых дивизий, выведенные в этот район на отдых и доукомплектование личным составом и техникой после понесенных потерь в боях. Некоторые части к этому времени получили уже пополнение и участвовали в боях за Скопсырскую.

Командование базой знало обстановку под Сталинградом и о наступлении войск Манштейна по деблокированию войск Паулюса. Туда ежедневно уходило до 150 самолетов с различными грузами. Не могли они не знать и о большом наступлении наших войск Юго-Западного фронта из района Калач-Воронежский, и о разгроме войск 8-й итальянской армии и немецких дивизий, находившихся в обороне на этом направлении. В этой обстановке командование базой приняло необходимые меры для усиления обороны и охраны своих объектов. А бой за Скопсырскую показал, что мы столкнулись с полевыми войсками не случайно.

Чувство ответственности и тревоги за выполнение поставленной задачи не покидало нас. Мы все хорошо понимали, что каждый упущенный час мог обойтись нам очень дорого, и с максимальными усилиями торопились к своей конечной цели.

Уже после войны в мемуарах Манштейна, Мелентина и других гитлеровских генералов мы нашли подтверждение наших опасений и выводов. Так, Мелентин пишет: "Мы (штаб 48-го танкового корпуса А.Б.) имели приказ объединить под своим командованием 6 и II-ю танковые дивизии и восстановить фронт севернее и западнее Тацинской, где наступал гвардейский танковый корпус в направлении Северного Донца."

Вместе с оперативной группой штаба корпуса я быстро прибыл в Тацинскую и развернул там командный пункт ...¹⁾

Именно в этот период наступил перелом, сыгравший решающую роль и изменивший весь ход Сталинградской битвы.

Манштейна обуял страх потерять все свои силы на Южном фронте и, возможно, на Северном Кавказе. Поэтому он вынужден был уже 22 декабря остановить наступление по деблокированию окруженных войск, снять все дивизии, предназначавшиеся для тормосинской группировки, в том числе и 48-й танковый корпус, затем взять из котельниковской группировки самую сильную 6-ю танковую дивизию и форсированным маршем двинуть эти войска на запад (150-200 километров) против войск Юго-Западного фронта в район Морозовской, Скоырской и Тацинской. С передовыми частями этих войск мы столкнулись уже утром 24 декабря в разгар боя за Тацинскую.

Вот почему тогда так осложнилась обстановка. К Тацинской шел танковый корпус противника и другие соединения с востока и запада, а в Тацинской уже находился штаб 48-го танкового корпуса. Внезапный удар Юго-Западного фронта и выход войск в глубокий тыл врага значительно ослабили группировку врага под Сталинградом и создали

¹⁾ Мелентин. Танковые сражения 1939-1945 гг., стр.178.

благоприятные условия для перехода наших войск в наступление, чем незамедлительно и воспользовались войска Сталинградского фронта.

"ВОЗДУШНЫЙ МОСТ" РАЗРУШЕН!

Согласно принятому командиром корпуса решению по захвату станции Тацинская, 4-я гвардейская танковая бригада получила задачу наступать западнее основной дороги, через Крюково, и выйти в район в 3-4 километрах северо-западнее Тацинской. 54-я танковая бригада должна была до Крюково продвигаться за 4-й гвардейской танковой бригадой, а затем обойти ее справа и развить наступление на юг с целью выхода в район западнее и юго-западнее хутора Ново-Андреевский. 130-я танковая бригада ^{восточнее основной дороги} направлялась через хутора Луговой и Коминтерн на станцию Бобовня в свой исходный район, который был определен для нее, - в 3-4 километрах восточнее Тацинской.

Мы предполагали, что противник, узнав о нашем движении на Тацинскую, в первую очередь сосредоточит свои силы и средства на северной окраине неселенного пункта, так как мы шли с севера на юг. Именно поэтому главные силы корпуса обходили Тацинскую с запада и востока, а для демонстрации наступления с севера мы развернули один мотострелковый батальон и артиллерийский дивизион 24-й мотострелковой бригады, а за ними занял огневые позиции 413-й гвардейский дивизион РС.

По основной дороге из Скоырской на Тацинскую был выслан корпусной отряд разведки и обеспечения движения под командованием офицера оперативного отдела капитан В.Гоменюк, саперного взвода под командованием лейтенанта Б.Овчинникова и групп разведчиков и связистов. В задачи этого отряда входило разведать где проходит передний край противника, ^{по основной дороге} и проверить и, если потребуется, разминировать заграждения или найти обходы. Кроме того, на высоте 175.0 он должен был подготовить наблюдательный пункт для командира корпуса.

Примерно на полпути к Тащинской, действуя в указанном направлении, разведчики отряда обнаружили колонну машин с включенными фарами, которая двигалась им навстречу - из Тащинской в Скосырскую. Опытным командирам капитану В.Гомеюк и лейтенанту Б.Овчинникову сразу стало ясно, что из Тащинской в этом направлении могут двигаться только машины противника. Не теряя времени, Гомеюк приказал всем свернуть с дороги вправо и приготовиться к бою. Бой был недолгим. Подпустив колонну на близкое расстояние, старший лейтенант командовал: "Огонь по фашистам!" Противник не ожидал такой встречи, растерялся. Гитлеровцы выскочили из машин и, отстреливаясь, бросились бежать в разные стороны. Часть гитлеровцев была убита, а 15 человек сдались в плен. Трофеями стали машины с пушкой и боеприпасами.

Ночью командир отряда не стал терять времени на поиска высоты 175.0, а подошел поближе к Тащинской, примерно в ³⁻⁴ 6-х километрах перед ней свернул с дороги вправо и к 7 часам утра выполнил поставленную перед ним задачу. Выбранное место для НП оказалось очень удачным и даже счастливым, в чем читатель убедится позже.

К назначенному времени все бригады и части заняли исходные позиции для наступления. Из-за тумана начало наступления было перенесено на 8 часов. 24 декабря в назначенное время загремели наши "катюши", которых фашисты очень боялись. Открыл огонь и артиллерийский дивизион. Со всех сторон на Тащинскую устремились наши танки и мотопехота.

4-я гвардейская танковая бригада вышла в район северо-западной Тащинской к хутору Таловский. Здесь противник встретил наших танкистов сильным противотанковым огнем. Чувствовалось, что враг подготовился к встрече с нашими танками. Атака с ходу могла привести к большим потерям. Потребовалось время на доразведку целей и подготовку атаки. Для подавления целей противника Г.И.Копылов развернул свою батарею, а командиры батальонов майоры А.С.Бибиков и

И.И.Кучеренко выдвинули на своих направлениях по одной роте танков для стрельбы прямой наводкой. Мотострелковый батальон К.Г.Будрина наступал в тесном взаимодействии с танками. Атака была успешной, бригада овладела хутором Таловский и между 12 и 13 часами ворвалась на западную окраину Тацинской. Дальше бой продолжался уже в станице.

Успешно проходило наступление и 54-я танковой бригады. С помощью проводников (о них будет сказано ниже) танкисты обошли Тацинскую с юго-запада, разгромили противника на хуторе Ново-Андреевском и ворвались на аэродром южнее станицы (западный аэродром). Здесь они уничтожили несколько зенитных батарей, прикрывающих аэродром, вели бой с частями авиационной дивизии, охранявшей аэродром, и стали уничтожать всех, кто был на аэродроме, и жечь самолеты.

Первым ворвался на аэродром 1-й танковый батальон, которым командовал капитан Стрелков С.Ф. Голосным шел танковый взвод лейтенанта Горягина Н.И. 2-й танковый батальон капитана Г.В.Титова атаковал противника на южной окраине Тацинской, где размещались органы управления аэродромом, комендатура, гестапо, штаб 62-й пехотной дивизии и, вероятно, там же поблизости размещался и штаб 48-го танкового корпуса, прибывший сюда накануне. Враг совсем не ожидал удара наших танкистов по аэродрому и станице с юга и, потеряв управление, не мог оказать нам организованного сопротивления.

В это же время 130-я танковая бригада атаковала противника на восточной и юго-восточной окраинах поселка. 1-й танковый батальон этой бригады под командованием капитана И.Линника обошел станицу с юго-востока, вышел на восточный аэродром и стал громить фашистов, бегавших вокруг самолетов и пытавшихся запустить двигатели. Первым ворвался на аэродром взвод лейтенанта М.П.Белюсова. 2-й танковый батальон капитана М.Нечаева с десантом автоматчиков под командованием заместителя командира мотострелкового батальона капитана Болдина И.А. атаковали противника вдоль железнодорожной линии, с

ходу ворвались на станцию, разгромили части, прикрывавшие ее, и захватили большой эшелон, груженный 50 разобранными самолетами. В этом бою смертью героя погиб от вражеской пули капитан Фомин И.А.

В стане врага началась невообразимая паника. Фашисты в ужасе метались по аэродрому. Летчики и техники пытались прорваться к своим самолетам, ^{но} попадали под огонь наших танкистов и автоматчиков. Некоторые летчики успели вскочить в самолеты и торопились взлететь, но было уже поздно. В этом хаосе самолеты сталкивались друг с другом, разбивались, падали и пылали, как факелы. Буквально единицам удалось подняться в воздух и улететь.

Позже, после войны, один из уцелевших летчиков (живой участник этих событий) - Курт Штрайн опубликовал свои воспоминания в западногерманской газете "Дойче Зольдатен Цайтунг" под заголовком "О тех, кто вырвался из преисподней, или кровавая баня в Тацинской". Он писал: "Утро 24 декабря 1942 года. На востоке брезжит слабый рассвет, освещающий серый горизонт. В этот момент советские танки, ведя огонь, внезапно врываются в деревню и на аэродром. Самолеты сразу вспыхивают, как факелы. Всюду бушует пламя. Рвутся снаряды, взлетают в воздух боеприпасы. Мечутся грузовики, а между ними бегают отчаянно кричащие люди ..."

Начинается безумие. Со всех сторон вырывается на взлетную полосу и стартуют самолеты. Все это происходит под огнем и в свете пожаров. Небо распростерлось багровым колоколом над тысячами погибших, лица которых выражают безумие.

Вот один D-52, не успев подняться, взрывается в танк, и оба взрываются со страшным грохотом. Вот уже в воздухе сталкиваются "Днкёрс" и "Хейнкель" и разлетается на мелкие куски вместе со своими пассажирами. Рев танков и авиадвигателей смешивается со взрывами, орудийным огнем и пулеметными очередями.

Все это создает полную картину настоящей "преисподней".

Дополняет эту картину офицер разведки 6-й армии Паульса Ноахим Видер, находившийся в это время в районе окруженных войск в штабе Паульса, где была вторая опора "воздушного моста", и, как все обреченные, ожидал спасения.

"К 19 декабря части Гота продвинулись уже немногим более 100 километров и образовали плацдарм севернее реки Мышкова. Задолго до этого была установлена радиосвязь штаба Гота со штабом нашей армии в Гумраке. Мы уже слышали отдаленную артиллерийскую канонаду. Мы получили многообещающую радиограмму: "Держитесь! Идем на выручку!"

Приближался решающий час. Теперь уже нельзя было скрыть, что мы полным ходом готовимся к прорыву кольца и выходу на соединение с армией Гота. Наша операция должна была начаться лишь после того, как авангарды подойдут не далее чем на 30 километров от внешнего обвода кольца. Преодолеть большее расстояние наши не смогли бы из-за нехватки горючего. Нам сообщили о том, что вслед за наступающими танками Гота идут бесконечные колонны, везущие тысячи тонн продовольствия и другого имущества для нашей армии. Сомнений больше не было ни у кого. Наши части, затаив дыхание, ждали лишь сигнала, чтобы пойти на прорыв ... сигнал "Удар Грома".

Но увы, уже очень скоро все наши надежды рассеялись как дым.

К нам начали поступать тревожные сведения: русские танковые соединения *(Юго-Восточный фронт, 45)* перешли в стремительное наступление. Кровь застыла в жилах при взгляде на карту. Наши ближайшие фронтовые аэродромы, откуда беспрестанно вылетали в наш "котел" транспортные самолеты, основные армейские базы в Тацинской и Морозовской, превратились теперь в поле боя.

На Тацинском аэродроме, как рассказывал нам офицер, прилетевший оттуда, царил страшная неразбериха, вызванная неожиданным появлением русских танков. Сгорели главные склады 6-й армии. Множество транспортных самолетов было приведено в негодность, были взор-

дось каждую точку забрасывать гранатами или подводить поближе танки и расстреливать их пушечным огнем. Только к исходу дня напряженный бой затих. Станица Тацинская была взята и, надо сказать, вовремя.

Наша атака была стремительной, а главное противнику выход был закрыт со всех сторон. Как на аэродромах, так и в населенном пункте противники метался в разные стороны и, не видя выхода, прятался по подвалам, сараям, чердакам.

Участник этого боя замполит командира моторизованного батальона автоматчиков 4-й гвардейской танковой бригады майор Юдин Н.П. вспоминает: "Когда мы ворвались со стороны хутора Таловского на западную окраину Тацинской, немцы выскакивали из домов кто в чем и вели огонь из автоматов, пулеметов и винтовок. В этой суматохе я увидел, как на большой скорости в западном направлении следует грузовая машина с противотанковой пушкой на прицепе. Командир рядом с нами наступающего танка Т-34 тоже увидел отходящую машину и ударил по ней из пушки, разбил противотанковую пушку на прицепе и всю заднюю часть грузовой машины. Оставшиеся в живых фашисты бросились из машины кто куда. Автоматчики кинулись за ними, а я стал преследовать одного, отделившегося от всей группы фашиста в накидке. На бегу он стрелял в меня из пистолета и забежал за дом. Я бросился к этому дому ему наперерез, и, когда он лез через плетень, выстрелил в него. В это же время комсорг нашего батальона сержант Николай Полоскин ударил по этому же фашисту очередь из автомата. Подходя к убитому, мы увидели, что он в парадной генеральской форме с орденами. Я срезал генеральские погоны, забрал планшет с документами и после боя вместе с комбатом К.Г.Будриным отнес командир корпуса М.В.Баданову. К нашему удивлению, вместо "гибо" получили большой нагоняй:

- "Зачем убили, - сказал он, - надо было в плен взять генерала!". Я немного растерялся от неожиданности и ответил:

- "Товарищ генерал, я же не знал, что это генерал. Он мне свои документы не показывал, а стрелял в меня из пистолета и тоже чуть не убил! После этого Василий Михайлович успокоился.

Планшет с документами я отдал начальнику штаба батальона, а пластмассовый блокнот с электрическим освещением сохранил. После войны этот блокнот я передал в Тацинский музей, где он и экспонируется".

Для танкистов бой в населенном пункте очень труден - за домами, сараями, заборами противника не видно и даже не слышно, кто и откуда в них стреляет. И тут большую тяжесть боя взяли на себя батальоны автоматчиков танковых бригад и мотострелковый батальон 24-й мотострелковой бригады, которыми командовали молодые, но уже опытные командиры танковых и мотострелковых батальонов, смелые и умелые организаторы ближнего боя - майоры К.Г.Будрин, А.С.Бибиков, И.И.Кучеренко, капитаны А.Авраменко, И.И.Линник, М.Е.Нечаев, Г.В.Титов, В.А.Кофанов, старший лейтенант М.А.Деменчиков, С.Ф.Стрелков и их боевые помощники - заместители по политической части майоры Н.П.Юдин, М.Сущко, Б.Ф.Лебедев, И.В.Шклярк, А.Шитов, П.В.Потелехко, И.И.Сапожников и М.Кузнецов и другие.

В разгар боя, это было примерно в середине дня, когда танковые бригады вели напряженный бой за станицу Тацинскую, к нам в тыл с севера внезапно стали выходить передовые части II-й танковой дивизии противника, которая, как уже говорилось выше, 22 декабря была выведена из боев против войск Сталинградского фронта и перегруппировалась в Тацинскую. К нашему счастью, она опоздала. Мы упредили приход этой дивизии на несколько часов и ворвались в Тацинскую раньше.

II-я дивизия противника шла с востока в направлении Скопьевской, которая уже была освобождена от фашистов. Перед тем, как повернуть на Тацинскую с севера на юг, передовые части II-й танковой

дивизии в 7-8 часов утра 24 декабря подошли к Скоырской. В это время в Скоырской находились часть штаба корпуса во главе с офицером штаба капитаном К.А.Оганесьянцем, часть роты управления, (без одного взвода), тыловые подразделения корпуса и бригад, несколько технически неисправных танков (6 танков Т-34 и 4 танка Т-70), т.е. все то, что мы не могли взять с собой, или то, что нам не требовалось при бое за Тадинскую. Там же находились заместитель командира корпуса по тылу подполковник Г.Н.Гаврилов и помощник командира 54-й танковой бригады по технической части подполковник А.Ф.Кемнев. Узнав от своего охранения о появлении немецких танков, они использовали оставленные для ремонта танки и под прикрытием их огня очень быстро эвакуировали все, что было возможно, в Ильинку (22 километра северо-западнее Скоырской).

И здесь справедливо оказалась русская пословица "не было бы счастья, да несчастье помогло". В бою за Скоырскую, хотя и сопротивляться там было некому, все же орудийный огонь из танков задержал танки противника на несколько часов, имевших для нас большое значение. В большой спешке Н.Г.Гаврилов приказал первому попавшемуся ему водителю транспортной машины мчаться к командиру корпуса и доложить увиденное. Пока водитель машины рассказывал нам о том, что творится в Скоырской, мы сами увидели у себя в тылу, со стороны Скоырской, движущиеся развернутым строем на Тадинскую танки противника. Наш пункт управления - руководство, офицеры штаба, средства связи - к нашему счастью, находился в это время не на высоте 175.0, как намечалось вначале, а на ее юго-западных скатах в 2-3 километрах севернее Тадинской. Напомним, что в это время все танковые бригады и мотострелковый батальон 24-й мотострелковой бригады вели напряженный бой в Тадинской и на аэродромах южнее поселка.

Неожиданное появление у нас в тылу танков противника встревожило всех, но и в такой очень сложной обстановке нельзя терять голову — ответственность за дело и жизнь людей стояла выше наших эмоций.

Все офицеры штаба и его охрана приготовились к обороне. К сожалению, кроме гранат и автоматов, в штабе ничего не было. Мы понимали, что этими силами ни отразить, ни задержать около двух десятков танков противника мы не сможем. Командир корпуса решил вызвать из боя 130-ю танковую бригаду и направить ее навстречу танкам противника. Командир бригады подполковник С.К.Нестеров, получив распоряжение, немедленно приступил к его исполнению, но на это тоже потребовалось время. Пока принимались меры к отражению атаки врага, мы увидели, как более 20 танков противника развернулись в боевой порядок и двинулись на юг к самой высокой точке на этой местности — высоте 175.0, очевидно, с целью захватить командную высоту в первую очередь. Нас они сразу не заметили, так как мы находились ниже — на юго-западных скатах этой высоты.

Вблизи от нас находились на огневых позициях только 413-й гвардейский минометный дивизион РС и артдивизион 24-й мотострелковой бригады. Они — то нас и выручили. В считанные минуты 413-й минометный дивизион РС повернул свои установки на 180 градусов и открыл по ним огонь одиночными выстрелами. Снаряды рвались среди наступавших танков, но попасть в танк этой ракетой почти невозможно. Особого вреда танкам ракеты не могли причинить, но заставили их замедлить движение.

И все же в бою не обходится без редких удивительных случаев. Старший сержант С.М.Белюсов из своей установки попал в танк врага, который тут же загорелся. Бойцы 413-го гвардейского дивизиона восторженно закричали: "Ура! Бей их, гадов!".

Гвардейцы-минометчики еще точнее стали вести огонь по району расположения танков врага. В это время осколком вражеского снаряда

было повреждено шасси реактивной установки. Водитель И.А.Касимов под огнем врага восстановил машину, и расчет этой установки вновь включился в бой.

Танки врага еще больше замедлили ход, а некоторые остановились, однако огонь усилили. Вражеские снаряды рвались среди боевых порядков артдивизиона, гвардейского минометного дивизиона и на нашем наблюдательном пункте. Под градом огня танков противника наш 24-й артиллерийский дивизион развернулся на 180° и тут же открыл прицельный огонь по головным танкам противника. Вскоре несколько танков противника было подбито, два загорелись. "Вот тебе за смерть наших боевых товарищей!" - крикнул номер орудийного расчета Владимир Милев. Танки врага еще больше заматались, укрылись в складках местности и с полузакрытых позиций усилили огонь по нашим артиллерийским позициям. Потеряв уже более 7 танков подбитыми и сгоревшими, враг не решался продолжать атаку.

Бой продолжался более двух часов. В этом бою погиб командир артдивизиона капитан Б.И.Марченко. Отражая атаку противника, погибли командир батареи старший лейтенант С.П.Фоменко и его заместитель по политической части старший лейтенант Н.А.Столяров. Были ранены и в артдивизионе, и в гвардейском минометном дивизионе, и в штабе корпуса. Многие раненые продолжали вести бой.

Выход из боя 130-й танковой бригады затянулся, так как 2-й танковый батальон капитана Печаева вел еще бой на станции Тацинской, а 1-й батальон капитана И.Линника был уже на восточном аэродроме. Кроме того, двигаясь с юга на север в направлении высоты 175.0, бригада внезапно встретила с противником в хуторе Дьяконов и вынуждена была атаковать и уничтожить эту группу врага.

Несмотря на большие трудности, бригада к 14.00 подошла к высоте 175.0 и внезапно атаковала танки противника с востока, находившиеся в это время в 2-3 километрах севернее высоты 175.0. Танкисты с ходу вступили в бой и с первых выстрелов подбили еще не-

сколько танков, два из которых загорелись. Враг не выдержал атаки наших танков и откатился на север в направлении Скоьырской. |

Первая атака под Тацинской в самых напряженных условиях для нас была отбита с большими потерями для врага, но и мы в первый же день были отрезаны от своих войск и баз снабжения.

Мы, участники этих событий теперь все внимание приковали к Тацинской. Напомню, что в это время все еще продолжался бой на западной окраине Тацинской, а 54-я бригада громила врага южнее Тацинской и на аэродромах.

Вспоминая этот тяжелый бой теперь, когда прошло много времени, все яснее представляешь всю силу духа, необыкновенный героизм и мужество, веру в победу Советских воинов, позволившие не только отразить контратаку танков противника, но и в то же время сломить сопротивление гарнизона Тацинской, ворваться на аэродромы и бить, бить растерявшегося противника до полного его разгрома.

Отразив атаку противника с севера, 130-я танковая бригада продолжала выполнять ранее поставленную ей задачу и включилась в бой в станице Тацинской и на аэродромах южнее Тацинской.

Очень важным было то, что за все время этой чрезвычайно напряженной обстановки не было потеряно управление войсками ни на одну минуту. Штабы танковых бригад, возглавляемые начальниками штабов: в 4-й гвардейской танковой бригаде - подполковником Б.П.Товаченко, в 54-й танковой бригаде - майором С.М.Бульгиным и в 130-й танковой бригаде - капитаном В.К.Шаниным, - работали слаженно и четко.

К 16-17 часам Тацинская была полностью очищена от гитлеровцев, и командир корпуса В.М.Баданов приказал отправить донесение командующему Юго-Западным фронтом о том, что 24-й танковый корпус свою задачу выполнил.

Но случилось непредвиденное. Как только завершился бой в Тацинской, командование и штаб корпуса переместились на северо-западную окраину Тацинской. Прибыв на новый КП, мы обнаружили, что наша

радиостанция потеряла связь и с фронтом, и с I-й гвардейской армией. Что связисты ни делали, установить связь не удавалось, а главное, было непонятно - вся аппаратура исправна, а связи нет. Командир волнуется, штаб нервничает, лежит важное донесение в штаб фронта и в I-ю гвардейскую армию, а передать нельзя, и других средств связи нет. После нескольких часов тревожений начальник связи майор Б.Д.Геллер понял причину потери связи: кроме большого удаления от фронтового узла связи, мы еще спустились вниз на несколько метров ниже прежней точки. Срочно соорудили высокую антенну, протянули направленный луч - и связь с фронтом была восстановлена. Должен сказать, что в то время мы имели очень ограниченное количество радиостанций и выдвинуть промежуточную станцию не было возможности, да и противник уже не позволял ^{нам} это сделать. С опозданием, но донесение было отправлено в этот же день поздно вечером.

В годы Великой Отечественной войны армия получала не только вооружение, но и постоянную повсеместную активную помощь советских людей, сыгравшую большую роль в успешном выполнении наших задач. Мы особенно ощутили эту помощь в ходе нашего наступления. Местные жители сообщали нам важные сведения о расположении частей противника, о его вооружении, передвижении и появлении новых частей. Большую помощь нам оказывали проводники из местного населения. В этой безлесной местности полевых дорог много и вьются они большей частью по балкам и долинам вдоль рек. Здесь сбиться с направления очень просто, особенно ночью. А наступление шло и днем, и ночью, и в снежную пургу, и в густом тумане. Смелые патриоты нашей Родины безопасно выводили танковые колонны в нужные нам районы, из которых танкисты внезапно переходили в атаку и успешно громили врага.

Активность населения была настолько велика, что не только взрослые и комсомольцы, но и пионеры оказывали нам посильную помощь. При подходе 54-й танковой бригады к Тацинской вдруг наперерез колонне из-за кустов выбежал мальчик и, размахивая руками, просил остановить-

*вставай
противнику
Б.Д.Геллеру*

ся. Командир головной машины лейтенант Б.Мельников узнал от подбравшего мальника (это был пионер Гриша Волков), что за бугром прямо на пути движения нашей бригады стоит фашистская зенитная батарея. Забравшись на танк лейтенанта, Гриша вывел колонну танков в тыл этой батареи, а затем и на аэродром, на котором находились фашистские самолеты. Такой же подвиг совершил и пионер Федя Игнатенко. Как и Гриша, он вывел кратчайшим путем к аэродрому другую колонну танков. Танкисты горячо благодарили своих маленьких друзей.

С 18 по 24 декабря части корпуса с боями продвинулись во вражеский тыл на глубину почти 250 километров по прямой, а с учетом необходимого в бою маневра - и все 400 километров. За это время было уничтожено около 7000 фашистских солдат и офицеров, большое количество взято в плен. На двух аэродромах южнее Тацинской находилось более 300 боевых и транспортных самолетов и 50 самолетов в разобранном состоянии в железнодорожных эшелонах. Все самолеты были выведены из строя. По данным фронтового разведчика старшего лейтенанта Б.В.Волкова, находившегося в период оккупации в Тацинской, на аэродромах находилось более 400 самолетов, в том числе до 50 русских. Захвачено большое количество складов с продовольствием, боеприпасами, главным образом с авиабомбами, авиационным бензином и маслами, военно-техническим имуществом и другими запасами. Но, пожалуй, самое важное было то, что мы перерезали важнейшие железнодорожную и автомобильную артерии Лихая - Сталинград, разрушили "воздушный мост", по которому шло непрерывное снабжение войск не только группировки Канштейна, но и окруженной 6-й армии Паулюса. Кроме того, мы разрушили все пункты и проводные линии связи на этом направлении. Врагу был нанесен непоправимый удар с тыла.

Тацинская

БОЙ В ОКРУЖЕНИИ

Захватив аэродромы, базы и станицу Тацинскую, мы хорошо понимали, что нам успоаиваться рано. Надо было принимать срочные меры, чтобы закрепиться на захваченном рубеже, а сил для выполнения этой задачи было маловато. В этот же день мы получили еще одно радостное известие из штаба Юго-Западного фронта о том, что к нам направлены дивизии 3-й гвардейской армии и 25-й танковый корпус, и мы с нетерпением ждали их. А пока необходимо было срочно подтянуть отставшую 24-ю мотострелковую бригаду из Ильинки, построить круговую оборону, конечно, не сплошную, а хотя бы очаговую, перехватив важнейшие направления и используя выгодные участки местности.

Для выполнения этой задачи были мобилизованы весь личный состав корпуса, прибывший в Тацинскую, местное население и даже 250 человек военнопленных, находившихся здесь в лагере для обслуживания аэродромов и производства других работ.

По-прежнему нас очень беспокоило почти полное отсутствие дизельного топлива для танков. Не оправдались и наши надежды на подвоз его. Захваченный авиационный бензин танкам не подходил. Все мы задавали один другому вопрос: "Как быть? Что делать без топлива?"

И здесь в самую трудную минуту сыграли большую роль высокие технические знания и русская смекалка. Помощник командира корпуса инженер-подполковник В.И. Орлов с заместителями по технической части танковых бригад подполковниками Я.Н. Эпштейном и А.С. Крепневым провели опыт: авиационный бензин смешали с авиационным маслом в пропорции 25% бензина с 75% масла или второй вариант - 60% керосина с 40% масла. И та, и другая смесь оказалась пригодной для дизельного двигателя. Все мы были чрезвычайно рады и глубоко благодарны нашим боевым товарищам - инженерам за инициативу, решившую для танкистов большую проблему. И не только это. Наши технические службы и днем, и ночью, в любую погоду, в сложных условиях под обстрелом

и бомбежкой противника восстанавливали; готовили боевую технику и вооружение и этим постоянно поддерживали боеспособность войск и готовность к наступлению. Не следует забывать, что в 1942 году запасных частей не давали и запасов войска не имели. Все, что можно было, делали своими руками, с помощью экипажей и расчетов. Поэтому наши боевые успехи относятся не только к труду воинов, сражавшихся с оружием в руках, но и ко всем, кто обеспечивал высокую боеготовность войск.

Обстановка в Тацинской с каждым часом усложнялась. Весь день 25 декабря части корпуса отражали атаки противника и усиленно совершенствовались обороной. В этот день нас очень беспокоила авиация противника. Разведывательные самолеты непрерывно кружили над нами, приходилось часто стрываться от дел и тщательно маскироваться.

Все, от командира корпуса до рядового бойца, принимали самое активное и непосредственное участие в организации и строительстве обороны. И как всегда, верными друзьями и помощниками командиров, неутомимыми организаторами партийной, политической работы и воспитателями были политработники корпуса - И.З.Бахтин, М.Левит, В.Колитенко, Е.Климов, В.И.Блегентов, М.Сущко, А.Тронин, Е.Юдин, И.Стражник и многие другие.

К концу дня нашей разведкой было установлено, что вокруг нас наблюдается большое движение войск противника. Подходили колонны танков и артиллерии в район Скопской и южнее ее. Было обнаружено скопление пехоты и танков северо-восточнее - на хуторах Луговой, Коминтерн, Бобовня и сосредоточение войск западнее Тацинской в районе населенного пункта Ново-Андреевский. Противник открыто готовился к решительным действиям против нас.

Мы понимали, что привлекли на себя в район Тацинской большие силы противника, которые Канштейн вынужден был забрать из своей группы, действовавшей против войск под Сталинградом, и направить их на запад против наших войск, прорвавшихся к нему в тыл в район

Корозовская-Тацинская. С этой группой противника мы и встретились уже вчера - 24 декабря. Но теперь надо было ожидать еще более активных действий со стороны противника.

Сложная обстановка потребовала от каждого воина большого мужества, стойкости и энергии. От нас теперь требовалось как можно быстрее подготовить свои позиции и надежно укрепить все участки обороны. Главной нашей задачей было во что бы то ни стало удержать Тацинскую и аэродромы до подхода наших войск.

Наших сил в общем-то было немного. В Тацинскую пришло 57 танков Т-34 и 32 танка Т-70, а 20-го подошли отставшие по техническим неисправностям еще 10 танков. Всего около 100 единиц. 658-й зенитный полк, артдивизион 24-й мотострелковой бригады, 413-й гвардейский минометный дивизион РС, батальон автоматчиков танковых бригад, один мотострелковый батальон 24-й мотострелковой бригады и 13-я инженерно-минная рота. Однако и эти силы при правильной организации дела позволяли нам некоторое время удерживать захваченный район.

Большее значение для всех нас имела наша уверенность в успехе, ~~вплеченности личного состава~~ ~~воинов~~ ~~время~~ ~~командиров~~ - командиром танков, расчетов орудий, отделений, взводов, рот и батальонов.

Именно эта категория руководителей всегда находится на переднем крае, и стойкость обороны полностью зависит от их умелого руководства боем, упорства и организованности. Практически исполнение любого замысла, приказа, боевой задачи ложится на плечи этого звена, поэтому слаженность, боевая дружба в этих звеньях, высокая ответственность и дисциплина имеют решающее значение в бою, особенно в оборонительном.

Командиры рот, взводов, экипажей и расчетов, как правило, видят врага первыми и первыми вступают с ним в самый ближний бой - огневой, а если обстановка требует - и в рукопашную схватку. Несмотря на большие потери в ходе войны, наши младшие и средние командиры отличались твердыми знаниями своих обязанностей, хорошими зна-

142

ниями и умелым использованием своего оружия на поле боя и были настоящими воспитателями своих подчиненных. Наш советский солдат не только верил своему командиру во всем, но и любил его как своего старшего товарища, всегда требовательного к себе и подчиненным, и вместе с этим заботливого руководителя, внимательно относящегося ко всем их нуждам.

В подтверждение сказанного мы имели тысячи случаев в годы войны, когда наши солдаты защищали, а, если требовала обстановка, то и спасали своего командира, не жалея своей жизни, как это сделал механик-водитель комсомолец Шаталов, спасая своего командира старшину Лахтина в бою за Сквирскую. Эти высокие качества советский человек, одетый в военную форму, пронес через все дороги и в очень тяжелые годы войны.

Один из участников нашего рейда и многих боев механик-водитель танка Т-34 старшина И.В.Чмиль вспоминал о своих командирах, с которыми ему довелось воевать в командире танка лейтенанте А.С.Тереховском, умело и смело поразившем танки противника из своего орудия в бою, о командире своего взвода лейтенанте А.А.Соколове и командире роты старшем лейтенанте А.Леснищом, под командованием которых не один раз ходил в атаку и успешно громил врага.

С особым чувством уважения и любви вспоминал И.Чмиль о своем командире батальона капитане А.С.Бибикове. Он писал: "Наш командир был дорог всему личному составу батальона. Он был душой всех воинов-танкистов нашей части. Он одинаково любил и солдат, и офицеров. Его можно было видеть в бою на самых опасных участках, а его смелость не только вдохновляла нас, но и передавалась нам, и всем хотелось быть таким, как он.

На привале, на марше и отдыхе А.Бибиков всегда находился среди танкистов своего батальона, он знал душу каждого солдата, а многих знал и откуда он родом, холост или женат, где живут и чем занимаются родители. Знакомился он с ними не по анкете, а так, в беседе,

вроде между прочим. Он был одинаково требовательным к себе и к нам, и никто за это на него не был в обиде. Мы видели и чувствовали, что он верит каждому из нас, и мы его любили как родного отца".

(Из тетради воспоминаний И.В.Чмиля).

Конечно, авторитет командира или начальника не приходит извне и с ним у нас никто не рождается, он создается упорным трудом каждого руководителя и особенно командира, на ком лежит ответственность не только за всестороннюю обеспеченность подчиненных, но и за их моральное состояние и, главное, за сохранение жизни советского воина. Все это было и всегда будет основой для рождения высокого авторитета - командира, начальника, руководителя.

Таким и был наш командир в годы войны. Он прекрасно понимал, что без высокой морально-политической устойчивости и постоянной боеспособности подразделений и частей одержать победу даже в коротком бою невозможно.

Об одной нашей слабости уже упоминалось выше - это большая нехватка топлива в продолжение всего рейда. Вторым узким местом у нас было недостаточное пополнение боеприпасами в ходе рейда. Особенно остро мы почувствовали это после захвата Тацинской, когда подошедший с востока и запада противник отрезал нас от своих войск и от всех путей подвоза материальных средств, в том числе и боеприпасов; лишил возможности эвакуации раненых. Первые два-три дня мы держались за счет экономного расходования имеющихся запасов, но конец был неизбежным.

По нашей настоятельной просьбе штаб фронта обещал помочь и сбросить в наш район боеприпасы на парашютах, хотя это сделать было не так просто. Все же в ночь на 27 декабря наша авиация сбросила боеприпасы. К сожалению, значительная часть боеприпасов попала на территорию противника. Нам удалось подобрать: 76-мм снарядов - 200 шт. (по 3-5 снарядов на танк), 45-мм снарядов - 250 шт., 4500 винтовочных патронов и 6000 патронов для ППШ.

Танкистам и артиллеристам было приказано стрелять только на-верняка и поразить цель с первого выстрела, а для этого тщательно проверялось и готовилось оружие.

Большие надежды мы возлагали на подход 24-й мотострелковой бригады и танков, отставших по техническим причинам и боевым повреждениям. Э.М.Баданов приказал командиру бригады принять все меры, чтобы не позднее 6 часов 26 декабря прибыть в Тацинскую, иначе бригада споздаст и не сможет вообще пробиться к нам.

Штаб корпуса и штаб 24-й мотострелковой бригады энергично взялись за выполнение этого приказа. Начальник оперативного отдела подполковник С.Д.Лаврентьев и его офицер майор С.Абакумов подробно информировали об обстановке начальника штаба 24-й мотострелковой бригады подполковника Прокопенко, указали районы сосредоточения противника и маршрут движения, где противник еще не был обнаружен. Больше всего следовало опасаться района Скосырской, где сосредоточивались 6 и II-я танковые дивизии противника.

Был намечен маршрут движения в общем направлении из Ильинки на юго-восток через хутора Петровский, Новочеркасский, Маслов-Новопавловский с тем, чтобы бригада выходила на северо-западную окраину Тацинской. Были установлены сигналы взаимодействия и порядок встречи.

Командир 24-й мотострелковой бригады полковник Василий Лукич Савченко, энергичный, смелый и волевой командир, участвовавший в боях под Харьковом и Воронежем, и в этом рейде показал незаурядные способности. Он всегда был среди бойцов, любил их как отец, и они отвечали ему тем же. В ходе этой операции бригада несколько раз сталкивалась с противником и показывала высокие боевые качества, успешно громила врага и брала в плен фашистов, хотя сама находилась в сложных условиях.

Из всех частей корпуса мотострелковая бригада была значительно хуже обеспечена средствами передвижения и вынуждена была пере-

двигаться комбинированным переходом. Это и было основной причиной отставания бригады, о чем я уже упоминал.

В ходе нашего наступления и разгрома частей противника все танковые бригады по приказу командира корпуса передавали трофейный автотранспорт в 24-ю мотострелковую бригаду для ее батальонов. Как правило, это были машины разных марок и производства разных стран, но наш смекалистый солдат как-то умудрялся быстро осваивать их и использовать. Были случаи, когда отступающий противник принимал такую разношерстную колонну за свою и бывал за это наказан.

24-я мотострелковая бригада смогла выступить из Ильинки только во второй половине дня 25 декабря и, используя складки местности, балки, полевые дороги, с помощью проводников из местных жителей буквально проползла ночью самую опасную часть маршрута между районами сосредоточивающегося противника и к 6 часам 26 декабря прибыла в Тацинскую. В последний момент противник все же обнаружил движение бригады, но было уже поздно. Немного пострадали подразделения тылового прикртия.

Командир бригады выбрал в себя и все экипированные танки (а их набралось около десятка). С бригадой пришли и несколько машин с топливом и боеприпасами. Для нас это была и большая радость, и солидная помощь. После небольшого отдыха мотострелковая бригада приняла участок обороны от 130-й танковой бригады - северную и восточную окраины Тацинской, а таковая бригада была выведена в резерв командира корпуса. Смена бригад производилась уже в ходе боя, поэтому 130-я бригада смогла выйти в свой район только поздно ночью.

Переход 24-й мотострелкой бригады между районами сосредоточения противника был, конечно, очень опасным, но, как показал опыт, возможным, и мы надеялись, что этот опыт будет использован войсками 3-й гвардейской армии, но, к сожалению, этого не произошло.

День 26 декабря был для нас не только днем больших забот и напряжений, но днем больших и радостных событий. В этот день мы получили телеграмму, в которой командование Юго-Западным фронтом горячо поздравляло весь личный состав корпуса с успешным выполнением задачи. В этой же телеграмме сообщалось о том, что 24-й танковый корпус преобразован во 2-й гвардейский танковый корпус и ему присвоено почетное наименование "Тацинский", а командир корпуса Василий Михайлович Баданов награжден орденом Суворова 2-й степени. Были преобразованы в гвардейские и все бригады корпуса.

Весть об этом разнеслась мгновенно. Вскоре пришло новое радостное известие о том, что наши войска под Сталинградом 24 декабря перешли в наступление и под ударами войск Сталинградского фронта фашисты отступают на запад. Наконец-то враг дрогнул и побежал, но ... бежал он в нашу сторону - на запад, и от нас теперь требовались особая стойкость и упорство в удержании Тацинской, которая, как кость в горле стала на пути отступающего врага.

В конце дня мы провели в бригадах, частях, батальонах, ротах и батальонах собрания или митинги, на которых говорили о высокой оценке командованием наших ратных дел. Выступавшие говорили о том, что нам надо оправдать эту высокую оценку в предстоящих боях с врагом. Все были рады тому, что "наконец-то и на нашу улицу пришел праздник". "Сталинградцы будут гнать врага с востока, а мы здесь будем рубить его под корень, - говорили гвардейцы. Теперь мы обязаны драться по-гвардейски - каждый за троих".

Весть о том, что наш ратный труд, наши боевые дела внесли достойный вклад в дело разгрома вражеских войск на нашем направлении, еще выше подняла ответственность каждого за выполнение своего долга перед Родиной. Росла и крепла уверенность в нашей победе.

26 декабря в 8 ч 30 мин противник начал новое активное наступление. С севера появилось около 20 танков с артиллерией и до батальона пехоты, а с востока, из района Бобовни, и с запада из райо-

на хутора Ново-Андреевского перешли в наступление примерно такие же группы противника. Подпустив танки и пехоту как можно ближе, наши танкисты, артиллеристы и автоматчики открыли сильный огонь. В течение двух часов шел напряженный бой. Потеряв большое количество пехоты и более 20 танков сожженными, враг прекратил атаку, а затем отошел назад. В 13 часов он повторил атаку, но она также была отбита. После сильного артиллерийского налета в 15 часов враг в третий раз перешел в наступление со стороны Скосьерской, но встретил еще более сильное сопротивление подошедшей сюда 24-й мотострелковой бригады и 130-й танковой бригады и вновь вынужден был отойти.

За день боя противник потерял убитыми более 800 солдат и офицеров и около 40 танков.

Большие потери были и у нас, но боеспособность частей не была поколеблена. Напомним читателю, что в ночь на 27 декабря наша авиация сбросила нам на парашютах очень небольшое количество боеприпасов, но этот "паек" не смог восполнить даже того, что было израсходовано накануне - 26 декабря. Потребовалось еще более экономно расходовать наши весьма скудные запасы.

Рано утром 27 декабря противник снова перешел в наступление по всем направлениям. С большими потерями для противника атака была отбита. После этой неудачи враг применил массированные налеты своей авиации и в течение продолжительного времени усиленно бомбил главным образом восточную и западную окраины неселенного пункта, а в 12 часов повторил атаку. Теперь ему удалось прорвать нашу оборону, овладеть хутором Ново-Андреевским и ворваться на западную окраину Тацинской. Наша оборона дала опасную трещину. Чтобы не позволить противнику развивать наступление в глубь обороны, командир корпуса приказал своему резерву - 130-й танковой бригаде - контратаковать противника и восстановить положение на западной окраине Тацинской. Головным в бригаде в атаку пошел 2-й батальон капитана

М. Нечаева - 5 танков Т-34 (это все, что осталось в батальоне) против 16 фашистских танков, ворвавшихся в нашу оборону. Разгорелся неравный бой. Каждый из наших танкистов понимал, что в этом неравном бою победит смелость, решительность и меткость пушечного огня. Раньше так ходили врукопашную, теперь, в век техники, эта рукопашная была в несколько раз труднее и сложнее, и оружием здесь были, вместо ножа и штыка, пушки и пулеметы в руках мужественных людей, хорошо понимавших, за что и за кого они борются.

С первых же выстрелов запылали три танка противника, затем еще два и еще один. Три из шести подбил экипаж командира батальона М. Нечаева. Вышли из строя и четыре наших танка. Затем запылал еще танк врага, но и в наш последний танк - в танк М. Нечаева попал вражеский снаряд. Вражеская атака танков была отбита - семь танков противника горело и несколько танков было подбито. В этой неравной схватке погибли смертью храбрых командир батальона капитан Михаил Нечаев и его боевой экипаж. Позже капитану М. Нечаеву было присвоено высокое звание Героя Советского Союза посмертно, а все участники этого боя награждены правительственными наградами. Смелость, упорство, мужество и самопожертвование, если этого требовала обстановка, были характерными отличительными чертами всех советских воинов - от рядового до командира корпуса.

Враг нес большие потери, но его атаки не ослабевали. Вокруг нас горели его танки, бронемашины, возле поселка были сотни убитых и раненых. Большие потери были и у нас. Мы принимали все возможные меры, чтобы всех, кто может держать оружие, и все, что можно восстановить, немедленно направлять в боевые порядки.

Много пришлось поработать под огнем врага нашей танко-технической службе - инженер-подполковникам В.И. Орлову, Я.Н. Эпштейну, А.Ф. Крайневу, инженер-капитану Глухощедову и другим. Под их руководством танки вытаскивали прямо из боя, отбуксировывали в ближай-

шие укрытия, восстанавливали и вновь вводили в боевые порядки. На этом мы и держались.

Тяжелое положение сложилось и с медицинским обеспечением. Раненых было очень много, а медицинского персонала очень мало. Большие трудности сложились потому, что танковый корпус не имел своих медицинских частей или подразделений. Предполагалось, что эвакуация раненых будет производиться в передовые армейские госпитали. Но так как мы оказались отрезанными от стрелковых войск, то эта возможность теперь исключалась.

В танковых бригадах были медико-санитарные взводы, но очень ограниченного состава, а в ротах и батальонах — лишь санитары и санинструкторы. Комплектовались эти должности в основном из девушек, окончивших краткосрочные курсы. Так, например, в батальонах 25-й танковой бригады был только один мужчина-санинструктор I-го батальона И.П. Антонов. На них-то и пала тяжелая задача спасать раненых, выносить их с поля боя в ближайшие укрытия и оказывать посильную помощь. Большую помощь оказывало нам местное население, предоставляя свои хаты, подвалы, землянки и скудные запасы медикаментов. Отдавали простыни для перевязки раненых, стирали бинты и вновь пускали их в дело. Мы обыскали все самолеты и медпункты на аэродромах и найденные медикаменты использовали для наших раненых. Так общими усилиями было спасено много раненых.

Молодой, с небольшим опытом, наш медперсонал работал очень напряженно и самоотверженно. Санинструктор 25-й гвардейской бригады гвардии старшина Шура Рукавицына эвакуировала с поля боя 38

красноармейцев и офицеров и оказала им необходимую медицинскую помощь. Позже, когда выходили на окружения, она вывела всех тяжелораненых в Ильинку. Такой же подвиг совершила санитарструктор 7-й роты 3-го батальона 4-й гвардейской мотострелковой бригады гвардии старшина Оля Брызгалова. 26 и 27 декабря она эвакуировала с поля боя большое количество раненых и оказала им всем медицинскую помощь, а при выходе из окружения под прикрытием воинов своего батальона на подводах вывезла большую группу тяжелораненых в Ильинку.

Следует подчеркнуть, что это были не отдельные случаи. Такие же героические подвиги совершали женщины и в других частях корпуса. Эти хрупкие 17-18-летние девушки-комсомолки в самые сложные и очень трудные для всех нас минуты проявляли необыкновенное мужество, смелость и огромную волю в борьбе за спасение жизни каждого пострадавшего в бою воина.

ВЫХОД ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

Бой в окружении очень труден во всех отношениях и особенно в моральном и психологическом. Здесь необходимо не только мужество, крепкие нервы, стойкость абсолютно всех участников боя, но и готовность каждого к самопожертвованию во имя выполнения общей задачи и своего долга перед Родиной.

Очень трудный и напряженный день был для нас 27 декабря 1942 года. Уже день шел к концу, но обстановка с каждым часом становилась все труднее и сложнее. Командиры бригад с большой тревогой докладывали о больших потерях личного состава и танков. Устали все чрезмерно, несколько суток днем и ночью без перерыва и отдыха шел тяжелый неравный бой. Для нас этот день был не только тяжелый и напряженный, но и самый критический.

В 18 часов командир корпуса еще раз направил радиограмму на имя командующего Юго-Западным фронтом, в которой докладывал:

"Положение тяжелое. Снарядов нет. Удержать Тагинскую не могу. Прошу разрешения на выход из окружения. Бадано:"¹⁾

В конце дня враг предпринял еще две атаки. Одну по северной окраине, которая была отбита главным образом артиллеристами 24-й мотострелковой бригады, а вторую - по юго-восточной окраине, на участке 54-й танковой бригады. Здесь враг был контратакован танковым батальоном капитана Г. В. Титова, восстановившим положение.

Поздно вечером командир корпуса собрал командиров частей, их заместителей, уточнил оставшиеся силы и материальные возможности, за счет перегруппировки приказал усилить в первую очередь

¹⁾ ЦАМО СССР. Ф. 2-й гв. тк, оп. 198712, д. 5, л. 116

оборону на танкоопасных направлениях и объявил решение на завтра, суть которого сводилась к тому, чтобы во что бы то ни стало удерживать занимаемые участки обороны.

В заключение еще раз напомнил: "Объясните всем гвардейцам, что теперь наступил момент когда каждый должен биться до последнего патрона и если потребуется вступать в рукопашную схватку. Завтра с утра с севера продолжает наступление 3-я гвардейская армия и возможно к концу дня подойдет к нам".

Обстановка была критическая. Каждый командир бригады еще раз уточнил свои задачи и получил разрешение на некоторую перегруппировку и сокращение периметра в своем секторе обороны, а также оттянуть подразделения с аэродромов ближе к южной окраине станицы, но так, чтобы поля, на которых размещались аэродромы, хорошо просматривались и простреливались пушечным и пулеметным огнем из танков. На это обращалось внимание потому, что станица находится в долине и намного ниже полей, расположенных севернее и южнее ее.

Василий Михайлович предупредил командиров частей и их заместителей о том, что положения хотя и тяжелое, но не безнадежное. Все будет зависеть от нашей организованности и выдержки. Вместе с этим мы не переставали надеяться на подход к нам завтра, то есть 28 декабря, войск 3-й гвардейской армии и в первую очередь 25-го танкового и 1-го механизированного корпусов. К сожалению, связи у нас с ними не было.

Сложившуюся обстановку все прекрасно понимали и немедленно приступили к выполнению своих задач.

Естественно, что мы тогда и не помышляли о том, что Ставка Верховного Главного Командования также была очень обеспокоена положением дел в нашем районе.

Уже значительно позже мы узнали из "Истории Великой Отечественной войны" (т. 3, с. 49), а затем и из труда Маршала Советского Союза Г. К. Жукова "Воспоминания и размышления" о переговорах Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина с командующим Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутиным в присутствии Г. К. Жукова.

23 декабря, где-то после полуночи командующий фронтом докладывал обстановку Верховному Главнокомандующему, и, очевидно, в это время была доложена обстановка в районе Тацинской и положение 24-го танкового корпуса.

Верховный так отреагировал на эту часть доклада:

-Первая Ваша задача - не допустить разгрома Еданова и поскорее направить ему на помощь Павлова и Руссиянова ...". А в конце переговоров он еще раз потребовал от командующего фронтом:

-Помните Еданова, не забывайте Еданова, выручайте его во что бы то ни стало! I).

На такое категорическое требование Верховного, командующий фронтом ответил заверением, что он примет абсолютно все возможные меры и Еданова выручит.

В связи с тем, что время тогда имело решающее значение, штаб фронта тут же отправил нам радиограмму с разрешением командующего фронтом на вывод частей корпуса из окружения, которую мы получили в I ч 30 мин ночи 28 декабря 1942 года.

Для нас это была третья и самая трудная задача, особенно потому, что времени оставалось очень мало, оказать нам помощь уже никто и ничем не сможет, а выводить части из боя, а затем выходить из окружения надо было только ночью и не позднее с 3-х и до 7 часов утра 28.12.1942 года. Вывод частей корпуса в это время диктовался тем, что наша авиация ни прикрывать, ни поддерживать нас не могла, а авиация противника не позволила бы нам днем даже сдвинуться с места.

I) Г. К. Жуков. "Воспоминания и размышления", Издательство АПН, 1939, стр. 441

Обстановка для нас несколько облегчалась тем, что штаб корпуса уже 26 декабря подготовил проект плана действий и необходимые мероприятия на случай, если войска 3-й гвардейской армии не подойдут к нам и нам самим придется прорываться из окружения. План был составлен в двух вариантах. Первый вариант — прорываться на север по кратчайшему направлению к войскам 3-й гвардейской армии, но на этом направлении в район Скосырской подошла 6-я танковая дивизия противника. Второй вариант состоял в том, чтобы прорываться на северо-запад, где наши войска были значительно дальше, но зато и сил противника на этом направлении было немного. Кроме того, второй вариант позволял использовать внезапности над противником на этом направлении.

Мы понимали всю сложность и трудность выполнения нашей задачи в этом необычном и редком виде боя как "выход из окружения", где требуется от всего личного состава высокая организованность, дисциплина, особая стойкость и выносливость. Малейшее нарушение приказа могло привести к неразберихе, потере управления, а затем и к панике, которая неминуемо приведет к большим жертвам. Горький опыт боев под Киевом нас многому научил.

Командир корпуса строго потребовал от командиров бригад точного выполнения приказа и ни при какой обстановке не допускать нарушения организованности и дисциплины.

С тяжелым сердцем мы оставляли Тацинскую и ее жителей. Каждый из нас думал о том, что совсем по-иному могла бы сложиться обстановка, будь у нас здесь не один танковый корпус.

Смелые и решительные действия танкового корпуса как подвижной группы фронта в оперативной глубине противника позволили высшему командованию сделать оперативные выводы о необходимости иметь более крупные однородные танковые объединения как средство развития успеха и самостоятельных действий в оперативной глубине противника — танковые армии.

Уже тогда, в ходе операции "Малый Сатурн", Верховный Главнокомандующий в вышеупомянутом разговоре с Н. Ф. Ватутиным заметил, что надо иметь в виду, что танковые корпуса лучше пускать на дальнее расстояние парой, а не в одиночку, чтобы не попасть в положение Баданова.

Этот важный вывод, сделанный на опыте Сталинградской битвы, вскоре принял конкретные формы. Уже в начале 1943 года стали создаваться танковые армии нового (однородного) состава как средство развития успеха фронта. Типовой состав такой армии включал, как правило, два танковых и один механизированный корпуса (уже без стрелковых дивизий), зенитную артиллерийскую дивизию и другие армейские части и соединения. Армии получили необходимые артиллерийско-минометные соединения и части и лучшие средства управления.

Напомню читателю, что командующий Юго-западным фронтом перед началом нашего наступления подчинил 24-й танковый корпус командующему 1-й гвардейской армии. Но в ходе выполнения боевой задачи направления действий корпуса и соединений армии не совпадали. Да и содержание боевых задач существенно было различным. Тем более, что 1-я гвардейская армия, усиленная 18-м танковым корпусом, была вынуждена повернуть на запад и юго-запад в направлении Чертково, Миллерово и была втянута в тяжелые бои с подошедшими резервами противника с запада, и связь с армией не только тактическая, но и оперативная нарушилась. Кроме того, 1-я гвардейская армия вынуждена была задействовать значительные силы для уничтожения оруженных группировкой врага, о чем упоминалось выше.

3-я гвардейская армия с 1-м механизированным корпусом начала наступление на левом крыле фронта из района Белафин, Боковская, Пронин, удаленного от нашего направления на 130-150 километров. 23-24 декабря она была усилена подошедшим с запада 25-м танковым корпусом и к 28 декабря вышла на рубеж северо-восточнее Скопсырской-Урпина (40-50 км от нас).

В ходе наступления мы узнали, что армия развивает наступление на юго-запад и должна выйти в наш район, но где были ее передовые части и в какой они находились обстановке, мы не знали, да и связи с ними не имели.

Перед началом операции, очевидно, выход 3-й армии в район Тацинской не планировался, а потому и взаимодействие с ней организовано не было.

Уже позже, когда 2-й гвардейский танковый корпус вышел из окружения в район Ильинки, приказом командующего фронтом от 29 декабря танковый корпус был подчинен 3-й гвардейской армии.

По существу в ходе всего рейда управление действиями корпуса осуществлял штаб Юго-Западного фронта, да и выполняемая им задача как по цели, так и по глубине имела фронтовое значение, поэтому она и ставилась командующим фронтом. Фактически 24-й танковый корпус, а впоследствии 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус был первой подвижной группой фронта, успешно выполнившей его задачу.

Вернемся все же к действиям соединений корпуса при выходе из окружения, чему недостаточно полно учат в военно-учебных заведениях, а боевая обстановка иногда вынуждает решать и эту очень сложную задачу.

Окруженная часть или соединение, как правило, самостоятельно вырваться из окружения часто не в состоянии. В этих случаях нужна конкретная помощь старшего начальника в выделении необходимых сил для того, чтобы разорвать внешнее кольцо окружения и помочь войскам, попавшим в окружение, авиацией и высадкой десанта в район окружения для усиления удара по войскам врага непосредственного окружения. *В наших случаях требовалось помощь командующего фронтом и его штаба*

Уточнив еще раз данные о противнике, командование 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса отдало приказ пробиваться на северо-запад, в направлении хутора Михайлова, на Ильинку, то

есть между группировками противника, находившимися одна в районе Скосырской, а другая западнее хутора Ново-Андреевский. Выход из Тащинской был назначен на 3 часа ночи 28 декабря. В первом эшелоне должны были прорываться 4-я и 26-я гвардейские танковые бригады, во втором - 4-я гвардейская мотострелковая, штаб корпуса и корпусные части. Замыкала движение 25-я гвардейская танковая бригада, прикрывавшая корпус с тыла. На эту бригаду возлагалась самая ответственная задача. Узнав о нашем выходе из Тащинской, противник мог пустить свои танки за нами (а такой горький опыт уже был) и нанести нам большие потери или, в крайнем случае, надолго задержать наш выход.

Для обеспечения выхода командир 25-й гвардейской танковой бригады создал несколько групп прикрытия, закрыв ими основные улицы. По мере выхода главных сил корпуса из Тащинской группы прикрытия тоже отходили от одного перекрестка к другому по команде командиров батальонов. Бригады выходили быстро и организованно, не допуская нарушения установленного порядка. Наш замысел и действия войск полностью удалась.

Как мы и полагали, противник не ожидал, что танковый корпус буквально из-под носа уйдет из Тащинской. Не знал, а может быть, и не верил, что такое возможно.

Высокая мобильность и дисциплинированность буквально всех воинов позволили нам выполнить и эту нелегкую задачу. Точно в назначенное время части корпуса заняли исходное положение и наш таран двинулся. Внезапно под хутором Михайловым нас встретил противотанковый огонь противника. Сразу же загорелись два танка головной походной заставы (ПЗ) 4-й гвардейской танковой бригады. Головной батальон остановился, а за ним и все части бригады и корпуса. Ночь темная, небо закрыто облаками, впереди горят головные танки, далеко

освещая местность, гремит орудийный и пулеметный огонь - такова очень тревожная картина в начале нашего пути.

Командир бригады решил не пускать больше в темноту танки, а спешить мотострелковый батальон и под прикрытием огня танков обойти противника справа и слева и уничтожить вражеский заслон.

Командир корпуса, комиссар и начальник штаба с тревогой обменивались мнениями о сложившейся ситуации. Из радиодоклада полковника Г.И. Копылова нам было известно, что бригада встретилась с крупным противотанковым заслоном и несет потери.

- Алексей Семенович, - обратился ко мне В.М. Баданов, - поезжайте в голову колонны, разберитесь, что там происходит, и примите необходимые меры на месте. Помните, для нас главное - не топтаться на месте, а как можно быстрее до рассвета отойти подальше от района Тащинской. Нестерову я прикажу также немедленно выехать к Копылову.

По прибытии в бригаду я встретил полковника Г.И. Копылова, командира мотострелкового батальона К.Г. Бударина, его заместителя М.П. Едина, командиров танковых батальонов А.С. Ебикова и И.И. Кочеренко, которым комбриг ставил задачи. В это время к нам подъехал и командир 26-й гвардейской танковой бригады подполковник С.К. Нестеров. Короткая информация Г.И. Копылова об обстановке убедила нас в целесообразности принятого им решения.

После короткого обмена мнениями я передал Степану Кузьмичу Нестерову приказ командира корпуса выводить бригаду в голову и прямо по целине обходить заслон противника и хутор Михайлов восточнее и идти на Маслово, далее на хутора Ново-черкасский, Петровское и Ильинку. Все распоряжения, отданные командирам бригады, командир корпуса утвердил. Я остался в 26-й бригаде и следовал с ней до Ильинки.

Теперь очень важно было как можно быстрее вывести головную 26-ю танковую бригаду на свое направление в обход хутора Михайлова. Стояла глубокая ночь, надо было двигаться прямо по целине, по бездорожью, и всякая ошибка или отклонение от направления были чреваты тяжелыми последствиями.

Командир 26-й гвардейской танковой бригады подполковник С. К. Нестеров приказал начальнику штаба бригады майору В. К. Шанину на головном танке возглавить движение колонны. Майор Шанин справился с этой очень ответственной задачей блестяще.

После короткой подготовки приступил к выполнению своей задачи и командир 4-й гвардейской танковой бригады. Вначале атака I-го танкового батальона майора А. С. Ебикова и мотострелкового батальона автоматчиков майора К. Г. Будрина была успешной. I-я танковая рота старшего лейтенанта С. Вертуганова с ротой автоматчиков раздавила противотанковую батарею и прорвалась по дороге на хутор Михайлов, но встретила вглубине сильный противотанковый огонь и, потеряв два танка, вынуждена была прекратить атаку.

В этом бою был подбит танк командира батальона майора Ебикова сам он был ранен. Были ранены командир моторизованного батальона автоматчиков майор К. Г. Будрин и его замполит Н. П. Юдин, несколько человек погибли. В дальнейшем бригада ^{разгромил} ~~сбил~~ на этом направлении заслон противника, и пошла по направлению движения главных сил корпуса.

Рассвет застал нас на переправе по льду через реку Быструю у хутора Маслово. Здесь еще была неожиданная встреча с небольшой колонной крытых автомашин. Заслышав грохот наших танков, "пассажиры" повскакивали из машин, бросились врассыпную, а нам было не до них: необходимо было как можно быстрее пройти этот рубеж и проскочить реку Быструю. Когда совсем рассвело, в небе появились самолеты противника, но нас они не трогали. По-видимому, в этом районе разношерстные колонны ^{броска} ~~противника~~ тоже ~~двигались~~ в разных направлениях, и летчики противника приняли нас за своих.

Эта, пожалуй, самая трудная задача - выход из окружения - была выполнена четко и без больших потерь. Немного пострадала 25-я гвардейская танковая бригада, прикрывавшая выход корпуса.

В боях за Скосырскую и Тацинскую, по уточненным данным, было сожжено и подбито свыше 140 танков противника. Только вокруг Тацинской стояло 103 сгоревших и разбитых танков, из них 47 танков под хутором Ново-Андреевским (западнее Тацинской). Разбито и раздавлено около 40 орудий и минометов. Захвачено на двух аэродромах и выведено из строя свыше 350 самолетов разных типов.

К 14-16 часам 28 декабря все части корпуса вышли в район Ильинки. В это время танковые бригады имели; 4-я гвардейская - 8 танков Т-34 и 6 танков Т-70; 25-я гвардейская - 17 танков Т-34 и 4 танка Т-70; 26-я гвардейская, понесшая наибольшие потери, - 4 танка Т-34 и 3 танка Т-70. Неисправные танки, находившиеся в ремонте, вынуждены были оставить в Тацинской, забрав с собой их экипажи. Вышли из окружения все части и подразделения, вывезены раненые, вся боевая матчасть в том числе и 42 исправных танка. Уже в Ильинке, мы свели все танки с экипажами в 25-ю гвардейскую танковую бригаду, а 4 и 26-ю танковые бригады (без танков) вывели во второй эшелон.

Наиболее высокая боеготовность сохранилась в 4-й гвардейской мотострелковой бригаде. На эти две бригады и легла основная тяжесть выполнения предстоящих задач.

Через пару дней мы узнали что, почти такое же положение было в танковых и механизированных соединениях 3-й гвардейской армии. В связи с этим командующий армией создал две сводные группы: танковую под командованием В.М. Баданова и группу стрелковых соединений под командованием Я.Е. Швердина. В группу Баданова вошли 2-я гвардейская и 25-й танковые корпуса, а также 1-й механизированный корпус (все в сокращенном составе). Танковой группе было приказано разгромить противника в Скосырской и развивать наступление в общем направлении на хутор Ново-Черкасский, Грачи, Жирнов и далее на Литвиновку, Самбуров, Астахов. Верх. Клиновой.

На этом направлении шли тяжелые и напряженные бои с противником, который оказывал ожесточенное сопротивление на каждом рубеже, дрался за каждый хутор, за каждую деревню.

22 января 2-й гвардейский танковый корпус был выведен в район севернее Каменска на доукомплектование. Получив небольшое пополнение танков, 25 января перед нами поставили новую задачу - продолжать наступление в составе 3-й гвардейской армии в направлении Ворошиловграда, где полгода назад мы формировались. Наш круг замкнулся. Отсюда начнется наступление не по кругу, а по прямой - на запад.

Верну читателя к событиям 28 декабря - после выхода из окружения.

Все мы - от солдата до командира корпуса - невероятно устали, но и в этих условиях недопустима никакая передышка. Мы тут же приступили к организации непосредственного охранения. Были высланы от бригад разведывательные органы на наиболее опасные для нас направления.

Все командиры, штабы, технический состав и другие начальники служб приступили к детальной проверке подразделений и подготовке к завтрашнему дню. С большой радостью и гордостью мы доложили командующему фронтом о выполнении возложенных на нас задач.

Из окружения мы вышли, но и к своим не попали. Ночь застала нас в неведении. Необходимо было срочно искать свои войска и устанавливать с ними контакты.

В этих условиях, как и в каждом бою, обстановка сама часто подсказывает, что следует предпринять. Надо только быть внимательным. Так произошло и с нами здесь. Уже поздно вечером мы слышали далеко-далеко на востоке артиллерийские выстрелы, что чрезвычайно нас обрадовало.

Вот завтра и надо двигаться туда, где идет бой! — сказал В. М. Баданов. — Там мы и найдем, кого ищем. Так все и произошло. Ранним утром 29.12.1942 г. я, небольшой группой выехал на командный пункт 3-й гвардейской армии с докладом о положении и состоянии корпуса и за получением новой задачи. С этого времени и началось наше тесное взаимодействие с 3-й гвардейской армией. О нашей встрече в этот же день донесли в штаб фронта и уже на следующий день получен приказ о переподчинении корпуса 3-й гвардейской армии.

Несколько позже мне удалось выяснить обстановку и поведение противника после нашего выхода из Тацинской. Вот что нам рассказали местные жители и, в частности, начальник разведгруппы старший лейтенант Борис Васильевич Волков, заброшенный сюда с группой разведчиков Дно-Западным фронтом задолго до начала нашего наступления.

"Утром 28 декабря, когда вы вышли из Тацинской, в течение нескольких часов авиация противника бомбила восточную и западную окраины станицы. Затем эти же районы обрабатывала артиллерия, после чего перешли в наступление танки и пехота 48-го танкового корпуса (II-я танковая, 336 и 306-я пехотные дивизии и другие части этого корпуса). Этому корпусу было приказано "окружить и уничтожить гвардейский танковый корпус, состоящий сплошь из коммунистов".

Примерно так же описывает обстановку тех дней уроженец станицы Тацинской четырнадцатилетний юноша Веса Лымарев, проживавший по улице Октябрьской, вблизи элеватора.

В письме ко мне он вспоминает, как 24 декабря утром наши танки ворвались в поселок, как громили растерявшихся немцев. На аэродромах шла орудийная и пулеметная стрельба, и-он видел, как гитлеровцы бежали к самолетам, но, попав под огонь наших танков, разбегались во все стороны, многие прятались в населенном пункте по подвалам, чердакам, блиндажам, спасаясь кто, где и как сможет.

С приходом наших войск он с группой товарищей - Васей Зайцевым, Васей Мильниковым, Валей Чеховой и другими - помогали вылавливать попрятавшихся фашистов, многие из которых были пленены, а сопротивлявшиеся уничтожены.

В ходе боя они помогали танкистам найти кратчайшие пути на аэродромы и показывали места, где размещались зенитные батареи врага. Когда вражеские войска окружили танковый корпус, ребята вместе со старшими включились в работу по строительству оборонительных сооружений. Они вместе с нами рыли капониры для танков и орудий, окопы для автоматчиков и выполняли другие посильные им работы.

Ветераны корпуса и теперь часто вспоминают своих юных друзей не только добрым словом, но и с гордостью рассказывают нашей молодежи о большом мужестве юных патриотов в тяжелые годы войны, отдавших для нашей победы свои неокрепшие силы, а иногда и свою жизнь.

После ухода корпуса из Тацинской озлобленные своей неудачей фашисты начали чинить расправу над мирными жителями. В этот день они расстреляли около тридцати человек и в их числе Гришу Волкова и Федю Игнатенко. Чудом спасся третий пионер - Вася Зайцев. Тяжело раненного Васю спасли товарищи - его вытащили из-под тел убитых.

В 9-10 часов утра 28 декабря противник нанес мощный авиационный и артиллерийский удары по западной и восточной окраинам поселка и перешел в наступление, но пришлось этот удар по пустому месту. Корпус в это время был уже в 20-30 километрах северо-западнее Тацинской. Для гитлеровского командования это явилось не только неожиданностью, но было чревато и тяжелыми последствиями. Командир корпуса генерал Кнобельсдорф и его начальник штаба полковник Мелентин хорошо понимали, что, если Гитлер узнает, как они выпустили

164
танковый корпус из Тацинской, не сносить их своих голов. Гитлер отрубил их так же просто, как он это сделал уже с комендантом гарнизона Тацинской. Такая перспектива их, конечно, не радовала, и во избежание нависшей над ними опасности Кнобельсдорф и Мелентин фальсифицировали факты и донесли в ставку, что гвардейский танковый корпус полностью ими уничтожен.

В своих послевоенных мемуарах в главе под громким заголовком "Крупный успех Манштейна" Мелентин пишет: "Гвардейский танковый корпус русских, окруженный II-й танковой дивизией, ... и все окруженные войска были либо уничтожены, либо взяты в плен" I).

Вот так лгали перед своим народом фашистские генералы, выгораживая себя и "прославляя" свое войско. Полностью потеряв 6-ю армию, более полутора миллиона солдат и офицеров, огромное количество техники и вооружения, отступив без передышки до Харькова, они после войны стали выдавать свое поражение под Сталинградом за "крупный успех" Манштейна.

К сожалению еще и теперь (1985 г.) последователи фашистских генералов продолжают "исправлять" а точнее исказить историю событий Великой Отечественной войны и преподносят западному читателю материал так, чтобы последний сделал сам вывод - советская угроза существует, а поэтому надо вооружаться и вооружаться, иначе советские войска в короткие сроки смогут захватить всю Европу.

Изучая исторический опыт Великой Отечественной войны военный историк офицер Министерства обороны США Гарольд Коил в американском журнале *ARMOR* том 94 № I за январь-февраль 1985 года опубликовал статью под названием "Тацинская операция и советская доктрина оперативной маневренной группы" в которой попытался сделать анализ действий 24-го танкового корпуса, переименованного 26-го декабря 1942 года во 2-й гвардейский Тацинский танковый кор-

I) Ф. Мелентин. Танковые сражения 1939-1945 гг., стр. 178

пус, входивший в состав Юго-Западного фронта в операции "Малый Сатурн". Автор статьи высказал и свои рекомендации о методах борьбы с подобными оперативными маневренными группами в будущей войне.

Я участник этой операции был начальником штаба уполноценного корпуса и подробно рассказал советскому читателю о действиях корпуса в оперативной глубине противника, о разгроме "воздушного моста" и как реагировал противник на наши действия.

Да, действительно 24-й танковый корпус, с 26-го декабря 2-й гвардейский, действовал как подвижная группа фронта. В годы войны 1942 год так назывались танковые соединения, усиленные другими родами войск, предназначавшиеся для развития успеха наступающих войск.

24 декабря в 8 часов утра, а не в 5.30 как пишет Г.Койл, мы одновременно ворвались на аэродромы, и в Тацинскую, разгромили крупный гарнизон и не 120 человек, как пишет автор статьи, а около 4000, захватили не 180, а 300 самолетов на двух аэродромах и 50 еще не разгруженных железнодорожных эшелонов, большое количество боеприпасов и различного материального и технического имущества. Из захваченных самолетов смогли улететь единицы, так как при появлении танков на аэродроме началась паника, управление полностью было парализовано - самолеты сталкивались один с другим и тут же загорались, что еще больше усугубило панику. Что творилось на аэродромах хорошо описали в своих воспоминаниях бывший летчик Курт Штрайн и офицер штаба Паулюса Иохим Видер. Так что вылететь 124 самолета ни при каких условиях не могли.

Американскому историку очень хочется ввести в заблуждение читателей, вызвать недоверие к тому что уже написано участниками битвы в Истории Великой Отечественной войны и задним числом хоть как-то обелить фашистское командование за поражение под Сталинградом видать поражение "за крупный успех", как это делали Манштейн и Мелентин

В заключение статьи автор задает себе (а надо понимать читателю) вопрос - "Кто победил?" и сам же на него отвечает: "28 декабря немецкие войска выиграли битву за ст. Тагинскую, вновь захватили аэродром, уничтожили танковый корпус и временно приостановили продвижение советских войск на Ростов. Это была существенная победа". Дорого обшлась им эта "победа" - о чем читатель уже знает.

Что касается уничтожения танкового корпуса то и здесь американский историк не "открывает Америку", а вопреки исторической правде повторяет то что в свое время писало руководство 48-м танковым корпусом ген. Кнобельedorff и его начальник штаба полковник Мелентин. Последние хорошо знали правду - хорошо знали что танковый корпус вышел из окружения, но признать это было выше их сил и этим спасли свои головы. Гарольд Койл тоже знает правду. Это видно из его разъяснения читателю о том что изучение его статьи "будет основано на таком историческом материале, который мы могли получить используя советскую работу как Великая Отечественная война 1941-1945 гг.". А там черным по белому написано как корпус выполнил свою задачу в операции "Малый Сатурн", как пять суток боролся в окружении и как вышел из окружения. Об этом вспоминает в своих мемуарах и Маршалы Г.К.Еуов и А.М.Василевский.

Во в эту историческую правду не мог не знать Гарольд Койл, но написал другое - желаемое выдал за действительное и этим обманул читателя.

ИТОГИ И ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ 2-ГО ГВАРДЕЙСКОГО ТАГИНСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА В ОПЕРАЦИИ "МАЛЫЙ САТУРН"

Сталинградская битва продолжалась. Предстоял последний и завершающий ее этап - разгром окруженной группировки войск 6-й и части сил 4-й танковой армий врага, начавшийся 10 января 1942 года и закончившийся полным разгромом вражеских сил 2 февраля 1943 года.

К концу декабря войска Юго-Западного фронта продвинулись на глубину 200 километров и вышли на рубеж Новая Калитва-Высоцкино-Беловодск-Вологино-Миллерово-Ильинка-Скопсирская-Уропин-Чернышевский и продолжали наступление на юго-запад и на запад. Вместе с войсками фронта, теперь уже в составе войск 3-й гвардейской армии, продолжала наступать в направлении Каменск-Шахтинский и 2-й гвардейский танковый корпус.

Итоги боевых действий корпуса были значительными. В течение 10 суток рейда корпус вел непрерывные бои в тылу противника и за первые пять суток прошел с боями по прямой 240 километров, а с учетом маневра — более 400 километров. За это время врагу был нанесен значительный урон: было уничтожено более 200 танков противника, 106 орудий и минометов, около 800 различных типов машин, более 11000 солдат и офицеров, взято в плен 4800 гитлеровцев. Кроме захваченных в Тацинской 350 самолетов, наш 658-й зенитно-артиллерийский полк и дивизион 4-й гвардейской мотострелковой бригады сбил еще и уничтожили на других аэродромах около 18 самолетов противника. Захвачено большое количество боеприпасов, горючего, военно-технического имущества и запасов продовольствия. Полностью разгромлен гарнизон, оборонявший ст. Тацинскую, и отдельные части, находившиеся на переформировании в этом районе.

В этих боях части корпуса понесли немалые потери в людях и технике, однако боеспособность наших частей сохранилась.

Главным итогом следует считать то, что в самый критический период Сталинградской битвы и впервые в ходе Великой Отечественной войны, выполняя задачи, поставленные командующим Юго-Западным фронтом, танковый корпус совершил беспрецедентный глубокий рейд в качестве подвижной группы фронта в оперативную глубину врага и показал на практике, как велики возможности танковых соединений, действующих в оперативной глубине войск противника.

Своими активными и решительными действиями 2-й гвардейский танковый корпус разрезал коммуникационные пути маневра резервами и снабжения войск, разрушил пункты управления и полностью разгромил основные силы 4-й воздушной армии врага, уничтожил средства управления авиацией в этом районе и почти весь летно-технический состав. Понесли большие потери находившиеся здесь полевые войска: 62-я пехотная дивизия, части 7-й авиаполевой дивизии, а также переброшенные в этот район дивизии со Сталинградского фронта, 6-я и 11-я танковые, 335-я и 306-я пехотные дивизии и другие части.

Особенно остро враг почувствовал потерю своего "воздушного моста". Тяжелая и сложная обстановка в тылу заставила Манштейна отказаться от своих планов и принять принципиально новые решения.

Удар Юго-Западного фронта в тыл группировки Манштейна с 16 по 31 декабря в разгар Сталинградской битвы, в ее самый критический период, имел решающее значение. Этот удар резко изменил всю обстановку в нашу пользу и значительно облегчил переход в наступление Сталинградского фронта 24 декабря 1942 года.

В победу этой великой битвы значительный вклад внесли танковые и механизированные корпуса, созданные героическим трудом советского народа в самый тяжелый период для нашей Родины. Именно здесь впервые были раскрыты огромные возможности бронетанковых и механизированных войск по превращению в короткие сроки тактического прорыва в оперативный и осуществлению широкого маневра с целью окружения и разгрома крупных группировок противника.

На опыте Сталинградской битвы бронетанковые и механизированные войска учились искусству применять боевую технику и развивать успех общевойсковых армий в высоких темпах и на большую глубину.

Этот огромный боевой опыт, условия и сложности, в которых он был накоплен, необходимо и впредь изучать с учетом новой обстановки, новых условий и новых средств борьбы обратив особое внимание

на вопросы взаимодействия наступающих войск с подвижными или маневренными группами, предназначенными для развития успеха; ~~современ-~~ ^{своевремен-} ная поддержка их и закрепления достигнутого успеха.

Результаты и оценка действий 2-го гвардейского танкового корпуса были четко сформулированы и записаны золотыми буквами в истории Великой Отечественной войны.

"Действуя в глубоком тылу врага, 24-й танковый корпус сыграл огромную роль в успехе всей операции (подчеркнуто мною А.Б.). Весь личный состав корпуса - от рядового до командира показал большое мужество и высокое мастерство. За отвагу в боях, за стойкость, дисциплину и организованность 24-й танковый корпус был преобразован во 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. Его командира генерал-майора В.М.Баданова за образцовое выполнение задания и проявленное при этом мужество Президиум Верховного Совета СССР наградил орденом Суворова 2-й степени¹⁾.

Успехи танкового корпуса в годы войны освещались в центральной печати - в "Правде" и "Красной Звезде", а после войны - в мемуарной литературе, в воспоминаниях и трудах Маршалов Советского Союза Г.К.Жукова и А.М.Василевского.

Маршал Г.К.Жуков писал: "Водя в прорыв северо-западнее Богучар 17 декабря в 18 часов 20 минут, корпус прошел с боями около 300 км, уничтожив по пути к станции Тацинская 6700 вражеских солдат и офицеров и захватив громадное количество военного имущества. Утром 24 декабря, подойдя к станции, он с ходу атаковал ее с разных сторон. Гвардии капитан И.А.Фомин с группой бойцов ворвался на станцию Тацинская, перерезал железнодорожную магистраль Лихая-Сталинград и, уничтожив вражескую охрану, захватил эшелон разобранных новых самолетов ..."

¹⁾ История Великой Отечественной войны. Госполитиздат, 1962, т.3, стр.50

170

В это же время танкисты под командованием капитана М.Е.Нечаева ворвались на аэродром, где стояло более двухсот немецких транспортных самолетов, готовых к вылету. Но взлететь им не удалось, они были раздавлены нашими танками. Пять суток танковый корпус удерживал Тацинскую, ведя напряженный бой в окружении с подошедшими резервами противника. Утром в 3.00 29 декабря (опечатка - не 29-го, а 28 декабря) корпус, получив приказ Н.Ф.Ватутина, прорвал окружение и благодаря мужеству и умелому руководству боем со стороны В.М.Баданова в полном порядке отошел в Ильинку ..." 1).

Маршал Советского Союза А.М.Василевский писал: "Из подвижных войск необходимо отметить 24-й танковый корпус генерал-майора В.М.Баданова, ставшего у нас первым кавалером ордена Суворова 2-й степени.

Оторвавшись от своих войск, этот корпус 24 декабря неожиданно атаковал и захватил станцию Тацинскую с огромным количеством трофеев ...

Чтобы ликвидировать угрозу, нависшую над группой армии "Дон", в район Миллерово, Тацинской и Морозовской были направлены и находившиеся на подходе четыре танковые и четыре пехотные дивизии противника, предназначавшиеся ранее для усиления удара на Сталинград со стороны Нижне-Чирской.

Гитлеровцам удалось создать оборону севернее Тацинской и Морозовской. 24-й танковый корпус оказался отрезанным от остальных наших войск и четыре дня вел бои в окружении. Получив разрешение на выход, он протаранил боевые порядки противника и без особых потерь вернулся к своим" 2).

1) Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Издательство АПН, 1990, стр.441-442 и 454-455.

2) А.М.Василевский. Дело всей жизни. Издание второе, дополненное. Издательство политической литературы, 1976, стр.285.

Газеты "Правда" и "Красная Звезда" опубликовали в то время передовые большие статьи и подборки о выдающемся рейде и боях корпуса в глубине обороны противника.

Газета "Красная Звезда" от 27 декабря 1942 г. в передовой статье писала: "Действия 24-го танкового корпуса должны послужить образцом всем нашим соединениям".

В ходе нашего наступления широко пропагандировался и использовался опыт успешных боевых действий соединений, частей, подразделений и героизм наших воинов. Раскрывая опыт 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, политуправление фронта выпустило листовку, в которой все войска фронта призывались следовать примеру 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса.

Высокая оценка действий корпуса в этой операции ко многому нас обязывала. Еще там, в Тацинской, в самые горячие дни боев, находясь в окружении врага и узнав о высокой награде и преобразовании корпуса в гвардейский Тацинский, все воины корпуса поклялись бить фашистов до полного разгрома в его собственной берлоге, и гвардейцы сдержали свою клятву.

Большие успехи 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса в Сталинградской битве связаны с тем, что всегда и всюду коммунисты личным примером осуществляли авангардную роль в бою, всегда были требовательными к себе и к своим товарищам. Они вели наших воинов на героические подвиги. Сила наша была еще и в том, что в нашей боевой семье локоть к локтю сражались сыновья всех союзных республик за свободу и счастье нашей Родины.

Советский народ заботливо и трогательно чтит память тех, кто сражался в этой исторической битве и победил. И здесь, на полях Придонья, где наши гвардейцы отвоевывали у врага каждый хутор, каждый метр земли, советские люди бережно хранят память о героических подвигах воинов гвардейского танкового корпуса.

112

В станции Тацинской на площади Борцов Революции воздвигнут обелиск "Славы", на котором выгравированы имена наших воинов, погибших в Тацинской.

В центре станции на пьедестале стоит танк Т-34, на башне которого нанесен традиционный знак принадлежности 2-му гвардейскому Тацинскому танковому корпусу - белая стрела вдоль башни, показывающая стремительное движение танка в атаку. Сверху над стрелой написана начальная буква фамилии командира корпуса "Б", а под стрелой, в знаменателе, "555" - общий сигнал, приказывающий начать атаку.

На центральной площади станции имеется стела, как знак вечной памяти героическим поступкам пионеров Гриши Волкова и Еди Игнатенко.

В 1983 году в мае месяце, при въезде в Тацинскую был открыт мемориал - "танки в стремительной атаке" в честь воинов 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса.

Ветераны-гвардейцы выражают глубокую признательность партийным, советским и общественным организациям Ростовской области и Тацинского района за большое внимание и заботу по сбору, сохранению и широкой пропаганде боевых традиций Советской Армии, на которых проводится большая и очень полезная работа по воспитанию подрастающего поколения.

Там же, в Тацинской, в музее "Боевой и трудовой славы", собрано много ценных материалов, рассказывающих о подвигах советских воинов, на примере которых проводится большая работа по военно-патриотическому воспитанию.

Жители рабочего поселка Тацинский постоянно поддерживают связь с соединением, которое носит почетное наименование Тацинского, и ежегодно направляют в танковое соединение на военную службу своих парней, которые с гордостью надевают форму советского танкиста, гвардейская слава которого родилась у них на родине. Все они с большой ответственностью и особой гордостью выполняют свой долг перед Родиной.

Глава III

В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ УКРАИНЫ

Гл. IV Курганов Саша, Елена

Советский народ встретил 1943 год с большими надеждами. Еще шли тяжелые бои под Сталинградом по ликвидации окруженной крупной группировки врага, безнадежно сопротивлявшейся нашим войскам, но уже все прекрасно понимали, что никакое "чудо" не спасет отборную армию Паульса. 2 февраля 1943 г. эта армия прекратила сопротивление, а оставшиеся в живых фашисты сложили оружие.

Успешное наступление советских войск на юге благоприятно отразилось и на всем советско-германском фронте.

18 января 1943 года была разорвана блокада Ленинграда. Все расчеты врага на капитуляцию ленинградцев полностью и окончательно провалились.

В середине января 1943 года перешли в наступление войска Воронежского фронта с целью разгромить противника в районе Острогожска и Россоши и очистить от врага железнодорожную магистраль Лиски-Кантемировка, что значительно улучшало маневр войсками и материальными ресурсами по обеспечению наших войск на юге. В это время мы остро ощущали недостаток топлива и боеприпасов.

Главный удар наносила 40-я армия под командованием генерал-майора К.С. Москаленко с плацдарма на правом берегу Дона из района I-е Сторожевое, Селявное, Уриво-Покровское (около 50 километров южнее Воронежа).

Весть о том, что именно с этого небольшого плацдарма был нанесен главный удар войсками Воронежского фронта нас, танкистов 2-го гвардейского танкового корпуса, очень обрадовала, потому что этот плацдарм достался нам дорогой ценой. О происходивших там событиях читатель познакомился в первой главе.

После очень тяжелых боев с 7 по 12 января с контратакующим противником в районе слободы Скосырская, хуторов Крюково, Ново-

Черкасский и Петровский корпус в составе 3-й гвардейской армии развивал наступление в направлении Белая Калитва, Каменск-Шахтинский, Ворошиловоград - на левом фланге Юго-Западного фронта.

Успешное наступление Юго-Западного фронта на Харьковском направлении как бы захлестывало с севера всю южную группировку врага, который, опасаясь второго "Сталинграда", предпринимал отчаянные усилия, чтобы удержать для себя очень важный стратегический и богатый всеми ресурсами район Донбасса. Враг сумел вывести через Ростов и Керченский проливы значительную часть своих войск с Северного Кавказа, и в частности 1-ю танковую армию и часть 17-й армии, и отвести на запад сильно потрепанную, но еще боеспособную группу армий "Дон" (части 4-й танковой армии и оперативную группу "Холлидт"), оказывая нам отчаянное сопротивление на каждом рубеже и цепляясь за каждый населенный пункт. Трудный рейд корпуса в тыл врага, тяжелые бои с контратакующим противником в начале января значительно ослабили наши силы, поэтому и темпы нашего наступления были невелики. В это время в корпусе оставалось всего 25-30 танков, сведенных в одну 4-ю гвардейскую танковую бригаду. Все попытки командарма-3 ввести корпус в прорыв для развития успеха были безрезультатны. Танковый корпус продвигался с темпом наступления стрелковых войск.

21 января 1943 г. командующий Юго-Западным фронтом вывел наш корпус на несколько дней в свой резерв, пополнил небольшим количеством новых танков в основном Т-34 и Т-70. Это было временное подкрепление. Очень важно отметить, что уже в начале 1943 года мы впервые стали получать пополнение танками в ходе нашего наступления. К этому времени производство танков настолько возросло, что страна имела уже возможность восстанавливать наши силы в ходе наступления без больших оперативных пауз. Однако сказывалась недостаточная подготовленность экипажей, и мы вынуждены

были пересматривать их состав, производить замену, включать в состав одного-двух хорошо подготовленных танкистов, имевших боевой опыт, и проводить ускоренную их подготовку.

В конце января мы вновь вошли в состав 3-й гвардейской армии в подчинение генерал-лейтенанта Д.Д.Лелюшенко и продолжали наступление в направлении города Ворошиловграда во взаимодействии со стрелковыми дивизиями. Взять с ходу этот крупный индустриальный центр было не так просто.

Враг превратил город в крупный узел сопротивления на востоке Украины и связывал с ним большие надежды. Вокруг Ворошиловграда были построены три мощных оборонительных рубежа с хорошо подготовленными опорными пунктами. На каждом рубеже были подготовлены сотни дотов и дзотов. Все рубежи были заняты отборными фашистскими войсками — 6 и 7-я танковыми дивизиями и "Вафф". Кроме ТСФВ, в резерве еще находились пехотные и танковые соединения.

Фашистское командование решило ни при каких обстоятельствах Ворошиловград не оставлять.

Как свидетельствует Манштейн, Гитлер категорически настаивал на удержании Донбасса. "Он опасался, что потеря этого важного в военно-экономическом отношении района окажет влияние на позицию Турции. Но прежде всего он подчеркивал большое значение донецкого угля для собственной военной промышленности и не меньшее значение отсутствие этого фактора для военной промышленности противника"¹⁾, то есть для нас (прим. А.Б.).

При подходе к первому рубежу мощного укрепленного района мы встретили сильное сопротивление противника и вынуждены были остановиться. Нам потребовалось несколько дней на доразведку обороны врага и подготовку войск для прорыва укрепленного рубежа. Были

¹⁾ История Великой Отечественной войны. Том 3, стр. 112.

созданы штурмовые группы - один-два стрелковых взвода, взвод танков, противотанковые и саперные подразделения, подразделение связи и др. Тщательно отработывались вопросы взаимодействия и управления.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГОР.ВОРОШИЛОВГРАД

5 февраля 1943 года в 8.00 после короткой, но мощной артиллерийской подготовки совместно со стрелковыми частями 18-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор М.И.Запорожченко, части корпуса перешли в наступление.

Лежал глубокий снег, танки и пехота медленно продвигались на запад. Каждую огневую точку, дот, дзот приходилось брать с боем. За трое суток мы сумели прорвать только первых два рубежа, но третий рубеж прорвать не смогли.

И вновь потребовалось около недели на подготовку войск и материальных средств для прорыва третьего рубежа и разгрома врага в городе.

Большую помощь в разгроме врага на первых рубежах оказала нам штурмовая авиация - 267-я дивизия полковника Л.В.Коломийцева, с которой мы тесно взаимодействовали.

В это же время более успешно развивалось наступление в центре войск Юго-Западного фронта, и в частности в полосе I-й гвардейской армии, войска которой глубоко продвинулись на запад и 11 февраля освободили Лозовую, а затем завязали бои за Славянск и Красноармейск (100-120 километров западнее Ворошиловграда).

"В результате успешного наступления войска фронта стали выходить в глубокий тыл группы армий Дон" (1).

Сложившаяся обстановка создала благоприятные условия для успешного наступления и на нашем направлении.

х) История Великой Отечественной войны. Том 3, с.114.

В ночь на 14 февраля части корпуса вышли в исходное положение и с утра 14 февраля совместно с соединениями 18-го стрелкового корпуса перешли в наступление. Ударом с юга наши части ворвались в город Ворошиловград и к исходу дня полностью освободили его.

Счастливым, но не случайным совпадением - 14 февраля вдалеке от нас на юго-востоке войска Южного фронта освободили Ростов. В эти же дни к западу от нас шли тяжелые бои за город Харьков, который 16 февраля был полностью освобожден от фашистских захватчиков. На большом пространстве юга в обороне противника образовалась огромная брешь.

Бой за Советскую Украину, и в частности на нашем направлении, потребовал от войск большого напряжения и сил. Враг оказывал отчаянное сопротивление на каждом мало-мальски пригодном рубеже. В этих условиях командующий 3-й гвардейской армии вынужден был танковый корпус использовать по частям: бригады и даже танковые батальоны придавались стрелковым частям и использовались как средство непосредственной поддержки пехоты (танки НПП), да к тому же без должного, а главное без постоянного артиллерийского и авиационного сопровождения. Танковые бригады несли большие боевые потери.

В ходе наступления часто складывалась благоприятная обстановка, когда необходимо было развить успех стрелковых войск, но как раз в этот момент в руках командарма нужных для этой цели подвижных танковых соединений не оказывалось. Так получилось и под Ворошиловградом.

После освобождения города Ворошиловграда сложилась благоприятная обстановка для развития добытого тяжелым и упорным трудом успеха, и командующий 3-й гвардейской армией ввел 8-й кавалерийский корпус, которым командовал генерал-майор М.Б.Борисов.

Кавалерийский корпус успешно начал громить врага, вышел на его коммуникации западнее Ворошиловграда в направлении Дебальцево, но

без мощной поддержки танкового соединения и авиации завершить выполнение поставленной задачи не смог. В это время 2-й гвардейский танковый корпус помочь кавалеристам был уже не в силах. Из оставшихся в нем танков (около 20 единиц) был сформирован отряд под командованием командира батальона майора И.И.Кучеренко, который пробился к кавалеристам, но существенной помощи оказать уже не смог.

22 февраля корпус был выведен в резерв фронта, сосредоточился в г. Ворошиловграде и стал пополняться танками и личным составом. Подолжение прибывало на станцию Купянск, но из-за нехватки горючего штабы и нетанковые части перемещались в районы комплектования по мере поступления горючего.

Так завершился наш большой маневр с боями по кругу. Напомню читателю: в июне 1942 года вновь сформированный 24-й танковый корпус вышел из Ворошиловграда, совершил марш на Купянск, затем поднялся на север - на Старый Оскол, повернул на восток - на Урюкво-Покровский плацдарм, оттуда в Тамбов на формирование и вновь на юг - в район Калач-Воронежский. В составе войск Юго-Западного фронта совершил рейд в глубокий тыл врага - Верх. Мамон, Скопырская, Тащинская, вывел из окружения повернул на восток уже в составе 3-й гвардейской армии - на Каменск и второй раз - здравствуй Ворошиловград!

Корпус прошел с боями, с учетом маневра, более 1500 километров и, кроме этого, дважды перебрасывался по железной дороге в Тамбов, а из Тамбова - в Калач-Воронежский, всего около 800 километров.

Война требовала большого напряжения от всех, но никто не жаловался на сложность, тяжесть или усталость. У всех было одно желание, одно стремление - выполнить свой долг перед Родиной.

В город Ворошиловград мы пришли в новом качестве. Опаленные в боях, воины окрепли и закалились на полях сражений, накопили

очень необходимый всем нам боевой опыт, значительно выросло наше боевое мастерство, да и на врага мы смотрели другими глазами.

Население города встретило нас как самых дорогих и близких людей. Город был сильно разрушен, очень сильно пострадало население. В этом году стояла снежная и морозная зима, но партийные органы города, местная советская власть, население города делали все, чтобы мы смогли в короткие сроки выполнить наши задачи.

В БОЯХ ЗА ХАРЬКОВ И БЕЛГОРОД.

ВРАГ ОСТАНОВЛЕН.

Успешное наступление наших войск, освободивших огромную территорию на юге страны, крупные экономические районы и центры, такие как Ростов, Ворошиловград, Харьков, и выход наших войск к Днепру вызвали в стане врага большую тревогу и растерянность. Впервые за время войны глашатай фашизма Геббельс перед всем миром вынужден был признать тогда, что "Натиск противника в эту зиму предпринят с ожесточением, превосходящим все человеческие и исторические представления"¹⁾.

Чтобы задержать наше наступление, а затем и вернуть утраченные позиции, пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, враг стягивает, перебрасывает с запада значительное количество своих войск, усиливает ими южную группировку и создает сильную группу армий "Дг" во главе с фельдмаршалом Манштейном, в которую вошли 4 и I-я танковые армии и оперативная группа "Холлидт".

Ближайшей целью этой группы армий было не только задержать наши войска, но и отбросить их на восток, добиться перелома в свою пользу на советско-германском фронте и таким образом, как противник заявил, "Смыть позор Сталинграда".

¹⁾ История Великой Отечественной войны. Том 3, с.116.

В двадцатых числах февраля 1943 года вражеские дивизии перешли в наступление. Под натиском значительно превосходящих сил противника (30 дивизий, из которых 13 танковых и механизированных), наши войска, оказывая врагу упорное сопротивление, вынуждены были отходить на восток. На Харьковском направлении складывалась тяжелая обстановка.

В сложившихся условиях укомплектование вооружением, боевой техникой и личным составом частей корпуса проходило ускоренными темпами. Подготовка частей, подразделений и освоение новой техники также проводилось ускоренно - днем и ночью.

Мы внимательно следили за событиями и понимали, что обстановка заставит командование фронтом бросить нас в бой раньше, чем мы завершим доукомплектование. Для нас положение облегчалось тем, что командование и все органы управления - штабы бригад и корпуса были сложены в боевых условиях, накопили несомненный опыт работы, значительно укрепивший их, да и в своем составе больших изменений не претерпели. Вместе с этим политорганы были даже усилены: в танковый корпус был введен политотдел, что позволило значительно усилить партийно-политическое руководство во всех звеньях. К исполнению обязанностей начальника политического отдела корпуса временно был назначен подполковник Л.К.Трахтенгерц. Только в одной 4-й гвардейской танковой бригаде произошла смена командиров бригаад - командование бригадой принял полковник Бредников Андрей Константинович.

Обстановка на фронте изменялась не по дням, а по часам. К исходу 7 марта был получен приказ командующего Юго-Западным фронтом, в котором корпусу ставилась следующая задача:

"В связи с обострением обстановки южнее города Харькова приказываю: весь корпус не позднее 9.03.1943 года сосредоточить в районе Чугуев, Малиновка, Грибково, где находится в резерве фронта.

Подразделениями 4-й гвардейской мотострелковой бригады перехватить дороги у Каменная-Яруга, Норо-Покровское, Введенское, Старое Гнилице.

Корпусу держать связь с начальником гарнизона города Харькова, ул. Сумская, № 66, с командиром 25-й гвардейской стрелковой дивизии - Замостье, со штабом фронта и штабом 6-й армии.

Быть готовым для нанесения удара в западном, юго-западном, южном и юго-восточном направлениях. Штаб корпуса Чугуев¹⁾". Приказ подписали Ватутин, Хелтов, Иванов.

Мы понимали всю сложность обстановки на фронте и, чтобы постоянно быть в курсе текущих событий, тут же со всеми штабами установили радиосвязь и выслали офицеров связи в указанные нам штабы.

В ночь с 7 на 8 марта корпус выступил из Купянска в район, определенный приказом. В ходе марша в середине дня 8 марта командующий 6-й армией генерал Ф.М.Харитонов конкретизировал нам задачу и приказал: "С утра 9 марта 2-му гвардейскому танковому корпусу совместно с IIЗ, I25 и 25-й гвардейской стрелковой дивизиями нанести удар в направлении Борки, Марефа (все пункты южнее г. Харькова), окружить и уничтожить противника в районе хуторов Голубов, Кирешин и Борки".

Время нас очень поджимало, а дел предстояло много: поставить ориентировочные задачи с тем, чтобы конкретные задачи поставить после согласования всех вопросов взаимодействия со стрелковыми соединениями и выхода бригад в исходное положение для наступления; в штабах стрелковых соединений требовалось выяснить решение командиров и согласовать с ними наш исходный район и рубеж ввода в бой; в штабе фронта уточнить, какая авиация, когда и по каким районам будет наносить удар, какие артиллерийские части будут нас поддерживать. Однако, несмотря на нехватку времени, все же главные вопросы со стрелковыми соединениями мы согласовали.

В назначенное время - 9.00 9.03.1943 года - совместно с уже упомянутыми стрелковыми соединениями после короткой артиллерийской подготовки наши танковые бригады перешли в наступление.

¹⁾ ЦАМО. СССР. Ф 3400, ОП-1, Д-22, Л-40.

Для противника наше наступление было внезапным. Передовые части врага понесли большие потери, и нам удалось выбить его из нескольких населенных пунктов: Шурино, Тарановка, Беспаловка, хутора Рок и Песики. Этим ударом нам удалось остановить наступление противника, но и мы дальше продвинуться не смогли.

По-видимому, наш контрудар все же повлиял на характер дальнейших действий противника, и одно это дает возможность заключить, что наш удар был успешным.

Во всяком случае в этот день противник резко снизил свою активность на вжном направлении, но значительно увеличил ее на северо-западном направлении с целью ворваться в город со стороны Дергачи, как это было в октябре-ноябре 1941 года.

В то время (ноябрь 1941 года) я командовал 3-м танковым полком, входившим в состав 3-й танковой бригады, и мне довелось участвовать в отражении наступления врага на Дергачи. За этот населенный пункт, открывавший подступы к Харькову, шли тяжелые и кровопролитные бои, но силы наши были слишком слабы, и мы вынуждены были отходить на восток. Теперь же (в марте 1943 года) после больших победных сражений - битв под Москвой и под Сталинградом - мы твердо верили, что отстоим Харьков. К сожалению, обстановка сложилась не так, как нам этого хотелось.

Утром 10 марта 1943 года был получен приказ командующего 6-й армией генерала Харитонова вывести танковые бригады из боя и к 11.00 сосредоточиться на вжной окраине города Харьков, а затем перейти на северную окраину и совместно с действующими там стрелковыми войсками 6-й армии остановить наступление противника.

Вскоре, как бы в подтверждение распоряжения командующего 6-й армией, мы получили телеграмму из штаба фронта: "Действуйте энергично. Громите противника. Враг должен быть разгромлен. Учтите, что

Ставка и я рассматриваем вас как основную силу, которая должна отстоять город Харьков. Вспомните ваши блестящие победы в Тацинской¹⁾.

Вывести из боя танковые бригады днем на глазах у противника было невозможно. Враг мог тут же воспользоваться нашим отходом и ворваться в город с юга. В связи с этим вывод бригад осуществлялся с наступлением темноты на южную окраину города. Штаб корпуса перешел также в город на улицу Змеевская, 119. Затем нам предстояло в течение ночи совершить марш через весь город - с юга на север.

От бомбовых ударов авиации противника на многих улицах были разрушены и горели дома. Часть мостов в городе через реку Харьков также была разбита.

Пройти в дыму пожаров через весь город было невозможно, а обходить по переулкам в незнакомом городе значило не только потерять время, но основательно запутаться.

В эту ночь нам очень помогли харьковчане. Каждая бригада взяла несколько человек проводников, хорошо знавших город, и по знакомым им улицам и переулкам они вывели бригады в назначенные нам районы. К сожалению, 4-я гвардейская мотострелковая бригада оставалась еще в районе Чугуева и продолжала выполнять задачу, поставленную командующим фронтом и доукомплектовываться. В это время в порядке усиления корпуса были приданы 17-я бригада НКВД и 86-я танковая бригада, участвовавшие уже в боях на этом направлении, но сильно ослабленные, а танковая бригада имела всего 17 танков.

К утру 11 марта танковые бригады корпуса вышли в указанные им районы, с трудом установили связь с действующими на этом направлении стрелковыми соединениями 6-й армии и вскоре вступили в бой с наступающим противником с северо-запада. Бой уже велся на северной окраине города.

¹⁾ ЦАМО СССР. Ф-3400, ОП-1, Д-22, Л-49.

Обстановка здесь усложнялась тем, что в этом районе сошлись части разных армий, действовавших на этом направлении, и трудно было разобраться, кто какие задачи должен выполнять.

Попытка связаться или найти кого-то из штаба 6-й армии, которой мы были подчинены, была безуспешной. Для нас положение усложнялось еще и тем, что распоряжения поступали к нам из двух источников: из штаба 6-й армии и из штаба фронта, что еще больше усложняло управление частями и наши действия.

Трехсуточные непрерывные перегруппировки, маршевые броски ночью, напряженные бои на подступах к городу с юга, проход через горящий город на северную окраину города ночью измотали всех — от солдата до командира корпуса. В отличие от других родов войск в ружьях нашего воина-танкиста была боевая машина, требовавшая к себе большого внимания. Скипажи боевых машин осызаны были своими силами к установленному сроку выполнить необходимые ремонтные работы, заправить горючим свои машины, пополниться боеприпасами, проверить и подготовить все вооружение, средства связи. Все это выполнялось в боевых условиях и часто под бомбежкой авиации противника. И даже в этих напряженных условиях каждый воин понимал, что сейчас не до отдыха и, напрягая все свои силы, стремился выполнить свою задачу.

Командование фронтом придавало большое значение северному направлению и принимало все возможные меры, чтобы остановить наступление противника и удержать Харьков — крупный и важный во всех отношениях город. Тревога высшего руководства и его требования передавались и нам непосредственно.

В этот день, утром, мы получили тревожную телеграмму из штаба Юго-Западного фронта на имя командира корпуса.

Конечно, все требования командования вызвали и у нас желание, и стремление еще сильнее драться с врагом. Они немедленно доводились до всего личного состава и разъяснялись, затем принимались

конкретные меры для выполнения поставленных перед нами задач. Весь день шел напряженный бой на северной окраине города, враг нес огромные потери, но не прекращал свои атаки при поддержке авиации и артиллерии. В этот день ^{благодаря} усилиям и стойкости наших войск, сражавшихся на этом направлении, врагу не удалось ворваться в город.

Однако судьба города решалась не только на нашем направлении. Обстановка севернее города Харькова складывалась очень неблагоприятно. Враг обходил город значительно севернее, угрожая отрезать харьковскую группу наших войск от белгородской. Мы узнали об этом из приказа командующего фронтом, в котором перед нами ставилась новая задача.

В середине дня 11 марта мы получили телеграмму командующего фронтом следующего содержания: "Баданову. Противник занял Дергачи и перерезал дорогу Харьков-Белгород. По указанию Ставки ваша главная задача, не ввязываясь в бой за город Харьков, обойти его восточнее и выйти в район Ковачья Лопань, Жуванна, где стать фронтом на юг и не допустить противника на Белгород."

Свою мотострелковую бригаду форсированным маршем прямо из Чугуева направить в Микояновку, куда сосредоточиться к утру 12 марта 1943 г. Ватутин, Белтов, Иванов¹⁾.

В это время танковые бригады уже ввязались в бой на северной окраине Харькова.

Весь день (11 марта) шел тяжелый бой на северной окраине города, а затем и в городе - в районе тракторного завода, поэтому оторваться днем от противника было невозможно, иначе он немедленно воспользовался бы отходом жерпуса. Кроме того, заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Д.Т.Козлов, находившийся в городе и хорошо знавший обстановку, настоятельно требовал начать выход из города с наступлением темноты.

¹⁾ ЦАМО СССР, Ф-3400, ОП-1, Д-22, Л-51.

Вновь нам предстоял ночной марш с II на I2 марта после тяжелого дневного боя. Эта ночь была для нас сложным испытанием. Почувствовав нашу перегруппировку (а в это же время отходили на новые рубежи и стрелковые войска), противник всю ночь и на всем протяжении марша сбрасывал на парашютах осветительные ракеты, а затем усиленно бомбил наши колонны. Освещенные сильным светом ракет, мы оказались более беззащитными, чем в дневное время, так как зенитная артиллерия не могла отражать налеты бомбардировщиков ночью. Слепленная светом ракет, она не могла увидеть самолеты врага, летающие выше ракет, спускающихся на парашютах.

И все же, несмотря на очень тяжелые условия марша, наши гвардейцы выполнили приказ и утром I2 марта вышли на указанный нам рубеж. Несколько позже вышла 4-я гвардейская танковая бригада - она прикрывала выход частей корпуса из города и на марше.

При подходе к нашему рубежу мы получили приказание не останавливаться, а продвигаться несколько севернее и к исходу I2 марта занять более выгодный для обороны рубеж - Микояновка-Черемошное с целью закрыть танкоопасные направления и не допустить продвижения на Белгород с юга. К I6-I8 часам корпус занял указанный нам рубеж. 25-я гвардейская танковая бригада вышла на рубеж Красная Нива - Толоконное, 26-я гвардейская танковая бригада - на рубеж Петровка-Черемошное, а 4-я гвардейская танковая бригада - на рубеж южная окраина Микояновка-Варваровка. По распоряжению штаба фронта 4-я гвардейская мотострелковая бригада из Микояновки была отправлена в Стар.Салтов для охраны переправ через Сев.Донец (в 50 км южнее Белгорода). Штаб корпуса сосредоточился в деревни Бродки.

Всему личному составу корпуса предстояло выполнить большой объем работы по организации обороны в своих районах. Основу обороны составляли батальонные противотанковые районы на танкоопасных направлениях. Промежутки между ними прикрывались системой пулеметного и артиллерийского огня.

За период боя под Харьковом, в Харькове и на маршах мы понесли большие потери от авиации противника. Кроме боевых потерь, прибавлялись значительные потери из-за различного рода технических повреждений, но в корпусе еще оставалось около 80-90 танков и боеспособность танковых бригад была достаточной.

Во время марша из Харькова на новый рубеж от разрыва авиабомбы был тяжело ранен находившийся у нас заместитель начальника Генерального Штаба генерал-майор В.Д.Иванов. В другом районе, во время налета авиации противника был ранен командир 4-й гвардейской мотострелковой бригады полковник В.Л.Савченко. Оба они были отправлены в госпиталь на лечение и, естественно, на какое-то время выбыли из строя.

Ночь с 12 на 13 марта прошла в напряженном труде по организации обороны, системы огня, организации взаимодействия между танковыми бригадами, в подготовке техники и выполнении многих других дел, связанных с обороной занятого рубежа. Нашлось небольшое время (3-4 часа) и для отдыха личного состава. 13 марта подошедшие передовые части противника были встречены организованным огнем танковых бригад и остановили наступление частей 2-го танкового корпуса СС противника.

Подтянув крупные силы, в середине дня 17 марта после артиллерийской и авиационной подготовки противник вновь перешел в наступление вдоль основной магистрали Харьков-Белгород. До конца дня шел напряженный бой. Танковые бригады вынуждены были от рубежа к рубежу отходить на север. По-прежнему, безнаказанно свирепствовала авиация противника.

В конце дня (17 марта) штаб корпуса потерял связь с 25 и 4-й гвардейскими танковыми бригадами. Как позже выяснил бригадные радиостанции были разбиты авиацией противника.

С 4-й гвардейской танковой бригадой мы восстановили связь офицерами связи, но все попытки связаться с 25-й гвардейской танковой

бригадой были безрезультатными. Только утром 19 марта в штаб корпуса прибыл начальник штаба этой бригады подполковник С.М.Бульгин на двух танках и с ним несколько машин с офицерами штаба, личным составом танковых батальонов с разбитых танков и ранеными. Он доложил нам о происшедшем: "В конце дня 17 марта после сильной артиллерийской подготовки, налета бомбардировочной авиации противник атаковал бригаду силой до 100 танков и двух батальонов пехоты с одновременными ударами штурмовой авиации. Наши танкисты сражались героически до наступления темноты. Многие пали смертью храбрых там, где стояли на своих позициях, но и враг, потеряв только сожженными более половины своих танков, вынужден был прекратить атаки. С наступлением темноты бой затих.

Командир бригады полковник В.М.Поляков уехал в штаб корпуса доложить сложившуюся обстановку. Разобравшись в наших возможностях, мы установили, что они очень незначительны: в бригаде осталось пять исправных танков, около полутора десятка колесных машин и большое количество раненых. С такими силами мы уже не могли оказать даже небольшое сопротивление врагу, поэтому оставаться на этом рубеже было бессмысленно. Я решил отходить с тем, что осталось, на Белгород, полагая, что и остальные бригады и штаб корпуса будут отходить также на Белгород.

Утром 18 марта мы подошли к городу, где встретились с танками противника, и потеряли еще два танка. Все, что осталось, прибыло сюда".

Нам штаб корпуса С.М.Бульгин со своими силами нашел уже утром 19 марта на восточном берегу Сев.Донца. Командир бригады полковник В.М.Поляков в штаб корпуса так и не прибыл, очевидно, пропал без вести.

Большие потери танков были и в 4-й, и в 26-й танковых бригадах. Теперь снова верну читателя к концу дня 17 марта. Ночь с 17 на

18 марта для всего штаба была очень тревожной, связь с 25-й гвардейской танковой бригадой, как уже упоминалось, установить не удалось. По долгу службы я как начальник штаба корпуса ложился отдыхать позже всех, но и раньше всех вставал. На этот раз это было особенно или даже исключительно важно.

На рассвете я вышел во двор из дома, в котором ночевал, и увидел на противоположной стороне глубокой балки, протянувшейся с запада на восток, южнее села Бродки на безымянной высоте какое-то движение. Вначале я подумал, что к нам подошла с юга 25-я гвардейская танковая бригада, но, всмотревшись в бинокль, я убедился, что это не так. На высоте выскочил мотоциклист и тут же скрылся за обратными скатами этой высоты, и я понял, что перед нами была или разведка, или передовая часть противника. Докладывать было некому, так как командир корпуса еще накануне вечером 17 уехал в штаб 69-й армии, находившийся в районе Маслова Пристань. Решение нужно было принимать мне немедленно.

На наше счастье, ворваться с безымянной высоты в село Бродки возможно было только по полевой дороге, спускающейся с упомянутой высоты, вдоль балки, к восточной окраине села, где сразу (как только штаб прибыл в это село) было поставлено боевое охранение — три танка Т-34, которыми командовал лейтенант А.С.Петров, и взвод мотопехоты с командиром взвода старшиной К.А.Левченко из 4-й гвардейской танковой бригады. На западную окраину села также было выставлено охранение — две бронемшины, взвод мотопехоты — и заминирован въезд в село. Расстояние от верней точки безымянной высоты до центра села примерно около одного километра, а до стыка полевой дороги с улицей, выходящей на восточную окраину села Бродки, около 1200-1300 метров.

Противник, обнаружив наши штабные машины и радиостанции, не сразу бросился в село. Очевидно, гражданская разведка уже попадала под огонь наших засад и здесь осторожничала, а возможно, и поджидала

главные силы подошедшей части. Мне заметно было усиленное движение немецких касок, верхние части бронетранспортеров и слышен шум моторов. Все это произошло на моих глазах в считанные минуты.

Не теряя времени, я объявил штабу тревогу, а начальнику оперативного отдела подполковнику Лаврентьеву С.Д. приказал выставить на улице офицеров штаба и все машины и личный состав буквально гнать на восток - на Маслоу Пристань, где была переправа через Сев.Донец, о чем я знал заранее. Одновременно поставил задачу офицеру штаба капитану К.А.Оганесьянцу на первой же машине выскочить на восточную окраину села Бродки и проверить готовность боевого охранения.

На улице села, как всегда в таких случаях, образовалось большое движение: бегали люди, выскакивали машины и тут же на скорости отплевывались на восток на Маслоу Пристань, находившуюся от нас в 10-12 километрах.

Конечно, враг сразу заметил большое движение в селе, и ему стали ясны наши намерения. Он тут же открыл огонь из зенитных пушек и танков по селу и машинам, уходящим на восток.

Одновременно при поддержке артиллерийского огня развернулись на безмятной высоте бронетранспортеры, мотоциклы, несколько танков и на скорости стали спускаться с безмятной высоты (проскочить в село через крутые скаты балки противник не мог) к восточной окраине села наперерез уходящим на восток нашим машинам.

Наше боевое охранение молчало, и мне казалось, что катастрофа неизбежна.

Но, подпустив врага на близкое расстояние, вдруг заговорили наши танковые пушки и открылся шквальный пулеметный огонь. У меня отлегло от сердца. Значит майор К.А.Оганесьянц успел вовремя попасть на позиции боевого охранения. Первыми же выстрелами из пушек было разбито несколько бронетранспортеров врага, завертелась

вырвавшись вперед мотоциклы, а затем один за другим загорелись два вражеских танка, потом еще один, а два танка развернулись с разбитыми гусеницами и встали.

По-видимому, фашисты не ожидали такой встречи и заметили наши хорошо замаскированные танки слишком поздно. Враг растерялся, заметался вокруг горевших и подбитых танков и тут же бросился бежать за противоположные скаты высоты, с которой только что спустился. На поле боя остались горящие и разбитые танки и большое количество убитых и раненых фашистов. Однако с безымянной высоты противник продолжал вести огонь из зенитных пушек и крупнокалиберных пулеметов, хотя и прямая опасность миновала. Подполковник С.Д.Лаврентьев доложил, что все радиостанции, штабные машины и личный состав штаба успели эвакуироваться из села.

Пора было отходить и нам. Моя машина "эмка" стояла за домом в створе с позицией зенитных пушек, и враг ее видеть не мог. И тут нам не повезло. При въезде на улицу надо было преодолеть небольшой глинистый подъем, на котором наша машина забуксовала. Взять на буксир и помочь нам было уже некому. И все же какими-то невероятными усилиями нам удалось вытолкнуть машину на улицу. Мы (я, адъютант старший лейтенант Д.Т.Бутков, начальник оперативного отдела подполковник С.Д.Лаврентьев, помощник начальника оперстдела майор Н.А.Седчик) вскочили в машину, и наш опытный водитель сержант Т.П.Таньгин на большой скорости погнал "эмку" на восточную окраину села. Уже здесь на стыке дорог "достал" нас снаряд, очевидно, зенитной или танковой пушки, пробил правое крыло, радиатор и разорвался впереди метрах в Ю-15, не причинив нам большого вреда. Машину пришлось бросить, а дальше мы уже двигались на танках боевого охранения, прикрывавших отход штаба.

Позже выяснилось, что несколько человек во главе с начальником связи корпуса подполковником Б.Д.Геллером отстали и вынуждены были

отсиживаться до позднего вечера в стогах соломы, разбросанных по полю севернее села, и только к концу дня 19 марта им удалось пробиться к нам на восточный берег реки Сев. Донец. Многие из них были ранены, в том числе и подполковник В. Д. Геллер.

26-я гвардейская танковая бригада, сдерживая натиск противника, утром 18 марта отходила на переправу Маслова Пристань и к утру 19 марта достигла восточного берега Сев. Донца и вместе со стрелковыми соединениями заняла здесь оборону.

4-я гвардейская танковая бригада в этот же день отшла на восточный берег несколько южнее, в район Дальние Пески, и также заняла оборону.

Штаб корпуса 19 марта сосредоточился в селе Ястребово.

Должен сказать, что ни 17, ни 18 марта ни у кого не возникла идея нанести контрудар по противнику, прорывавшемуся на Белград, — ни в штабе фронта, ни в штабе 69-й армии, которой был подчинен корпус. Организация контрудара требует большого внимания, сил и средств. В той обстановке, очевидно, не было для этого необходимых условий и возможностей. Тем более эта идея не могла возникнуть у командования танкового корпуса, не имевшего для этого ни полномочий, ни оснований, ни сил, да и задача перед ним была поставлена определенная — не допустить противника к Белгороду.

К сожалению, кроме уже ослабленных танковых бригад корпуса, других войск здесь не оказалось. Почти полностью была разбита 25-я гвардейская танковая бригада, понесли большие потери 4 и 26-я гвардейские танковые бригады, силами которых остановить превосходящие силы врага не было возможности. В этот день с юга и юго-запада враг ворвался в Белгород.

С 19 по 30 марта части корпуса — 26 и 4-я гвардейские танковые бригады участвовали в боях с соединениями 69-й армии по отражению попыток противника захватить плацдарм на левом берегу Сев. Донца.

Но все попытки врага были отражены, и обстановка здесь стабилизировалась. На этом рубеже враг был остановлен.

В начале апреля корпус был выведен в резерв фронта, а 22 апреля введен в район Короча. 4-я гвардейская танковая бригада вышла в район Песочная, 25-я - в район Поповка, 26-я - еще раньше была выведена в район Короча, 4-я мотострелковая бригада - в район Цетиновка, Хволеватово. Штаб корпуса и корпусные подразделения были вначале в город Короча, а 26 апреля перешли в район Косулин, Поливанов, Мариенков.

Для нас, как и для всех войск этого направления, начался новый этап действий - закрепление занятых нами рубежей и подготовка войск к грядущим боям.

НА ЕЛЬНИНСКО-СМОЛЕНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

В разгар успешного наступления наших войск на белгородском и харьковском направлениях, когда только-только завершилось крупнейшее танковое сражение и наши войска полностью восстановили положение, занимаемое ими до 5 июля, именно в этот критический для врага момент, 7 августа 1943 г., развернулось крупное наступление Красной Армии на центральном участке советско-германского фронта силами Западного и Калининского фронтов.

Основные цели этого наступления состояли в том, чтобы отбросить врага еще дальше от Москвы, освободить Ельню и Смоленск, овладеть так называемыми "Смоленскими воротами", через которые пролегли основные пути, связывающие Белоруссию с центром страны, и одновременно сковать все силы врага на этом направлении с тем, чтобы не допустить переброску вражеских сил из группы армий "Центр" на Украину.

Здесь хотелось бы обратить внимание читателя на тесную связь только что закончившегося разгрома крупных сил врага в Курской битве и начавшегося наступления на харьковском направлении с переходом в наступление Красной Армии на центральном направлении без всякой оперативной паузы. Это обстоятельство свидетельствует о непрерывном росте возможностей страны, способной дать армии необходимое для успешной борьбы с врагом на нескольких направлениях, и об исключительной прозорливости нашего Верховного Главного Командования предвидеть ход войны и умении сосредоточить силы там, где обстановка складывается наиболее благоприятно.

В своем труде "Дело всей жизни" Маршал Советского Союза А. М. Василевский об этом периоде пишет следующее: "Ставка планировала провести общее наступление на фронте от Великих Лук до Черного

моря. Этот крупный по замыслу и участвовавшим в его выполнении силам план осуществлялся в следующих операциях: Смоленская - с 7 августа по 2 октября (со взятием Смоленска и Рославля) - начало освобождения Белоруссии" ... Далее Маршал Советского Союза перечисляет все операции, которые планировались и успешно осуществлены в летне-осенний период 1943 года.

В заключение он подчеркивает: "Как видим, ни одна из этих операций не начиналась и не заканчивалась в одно и то же время. Они как бы перекрывали по времени друг друга, являясь последовательными лишь в самом общем виде".

Наше военное искусство непрерывных ударов по вражеским войскам со все возрастающей силой, без особых оперативных пауз, продолжалось до полной победы. В этом было огромное наше преимущество.

Гитлеровское командование придавало особое значение смоленскому направлению, открывавшему нашим войскам выход в Белоруссию. Именно поэтому враг держал здесь одну из самых крупных группировок своих войск - 3-ю танковую и 4-ю армии, а также часть 2-й танковой армии. Всего 40 дивизий, а в период наступления Западного фронта даже усилил эту группировку, перебросив сюда с других направлений еще 11 дивизий.

После крупного поражения в битве под Москвой противник имел достаточно времени и создал на ельнинско-смоленском направлении мощную оборону, состоящую из пяти-шести полос глубиной 100-130 километров. Особенно сильно были укреплены главный и вторая полосы. Напольная местность усложняла лесисто-болотистой местности, враг построил особенно много различных препятствий: проводочные заграждения, противопехотные и противотанковые минные заграждения на танкоопасных направлениях, бронированные и деревоземляные огневые точки. Прорвать такую оборону было сложно и в этом отношении предстояли большие трудности, с которыми мы столкнулись в ходе нашего наступления.

В период перегруппировки корпуса и переподчинения его Западному фронту, на харьковском направлении развернулось успешное контрнаступление советских войск. 5 августа были освобождены Белгород и Орел. В этот же день, поздно вечером, в ознаменование этой крупной победы советских войск в столице нашей Родины Москве был дан первый салют двенадцатью залпами из 120 орудий.

Вместе со всем народом страны эта большая победа торжественно отмечалась и во всех наших частях. Хотя мы непосредственное участие в это время в освобождении города Белгорода не принимали, но гвардейцы корпуса много сил и жизни отдали в боях за этот город еще в марте, и особенно в тяжелых боях на Курской дуге в июле 1943 года. Поэтому мы с полным основанием считали и считаем себя причастными к этой исторической победе.

Но это было не только праздничное или радостное для всех нас событие. Перегруппировку корпуса на западное направление мы рассматривали как большую честь, которую гвардейцы должны были оправдать в предстоящих боях.

Х Х Х

В конце июля и начале августа 1943 года 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус был переброшен по железной дороге в район Наро-Фоминска на доукомплектование. Здесь в очень короткий срок (10-12 суток) мы получили новые танки, самоходно-артиллерийские установки, большое количество молодого пополнения и необходимые материальные средства. Все это прибывало организованно и в сжатые сроки.

На этот раз вся боевая техника и вооружение прибывали полностью укомплектованными экипажами, расчетами, отделениями, взводами, маршевыми ротами с командирами этих подразделений. Новая система комплектования войск значительно ускоряла этот процесс и облегчала их подготовку.

Естественно, прибывшие подразделения боевого опыта еще не имели, поэтому и здесь мы должны были пересматривать часть экипажей и доукомплектовать их опытными танкистами, которые остались у нас после передачи танков во 2-й танковый корпус на Курской дуге.

За очень короткий срок мы получили 131 ед. Т-34 и 70 ед. Т-70, в том числе 40 танков резерва командира корпуса. Всего 201 танк.

Кроме этого, в состав корпуса вошли два самоходно-артиллерийских полка: 1833-й тяжелый (12 ед. СУ-152) и 1819-й (16 ед. СУ-122). В каждом полку имелось по одному танку управления (КВ). Это было значительное усиление артиллерийскими частями, что для танкового корпуса было очень важно.

Организационная структура в танковых бригадах оставалась прежней - двухбатальонный смешанный состав по три роты в каждом.

Среди руководящего состава в управлении корпуса и бригад изменений почти не было, за исключением того, что на штатную должность начальника штаба корпуса 21 августа 1943 года прибыл полковник Александр Филиппович Караван. В это же время на должность командира 25-й гвардейской танковой бригады приказом НКО был назначен полковник Марк Терентьевич Шевченко. Исполнявшие обязанности на этих должностях подполковники С.Д. Лаврентьев и С.М. Булыгин возвратились на свои места.

В отличие от первых лет войны молодое пополнение прибывало более подготовленным, большинство из них имело уже образование не ниже 6,7 и даже 8 классов, что для всех тех ических войск было особенно важно, поскольку значительно облегчалось и ускорялось освоение новой техники. В этом мы видели огромный труд наших учителей, школ, общественных организаций, и в частности ОСОАВИАХИМ, их большой вклад в повышение боеспособности наших частей. Среди нового пополнения большинство прошли вневойсковую подготовку, а часть из них имели уже и боевой опыт.

Определенных сроков готовности нам не установили, но предупредили, что сроки укомплектования будут очень короткие, после чего корпус сразу получит боевую задачу.

Не откладывалась ни на один день и даже час боевая подготовка по специальности прибывшего пополнения и слаживание в составе экипажей, расчетов, отделений и подразделений. Параллельно шло изучение, расстановка и частичная перестановка кадров. Особое внимание уделялось расстановке коммунистов и комсомольцев в подразделениях, созданию партийных и комсомольских организаций.

В Курской битве мы получили большой опыт борьбы с новыми танками врага - "тигр" и "пантера". В связи с этим во всех частях и подразделениях производился не только широкий обмен опытом этой борьбы, но и изучение способов поражения этих танков. Передавал этот опыт в первую очередь тот, кто сам поражал или уничтожал вражеские танки. Как и перед Курской битвой, каждый расчет, отделение, экипаж получил "памятку", в которой указывались слабые места танков "тигр" и "пантера", проверенные уже опытом боев в Курской битве. В общем, стремились сделать все, чтобы прилить молодому пополнению бесстрашие и навыки умелой борьбы с танками врага.

Использовался и такой метод воспитания, как "обкатка" танками мотострелковых подразделений, участвующих в бою. Побывав в траншее, над которой проходит танк, боец утверждался в своих силах и укреплялся верой в возможность вести успешную борьбу с пехотой и танками противника.

Опыт прошлых лет войны показал большое воспитательное значение организованного вручения боевого оружия в торжественной обстановке: в строем части при развернутом Боевом знамени.

В это короткое время мы смогли провести занятия по слаживанию подразделений до батальона включительно и их взаимодействию в бою. Проводились также занятия по подготовке штабов. Учеба в этот период шла напряженная.

Под руководством политорганов большая работа проводилась в партийных и комсомольских организациях. Во всех частях были проведены партийные и комсомольские собрания, на которых обслуживались актуальные для нас вопросы - о примерности, организованности и дисциплине в бою; о том, что для победы необходимо поработать врага с первого выстрела, и другие вопросы, связанные с психологической подготовкой людей к предстоящим боям. На собраниях выступали участники многих боев, делились своим опытом и на своих примерах доказывали силу советского оружия, силу советского воина, передавали опыт, как с меньшими потерями успешно громить врага.

Так, на собрании личного состава истребительного противотанкового артиллерийского полка командир взвода лейтенант И.С. Жариков заявил: "Я сам из Смоленска. Я скоро встану на свою родную землю. Уходя в Красную Армию, я оставил там своих родных, друзей, цветущие города, села, колхозы, жизнерадостных и счастливых людей. Что я увижу теперь? Очевидно, то, что я и вы все видели уже на освобожденной территории - сожженные деревни, разрушенные города, бедствия и слезы отцов и матерей, детей - тех, кто остался еще в живых. Я буду бить фашистов, не щадя ни своих сил, ни самой жизни, и призываю к этому всех вас, боевые друзья".

Недавно введенная в штаты корпусная газета "Сталинская Гвардия" (редактор капитан А.А. Бороздин) на своих страницах широко рассказывала о зверствах фашистов на захваченных ими территориях и конкретно на нашем, Ельнинско-Смоленском направлении, поднимала гнев и ненависть к фашистам и стремление скорее освободить советских людей от страданий, причиненных врагом.

Встречи, личные беседы командиров, политработников с людьми, боевые листки, печатное слово наших газет давали широкую информацию по всем вопросам нашей жизни и вызвали у каждого воина не только желание, но и потребность еще сильнее бить врага, еще быстрее идти на запад.

Глубокое осознание своей роли в борьбе с коварным врагом поднимало ответственность каждого перед Родиной, усиливало стремление быть вместе с коммунистами в первых рядах борьбы за освобождение Родины.

Свое стремление сильнее бить врага люди подтверждали вступлением в ряды Коммунистической партии и комсомола. В этот короткий период подали заявления с просьбой принять в партию более 500 человек и столько же - в комсомол.

ЗАВТРА В БОЙ !

Накануне нашего наступления, когда корпус перешел уже в выжидательный район, у нас произошло еще одно крупное событие. 27 августа 1942 года от имени Президиума Верховного Совета СССР командованием корпуса (полковниками С. А. Бурдейным, И. А. Чернышовым, В. И. Полозковым, А. Ф. Караваном) в торжественной обстановке были вручены гвардейские Боевые знамена 25, 26-й танковым и 4-й мотострелковой бригадам за боевые подвиги в Сталинградской битве, и в частности за глубокий и успешный рейд в тыл врага в декабре 1942 года. Это была для нас самая высшая оценка нашего ратного труда.

Принимая гвардейские Боевые знамена, личный состав каждой бригады давал клятву Коммунистической партии, Родине до последнего дыхания, до последней капли крови, не щадя сил и своей жизни уничтожать фашистских захватчиков.

Забегу несколько вперед и скажу, что гвардейцы были верны своей клятве и с честью и достоинством выполнили ее.

Вручение знамен и принятие клятвы происходило по специально разработанному ритуалу, в исключительно торжественной обстановке. При развернутых боевых знаменах весь личный состав стоял коленапреклоненным. Я позволю себе привести здесь полный текст клятвы,

на устах с которой бойцы на следующий день пошли в бой, и многие из них отдали за нее самое дорогое — свою жизнь.

"Принимая святое имя гвардейца, клянусь тебе, Родина, тебе, Партия, высоко и гордо нести гвардейское знамя в боях против фашистских захватчиков, за нашу родную землю.

Клянусь до последней капли крови, до последнего удара сердца, не жалея своей жизни уничтожать фашистских оккупантов.

Клянусь честью гвардейца ни на шаг не отступать со своих позиций; идти только вперед, сметая врага на своем пути. Позор и смерть тому, кто дрогнет в наших рядах.

Клянусь тебе, Родина, что, пока жив хоть один гвардеец, это знамя будет гордо реять над полями сражений, призывая к новым сражениям и победам.

Клятва моя — это жизнь моя, и жизни своей не щадя, я клятву священную не нарушу¹⁾.

Клятва гвардейцев была опубликована в корпусной газете, в отдельной листовке и принималась также на торжественных построениях во всех отдельных частях и подразделениях. Она стала законом в жизни каждого воина, каждого гвардейца.

X X X

Еще 12 августа 1943 года мы получили распоряжение командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии генерал-полковника Я.Н.Федоренко о переходе корпуса в подчинение командующего Западным фронтом генерал-полковника В.Д.Соколовского, от которого на другой день получили приказ. В нем указывалось, что в период с 16 по 20 августа перебросить корпус по железной дороге и сосредоточить его в выжидательном районе Спас-Деменск, Прудиче,

¹⁾ ЦАМО, Ф. 3400, оп I, д. 25, л. 28

Семеново, Морозовская, Парфеново.

20 августа соединения и части корпуса в основном сосредоточились в указанном районе, и корпус вошел в оперативное подчинение командующего 21-й армией генерал-лейтенанта Н. И. Крылова.

В это время, кроме бригад и корпусных частей, которые и раньше входили в корпус, вновь прибыли два самоходно-артиллерийских полка, о которых уже упоминалось.

В целом корпус был хорошо укомплектован и обеспечен всеми положенными нам запасами: боеприпасами, горючим, продовольствием и др.

К этому времени в связи с паузой в наступлении (с 7 по 18 августа) на Западном фронте произошла большая перегруппировка войск. Изменилось направление главного удара с рославльского на смоленское, в связи с этим изменились и группировка войск на главном направлении, и их задачи. По существу готовилось новое наступление.

В ударную группировку фронта вошли 10-я гвардейская армия, 21-я армия, которой был оперативно подчинен и наш 2-й гвардейский танковый корпус, 33-я армия с подчиненными ей 5-м механизированным и 6-м кавалерийским корпусами. Эти два корпуса уже принимали участие в боях в начале августа на рославльском направлении в составе Западного фронта как подвижные группы развития успеха наступления соединений 10 и 33-й армий.

Опыт применения упомянутых двух корпусов насторожил нас. По принятым решениям они должны были вводиться в сражение после прорыва главной полосы обороны противника, а фактически были введены для прорыва хорошо подготовленной противником обороны, что привело к большим потерям танков и других боевых средств. В результате эти соединения не смогли ни прорвать главную полосу обороны, так как не в состоянии были выполнить такую задачу, и ни выполнить и свои прямые задачи как средство развития успеха стрелковых соединений.

Опыт применения этих двух корпусов настораживал нас и хотелось избежать повторения этого "опыта".

В ходе Великой Отечественной войны во многих операциях ввод в прорыв подвижных соединений редко удавался из-за трудности надежно подавить систему огня противника. Едва начав наступление, стрелковые войска встречали сильный огонь противника и наступление заметно замедлялось, особенно перед его второй или третьей позицией. Опасаясь, что наступление может замедлиться, командующие, правда с большим риском, вводили в бой на неподавленную оборону противника имевшиеся в их распоряжении корпуса, предназначенные для совершенно иной задачи - для развития успеха после прорыва оборонительной системы, но не подготовленные для прорыва плотно занятой и хорошо оборудованной в инженерном отношении обороны противника. Эти силы - танковые, механизированные и кавалерийские соединения - также несли большие потери, и наступление замедлялось или совсем прекращалось. Теперь они вынуждены были переходить к методическому подавлению огневых средств врага, теряли много времени, резко снижались темпы наступления.

Я вернулся к этой теме потому, что после выхода приказа НКЮ № 325 прошло около года, но к большому огорчению на Западном фронте методы применения подвижных групп - танковых и механизированных соединений - остались те же, что и до издания приказа. Приказ № 325 вышел в октябре 1942 года. В нем обобщался большой опыт использования этого рода войск, накопленный в проведенных боях и операциях. На основе этого опыта давались очень важные рекомендации по применению танковых и механизированных соединений в предстоящих сражениях.

Там указывалось, что соединения, предназначенные для развития успеха, используются на главном направлении и дробление их запрещалось. Кроме того, "Ввод корпусов в сражение осуществлять только

201
после преодоления общевойсковыми соединениями главной полосы обороны противника. При самостоятельном прорыве корпусом слабой обороны противника усиливать их артиллерией и авиацией¹⁾.

Теоретические положения, разработанные в нашей стране задолго до войны, о необходимости применения мощных подвижных групп для развития успеха в глубокой наступательной операции были достаточно хорошо проверены на учениях и маневрах в предвоенные годы и убедительно были подтверждены Сталинградской битвой, когда танковые и механизированные корпуса (1,4,26-й танковые корпуса и 4-й механизированный корпус) Юго-Западного и Сталинградского фронтов к 23 ноября 1942 года замкнули кольцо окружения 330-тысячной группировки противника 6-й и 4-й танковых армий под Сталинградом, а также опытом 21-го танкового корпуса, участвовавшего в этой же операции, но в декабрьском наступлении Юго-Западного фронта, где 21-й танковый корпус вырвался на 250 километров в глубокий тыл врага и разгромил основную базу 4-го воздушного флота противника, находясь там резервы, что повлияло на весь ход битвы в критический ее период.

К сожалению, в практику наступления на западном направлении этот опыт внедрялся очень медленно.

Теперь нам предстояло действовать в качестве средства, предназначенного для развития успеха, на первом этапе как армейской подвижной группы, и, конечно, мы делали все, чтобы наш опыт, приобретенный в Сталинградской битве, в какой-то мере можно было использовать здесь, на Западном фронте.

¹⁾ Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. Под редакцией профессора Маршала бронетанковых войск О.А. Лосика. Воениздат, 1979, с.118.

ОСВОБОЖДЕНИЕ г. ЕЛЬНИ и г. СМОЛЕНСКА

В назначенное время 23 августа я прибыл к командующему 21-й армией генералу Николаю Ивановичу Крылову и доложил ему о состоянии корпуса: укомплектованности, уровне подготовки частей, средствах управления, материальной обеспеченности и готовности частей корпуса выполнять свои задачи в предстоящем наступлении. Николай Иванович внимательно меня выслушал, задал много вопросов и особенно интересовался боевым опытом корпуса, полученным нами в прошедших боях. Это был деловой разговор опытного командира с подчиненным ему командиром танкового корпуса, но ни голосом, ни поведением он не подчеркивал разницу в нашем положении. Разговор шел по существу предстоящих задач и допускал обмен мнениями. На меня эта встреча произвела глубокое впечатление. В дальнейшем обстановка складывалась так, что корпус несколько раз передавался в оперативное подчинение командарма Н. И. Крылова, и я всегда видел его как человека с большим опытом и знаниями, талантливого военачальника, хорошего организатора боя, у которого я многому научился. У всех, кого я знал, он пользовался огромным авторитетом.

В заключение нашей встречи он поставил перед корпусом задачу - "С выходом пехоты на рубеж Обухово-Никольское (в 8-10 километрах от переднего края) войти в прорыв и, действуя в северо-западном направлении, к исходу первого дня наступления овладеть городом Ельня и удерживать его до подхода частей 69-го стрелкового корпуса. Частью сил, действиями из района Ельни в направлении Клемятино, Богородское, Установо содействовать войскам 5 и 68-й армий в окружении и уничтожении Северной группировки противника" (1)

Поставив задачу, командующий армией особо подчеркнул, что после освобождения Ельни и подхода 69-го стрелкового корпуса не задерживаться в городе, вывести корпус в район севернее Ельни и быть

готовым частью сил, а, если будет необходимо, и полным составом, нанести удар на север и во взаимодействии с войсками 5 и 68-й армий, наступавших значительно севернее 21-й армии с рубежа Секарево-Городок в общем направлении на Милеево, разгромить группировку противника севернее и северо-восточнее Ельни.

Очевидно, имелось в виду, что разгром группировки противника севернее города Ельни не только расширит фронт наступления Западного фронта, но будет содействовать успешному наступлению соседа справа - Калининского фронта.

Командующий армией указал, что главная полоса обороны будет прорвана в первой половине первого дня наступления, и к этому времени необходимо подготовиться к вводу в прогв.

Несколько ранее еще в ходе первого этапа наступления (с 7 по 20 августа) войска Западного фронта нанесли значительный урон врагу - был ликвидирован Спас-Деменский выступ, выдвинувшийся на восток, а 13 августа освобожден и сам город¹⁾). Наши войска вклинились в оборону противника на 30-40 километров, но дальше продвинуться не смогли, и наступление приостановилось.

Опасаясь дальнейшего наступления войск Западного фронта на этом направлении, немецко-фашистское командование приняло срочные меры по укреплению обороны на западном направлении. В течение короткого времени, "с 1 по 18 августа, враг перегруппировал с разных участков советско-германского фронта в полосу Западного фронта II дивизий, в том числе несколько танковых и моторизованных, тем самым значительно усилил оборону этого направления".

Теперь, по существу, необходимо было заново прорывать вражескую оборону, но еще более укрепленную и глубоко эшелонированную.

Командование войсками Западного фронта, по-видимому, учитывая возросшие возможности противника к сопротивлению, значительно

1) В.П.Истомин. Смоленская наступательная операция. Воениздат, 1975, с. 94.

усилило свою ударную группировку. Прибывшая из резерва Ставки 21-я армия, усиленная 2-м гвардейским танковым корпусом, семью артиллерийскими бригадами и 1-й штурмовой инженерно-саперной бригадой, была введена в первый эшелон. Значительно были усилены 10-я гвардейская и 33-я армия, входившие в ударную группировку фронта. Наступление войск фронта поддерживала 1-я воздушная армия.

В рассматриваемой операции на направлении главного удара было создано значительное превосходство над противником: в пехоте - в 1,5 раза, в танках - в 2 раза и в артиллерии - в 4-5 раз¹⁾.

Корпус вводился в прорыв в центре оперативного построения главной группировки войск фронта в полосе наступления войск 21-й армии по трем направлениям. Ширина полосы прорыва обороны противника (8-10 километров на рубеже ввода) позволяла иметь в первом эшелоне три бригады. Кроме этого, после ввода в прорыв через 10-12 километров нам предстояло с ходу форсировать реку Угра с тем, чтобы с ходу прорвать оборону врага на западном берегу реки и создать тем самым благоприятные условия для последующего развития всей фронтовой операции. Форсирование реки на широком фронте создавало уверенность в достижении этого успеха.

На правом фланге в направлении Флясово, Хотневец, Костюки наступала 25-я гвардейская танковая бригада (командир бригады полковник М. Т. Шевченко). Бригада была усилена 1500-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком и 755-м отдельным противотанковым дивизионом.

В центре боевого порядка корпуса в направлении Обухово, Пирятино, Установо наступала 4-я гвардейская мотострелковая бригада под командованием полковника В. Л. Савченко. Бригада была усилена 273-м минометным полком.

На левом фланге в направлении Никольское, Кварово, Порубань наступала 4-я гвардейская танковая бригада под командованием

¹⁾ В. П. Истомина. Смоленская операция. М., Воениздат, 1975, с. 105.

полковника А.К.Бражникова (после контузии он вновь стал на свое место) с 1819-м самоходно-артиллерийским полком, которым командовал майор Б.Кириллов.

Во втором эшелоне за 4-й мотострелковой бригадой шла 26-я гвардейская танковая бригада (командир полковник С.К.Нестеров) и 1833-й тяжелый самоходно-артиллерийский полк (командир полка майор В.И.Сибиряков)¹⁾. Каждой бригаде придавалась зенитно-артиллерийская батарея из 1695-го зенитно-артиллерийского полка.

Оперативная группа штаба корпуса шла в центре боевого порядка за 4-й гвардейской мотострелковой бригадой, а штаб - за вторым эшелонем, т.е. за 26-й гвардейской танковой бригадой.

До начала наступления в боевые порядки первого эшелона стрелковых соединений по направлениям наступления бригад были выдвинуты разведывательные органы от каждой бригады первого эшелона и разведгруппы от корпусного разведывательного батальона.

Авиационное прикрытие осуществлялось по планам штаба 21-й армии, а авиационная поддержка, как и прежде, - по заявкам штаба корпуса через штаб 21-й армии. О недостатках такой системы управления авиацией в период боя уже упоминалось.

У нас было достаточно времени в подготовительный период для согласования всех вопросов взаимодействия со стрелковыми соединениями, артиллерийскими и инженерными войсками.

Штаб корпуса под руководством вновь назначенного начальника штаба корпуса полковника А.Ф.Каравана, очень грамотного и делового офицера, много и напряженно работал. Были разработаны и согласованы плановые таблицы боя, графики выдвижения частей корпуса в исходные районы на своих направлениях, переговорные и сигнальные таблицы, закодированные карты и многое другое.

¹⁾ 1819 и 1833-й тяжелые самоходно-артиллерийские полки прибыли к нам к началу операции

Большое внимание было уделено вопросам взаимодействия с соседями - 10-й гвардейской и 33-й армиями - и особенно с 69-м стрелковым корпусом, который должен был подойти к нам в Ельне, а если нужно, то и совместно с нами освобождать этот город.

В подготовительный период большую помощь в решении всех вопросов организации предстоящего наступления оказали нам начальник штаба 21-й армии генерал-майор П. Г. Тихомиров, представители штаба фронта и особенно командующий бронетанковыми и механизированными войсками генерал-лейтенант Д. К. Мостовенко.

Все вопросы подготовки частей, взаимодействия с совместно действующими войсками, а также вопросы материально-технического обеспечения были решены достаточно полно. Оставалось главное - с одинаковой настойчивостью и знанием дела, в установленное приказом время выполнить каждому свою часть задачи. К исходу дня 27 августа вся подготовка к предстоящему наступлению была завершена. У всех была полная уверенность в успешном выполнении задачи.

28 августа после полуторачасовой артиллерийской подготовки и ударов бомбардировочной и штурмовой авиации войска 21-й армии перешли в наступление. Вначале наступление развивалось успешно, пехота и танки непосредственной поддержки пехоты ворвались на передний край первой позиции, но чем больше они пробивались в глубь обороны, тем сильнее противник оказывал сопротивление, оживала неподавленная система противотанкового и противопехотного огня и темпы наступления стали снижаться. К середине дня 28 августа была прорвана лишь первая позиция главной полосы обороны на глубину 3-4 километра. К этому времени передовые части 21-й армии вышли урбеш Пречистое - Бывалки. Обстановка складывалась для нас тревожная.

Внесу небольшое пояснение. По опыту проведенных операций, в которых нам довелось участвовать в качестве эшелона развития успеха, как правило, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки

наступление обычно начиналось успешно. Но если оборона не подавлялась, уже через небольшой промежуток времени (2-4 часа) темпы наступления снижались, а иногда и приостанавливались из-за большого сопротивления обороняющихся войск. И дело тут не столько в том, как утверждает Маршал артиллерии Н.Н.Воронов, "что пехота очень слабо применяет в наступлении свои винтовки, пулеметы, ротные и батальонные минометы, сколько в общем стремлении во всех случаях боя прибегать к помощи артиллерии".

Кто участвовал в наступлении по прорыву подготовленной обороны противника, тот хорошо знает, что дот, дзот, окопанные танки или врытые в землю бронеколпаки ни винтовками, ни пулеметами или даже минометами не уничтожить. К тому же обороняющиеся войска всегда надежно поддерживаются огнем артиллерии из глубины.

Резкое снижение темпов наступления часто происходило по причине серьезного нарушения огневого и тактического взаимодействия наступающих войск - их атакующего эшелона пехоты и танков с артиллерией и авиацией, о чем я частично упоминал уже в первой части, но и в ином плане.

Дело в том, что, как правило, после артиллерийской и авиационной подготовки наступал период активных действий войск, в это же время, как правило, происходило резкое снижение активности артиллерии и авиации (в первые часы наступления). Противник использовал это и быстро восстанавливал нарушенное управление и систему огня, подводил к обозначаемому направлению главного удара наших войск свои ближайшие резервы, проводил сильные контратаки и тем самым усиливал оборону. Такая обстановка складывалась потому, что перед наступлением все средства управления артиллерийским огнем (пункты наблюдения, органы разведки и средства управления) были полностью привязаны к земле - размещались в блиндажах, в окопах, откуда они твердо управляли огнем своих частей. Но как только танки, пехота и легкая катаная артиллерия приводились в движение и уходили в глубь вражеской обороны, органы разведки, наблюдения и средства управления

артиллерийским огнем из-за отсутствия надежных средств передвижения отставали, теряли тесную связь с передовым эшелоном наступающих войск, в силу чего терялось и наблюдение за полем боя, а поэтому снижалась интенсивность артогня частей, предназначенных для поддержки наступающих войск.

Я хочу эту мысль подчеркнуть, потому что артиллерия как самое мощное средство подавления противника должна не "от случая к случаю", а в течение всего периода наступления непрерывно видеть поле боя, иметь постоянную связь с пехотой и танками и непрерывно участвовать в наступлении. Именно такое взаимодействие обеспечило успешное наступление войск. И в этом весь смысл артиллерийского наступления!

Значительное влияние оказывает на темпы наступления период перемещения артиллерийских частей и подразделений, что на какое-то время выключает из боя значительную часть артиллерии. Медленная смена огневых позиций также отрицательно сказывалась на темпах наступления. Нельзя в этом кого-то упрекать. В то время мы не имели еще надежных средств тяги в артчастях. Мы часто наблюдали и очень сочувствовали артиллеристам в том, что орудийные и минометные расчеты вынуждены были своими силами перетаскивать пушки и минометы на новые позиции. Это был титанический труд советских воинов, их героический подвиг, стремление в любых условиях - днем и ночью, в дождь и снег - добиться успешного выполнения поставленных боевых задач.

Все это вместе взятое и было причиной растяжки боевых порядков, снижения или ослабления поддержки наступающих войск, так как рывалась тесная связь артиллерии с пехотой и танками.

В годы Великой Отечественной войны артиллерия составляла неотъемлемую часть боевого порядка войск во всех видах боя, без которой невозможно было решить ни одной задачи. Как составная часть войск,

ведущих бой или операцию, она обязана была постоянно без каких-либо пауз, днем и ночью, в любое время года и любую погоду поддерживать огнем действия войск, выполняя свои собственные задачи, но в интересах пехоты и танков, и имея тесное взаимодействие с соединениями и частями всех родов войск, участвующих в боевых действиях.

Такое тесное и непрерывное взаимодействие всех родов и даже видов Вооруженных Сил особенно необходимо в период развития наступления, то есть после прорыва тактической зоны обороны противника.

Не менее сложно осуществлялась в динамике боя и авиационная поддержка наступающих войск. Для связи с сухопутными войсками и управления авиацией в соединениях наступающих войск выделялись авиационные представители - два-четыре офицера со своими радиостанциями (авиация работала на своих частотах), которые, как правило, находились на наблюдательном пункте командира соединения. Этот представитель сам видеть поле боя не мог и осуществлял целеуказание по данным наземной разведки, поступающим на пункт управления от командиров штабов наступающих войск.

При вызове авиации полет ее к переднему краю, отыскание целей для поражения, которые найти в динамике боя в считанные секунды представляло большие трудности для летного состава - все это приводило к тому, что, проскочив передний край, авиация часто наносила удары по целям, обнаруженным летчиками в глубине обороны противника, но которые для наступающих войск первого эшелона в данный момент особого значения не имели, так как не оказывали непосредственного влияния на них. В силу этого непосредственное взаимодействие наступающих войск с авиацией нарушалось, наступление приостанавливалось и требовалось немало времени на то, чтобы его возобновить.

Мы очень сожалели, что у нас в то время не было хороших средств авиационной разведки и наведения, позволяющих с высоты, недостижимой

для зенитной артиллерии, просматривать глубину обороны противника, обнаруживать цели и корректировать огонь артиллерии, как это было у противника. Он имел малоуязвимый самолет "Фокке-Вульф" (рама), появление которого на поле боя приносило нам много бед. Особенно важно было иметь такой самолет в динамике боя, когда шло непрерывное перемещение войск.

Именно это обстоятельство - резкое нарушение взаимодействия участвующих в наступлении войск с авиацией, также как и с артиллерией, снижало темпы наступления и заставляло командующего общевойсковой армией как-то компенсировать образовавшийся разрыв в цепи взаимодействия: преждевременно, не завершив прорыва тактической зоны обороны противника, вводить в бой свою подвижную группу, предназначенную для развития успеха, расходуя этим самым преждевременно ее силы на преодоление тактической зоны обороны, после чего наступление шло по принципу "выталкивания" противника на запад.

БОЙ ЗА ГОРОД ЕЛЬНУ

В период нашего наступления на Ельню произошло то, чего нам так не хотелось. Снижение темпов наступления вызвало необходимость принятия дополнительных мер для усиления удара по врагу, и командующий армией в 14 часов принял решение ввести в бой свою подвижную группу - 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус.

В это время танковый корпус находился в исходном районе в 8-10 километрах от переднего края (подвести его ближе к переднему краю не позволяла местность).

Предполагалось, что к 16-18 часам войска 21-й армии завершат прорыв главной полосы противника и выйдут к назначенному рубежу в 6-8 километрах от переднего края. К этому же времени к рубежу ввода в прорыв должен подойти и танковый корпус, который сразу, без особой паузы, перейдет в наступление.

К сожалению, наши прогнозы не оправдались. Сильные контратаки противника при поддержке артиллерии и авиации резко снизили темпы

того медленное подвигание стрелковых соединений первого эшелона.

К 16 часам головные бригады корпуса вошли в зону боевых действий, но так как ни остановить, ни задержать их уже было невозможно, то вскоре они вышли на передний край наступающих войск и вынуждены были втянуться в бой, завершая прорыв главной полосы обороны противника. Преодолевая упорное сопротивление противника, части медленно продвигались на запад. Только к концу дня бригады подошли к уже потерявшему свое значение ранее намеченному рубежу ввода, овладели укрепленными спорными пунктами Блясово, Обуховка и завязали бой за Никольское. В начале наступления нас поддерживала артиллерия 21-й армии в полосе наступления 69-го стрелкового корпуса, затем мы вынуждены были развернуть и свою артиллерию - 273-й минометный полк и полки самоходной артиллерии.

С утра 29 августа наступление продолжалось. Бой шел за каждую безмянную высоту или межболотную возвышенность, рощу, хутор.

Лесисто-болотистая местность не позволяла совершить широкий маневр нашим танкам, что значительно усложняло наступление. И все же, несмотря на упорное сопротивление врага, к середине дня 29 августа части корпуса выбили противника из опорных пунктов Нахаловка, Каменец, Четовая и подошли к реке Угра, встретив при этом на всех направлениях сильный огонь противника.

С ходу захватить западный берег нам не удалось. Все мосты были врагом разрушены, а броды надежно прикрывались огнем противотанковой артиллерии и артогнем из глубины. Особенно сковала наши действия авиация противника, бомбившая наши передовые части.

Командующий войсками Западного фронта генерал-полковник Д. Соколовский выразил неудовлетворение нашими темпами наступления, конечно, имел на это все основания. К сожалению, тесного взаимодействия с артиллерией и авиацией на этом рубеже у нас не получалось.

Мы стремились как можно скорее пробиться в глубину обороны противника, где нам, танкистам группы развития успеха можно было получить свободу маневра, но вынуждены были втянуться в бой для завершения прорыва главной полосы обороны, в результате чего потеряли время и были остановлены противником перед второй полосой его обороны по западному берегу реки Угра.

Здесь река Угра не представляла большого препятствия, но заболоченная пойма реки и подходы к ней, сильный обстрел с западного берега значительно затруднили наступление наших войск.

Кроме того, наши действия были усложнены и командованием Западного фронта. Дело в том, что мы получили распоряжение к утру 30 августа передать наше левое направление, на котором наступала 4-я гвардейская танковая бригада, 5-му механизированному корпусу. Нам оставили два направления - правое и центральное. Эта вводная вынуждала нас существенно уточнить решение, а самое главное она усложняла нам обстановку, поскольку необходимо было к утру 30 августа решить две задачи - произвести перегруппировку частей и одновременно вести боевые действия с тем, чтобы захватить переправы и плацдармы на западном берегу реки, с которых можно было бы развивать наступление на запад.

Перегруппировка прошла у нас сравнительно быстро и без больших потерь. 4-я гвардейская танковая бригада с наступлением темноты перешла на бывшее центральное направление во второй эшелон за 4-й гвардейской мотострелковой бригадой, а свое направление передала соседу слева - 5-му мехкорпусу.

25-я гвардейская танковая бригада переводилась на правое направление во второй эшелон за 25-й гвардейской танковой бригадой.

Таким образом, в первом эшелоне оставались 25-я танковая и 4-я мотострелковая гвардейские бригады, которые и действовали на этих направлениях, а за ними во второй эшелон стали также две бригады - 25-я и 4-я гвардейская танковые бригады.

Выполнение первой части задачи - форсировать реку Угра, и плацдарм на западном берегу этой реки к утру 30-го августа, возлагаясь на бригады первого эшелона. Эти же бригады должны были обеспечить ввод в бой с утра 30-го августа бригад второго эшелона.

Начало наступления бригад первого эшелона было установлено в 00 часов 30-го августа.

Вторая часть задачи - выход на плацдарм на западный берег реки Угра за бригадами первого эшелона и развитие их успех выполнялась 25-й и 4-й гвардейскими танковыми бригадами. Готовность к вводу в бой была установлена в 7-8 часов утра 30-го августа, по установленному сигналу, в зависимости от обстановки, которая сложится к этому времени.

По указанию начальника штаба корпуса полковника А. Ф. Каравана еще засветло была организована разведка подходов к реке Угра и характера обороны противника на противоположном берегу. Средств для ведения глубокой разведки корпус не имел.

К началу нашего наступления мы имели уже необходимые данные об участках, где можно подойти к реке, и отрывочные сведения об обороне противника по западному берегу реки Угра.

Особенно удачно и смело действовала разведка, высланная начальником штаба 25-й гвардейской танковой бригады гв. подполковником В. К. Шаниным. Взвод танков с десантом автоматчиков под командованием гвардии лейтенанта В. А. Сенторова нашел брод через речку, вышел на ее западный берег и продвинулся на 2-3 километров вглубь. Здесь разведчики внезапно увидели перед собой пушки противника, находившиеся на огневых позициях с небольшой охраной. Позже выяснилось, что оружейные расчеты и их командиры были в блиндажах. Василий Анисимович не растерялся, открыл огонь по охране и выскочившим из блиндажей и ровиков фашистам, а танками раздавил несколько орудий и уничтожил до 30 гитлеровцев.

Успех наших разведчиков на этом направлении в ночное время вызвал большую панику в стане врага, чем немедленно воспользовались командиры танковых бригад полковники М.Т.Шевченко и С.К.Нестеров. Мотострелковые батальоны с танками расширили плацдарм, а к утру переправились и главные силы этих бригад.

Также успешно действовала 4-я гвардейская мотострелковая бригада, начавшая боевые действия передовым батальоном несколько раньше - на исходе дня 29 августа. Противник не ожидал нашей активности и открыл беспорядочный ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь по наступающим подразделениям, но так как видимость с каждой минутой ухудшалась, то и артиллерийский огонь противника особого вреда нам не причинял. Большим облегчением для нас было отсутствие авиации противника - в это время суток она работать уже не могла.

В напряженном бою к рассвету 30 августа бригады первого эшелона захватили плацдарм и свои задачи выполнили.

На рассвете опустился густой туман и в какой-то мере помог нам завершить переправу всех бригад. Как и было намечено, в 6 часов 30 августа передовые бригады корпуса (теперь это были уже 25-я и 4-я гвардейские танковые бригады) устремились по своим направлениям на Ельню. После небольшого разрыва во времени эшелонами по этим же направлениям, но уже во втором эшелоне пошли 25-я гвардейская танковая и 4-я гвардейская мотострелковая бригады.

Вот когда можно было сказать, что тактическая зона обороны противника прорвана, а танковый корпус получил свободу действий и возможность осуществления широкого маневра силами и средствами для действий в оперативной глубине обороны противника, и корпус приступил к выполнению своих прямых задач как эшелон развития успеха.

Примерно между 10 и 11 часами утра командиры головных танковых бригад полковники С.К.Нестеров и А.К.Бражников доложили о том, что туман очень мешает, но они, хотя и медленно, все же продвигаются

на своих направлениях. Особого сопротивления противник не оказывает. Внезапное появление из тумана наших танков приводило врага в панику, он бросал свои позиции, оставляя на них орудия, и беспорядочно отходил в глубину своего расположения.

Я со своей оперативной группой несколько задерживался на переправе из-за недостатков в ее организации, за что нас часто называла авиация противника, а тут выдалось такое "облегчение" — переправу прикрывал туман, однако недостатков не уменьшалось.

На переправе, на правом и левом берегах, стояло несколько танков, вышедших из строя по техническим причинам, устранением которых занимались экипажи. Два или три танка работали как тягачи — вытаскивали застрявшие танки и машины. Танковые бригады завершили свою переправу, а вслед за ними начали переправляться и стрелковые части 69-го стрелкового корпуса.

Оставив на переправе своего заместителя полковника В.А. Молокова, я с оперативной группой (3-4 машины) стал догонять 26-ю гвардейскую танковую бригаду. Проскочив 3-4 километра, водитель М.И. Таньгин резко остановил машину, так как впереди нас в 30-40 метрах пересекал нам путь немецкий танк. Вначале это даже вызвало сомнения, не наши ли танки заблудились в тумане, но через несколько секунд всякое сомнение отпало. За первым танком шел второй, а за ним и третий. Танки противника медленно двигались в сторону переправы, но нас не замечали: то ли мешал наблюдению туман, то ли приняли нас за своих (такое тоже случалось не так уж и редко). Однако было очевидно, что нам пока очень повезло, танки противника на переправу опоздали, но и нам нельзя было терять ни секунды. Через несколько минут мы были вновь на переправе. Переправа была тут же прекращена, а танкистам, артиллеристам и всем, кто в это время подошел к переправе, была объявлена боевая тревога и поставлена задача подготовиться к встрече с танками противника.

Через несколько минут, а они в подобных случаях бывает всегда очень долгими, послышался шум моторов, лязг гусениц и все увидели не где-то там вдалеке, а рядом появившиеся из тумана танки врага. Двигались они медленно, так как впереди шли несколько фашистов, очевидно, сверяя на местности свое направление к переправе. Заметив впереди себя незнакомые машины и танки, они оцепенели, но тут заговорили наши орудия и пулеметы. Враг не смог сделать ни одного выстрела. На том месте остались гореть пять разбитых вражеских танков и многие трупы фашистов. Сколько было в колонне танков противника, сказать трудно. Мы слышали только удаляющийся гул моторов и лязг гусениц.

Вот так нередко бывало на войне.

Случай, который произошел, был для нас счастливым, а может быть, мы оказались проворнее противника, и победа осталась за нами.

Само по себе событие в ходе боя и не очень важное, но беду танки противника могли принести нам большую.

Ушедшие вперед головные бригады были предупреждены о появлении у них в тылу танков противника, и они приняли необходимые меры предосторожности.

- -

Начиная наступление на исходе дня с тем, чтобы продолжать его ночью, да еще с форсированием водной преграды, мы понимали, что встретим много сложностей и трудностей. Особенно труден бой ночью в моральном отношении. Днем тебя видит противник, но и ты видишь, откуда он ведет огонь, и вступаешь с ним в единоборство. Ночью этого нет, надо идти в темноту, и поэтому нужна не только смелость и уверенность, но и большая осторожность. Вместе с этими качествами необходимо главное — большая боевая дружба и вера в своих боевых друзей — тех, кто идет с тобой рядом, кто может в любую минуту

помочь, поддержать, увидеть, услышать или даже почувствовать врага прежде, чем это сделает он. В этом суть слаженности мелких подразделений - отделения, экипажа, расчета, взвода, роты. Большую помощь нашим танкистам оказывали стрелки мотострелковых батальонов.

Принимая решение продолжать наступление в ночь 29 на 30 августа, мы были уверены в успехе еще и потому, что все части корпуса уже не один раз участвовали в боях ночью и почти всегда добивались успеха. Об этом я уже упоминал не один раз и еще раз показал на примере лейтенанта В.А.Сентурова из 25-й гвардейской танковой бригады.

Не менее важным условием успеха является правильный учет состояния противника. В данном случае, хотя перед нами рубеж и был заранее подготовлен противником, но занимал он этот рубеж очень поспешно, потрепанными уже частями, отошедшими с главной полосы обороны, да и занял его враг не везде, в основном на наиболее танкоопасных направлениях. Времени для организации систем противотанкового и артиллерийского огня у противника было немного.

Построить инженерные заграждения за этот короткий период времени он также не успел. Мог заминировать только отдельные участки дорог. Но танкисты, как правило, избегали двигаться по доюгам и старались идти на некотором удалении от дороги - правее или левее ее. Соблюдение этого правила значительно сокращало подрыв танков на минных полях.

К началу нашего наступления противник не мог создать и устойчивую систему управления боем.

Как-то подсознательно, но всегда учитывалась еще очень важная особенность гитлеровских войск - они не подготовлены вести бой ночью и даже бояться принимать бой в подобных условиях. Эта особенность проявлялась ночью, очевидно, потому, что авиация, как правило, в это время в бой не участвует, а артиллерия без подготовки

278
и наблюдения вести огонь по наступающим войскам не могла, строго придерживаясь правила "не вижу - не стреляю".

Все вышесказанное и позволяло нам надеяться на успех. Да и опыт войны подтверждал, что если с ходу взять рубеж не удалось, то и на подготовку наступления на противника, поспешно перешедшего к обороне, много времени тратить нельзя. Каждый потерянный час выгоден только противнику.

Накопленный нами опыт в прошлых боях подтвердился и в этот раз.

В середине дня при подходе к населенному пункту Титовка 25-я гвардейская танковая бригада встретила сильный огонь противника. Попытка бригады взять с ходу этот опорный пункт ничего не дала. Обход его потребовал бы много времени, да и неизвестно, какие силы противника встретила бы бригада на новом направлении.

Поэтому было принято решение, не теряя времени на маневр, ввести из второго эшелона 25-ю гвардейскую танковую бригаду и атаковать противника двумя бригадами - 25-й бригадой с северо-востока, а 25-й бригадой с юго-востока, разгромить противника в этом районе и расчистить основное направление на Ельню.

В 14 часов бригады заняли исходные позиции и после 10-минутного огневого налета 1819-го самоходного артиллерийского полка атаковали противника и захватили Титовку.

Противник бросил здесь одну артиллерийскую и одну минометную батареи, несколько танков, десятки фашистов и под прикрытием огня группы танков бежал в сторону Ельни.

Решив задачу, танковые бригады сразу перешли к преследованию - 25-я гвардейская севернее, а 25-я гвардейская южнее железной дороги. В это же время командир 4-й гвардейской танковой бригады полковник А. К. Бранников доложил, что бригада остановлена огнем противника на рубеже Устиново-Порубань, и просил нанести удар авиацией по этим узлам сопротивления. Туман к этому времени рассеялся.

По опыту я знал, что вызов авиации через штаб 21-й армии (в корпусе представителя от авиации не было) может занять много времени, и решил использовать успех танковых бригад на северном направлении. Командиру 4-й гвардейской танковой бригады был дан приказ не ввязываться в бой за населенные пункты Дорубань, Устиново, обходить их восточнее и выходить на направление 25-й гвардейской танковой бригады. Внесено было изменение в задачу и 4-й гвардейской мотострелковой бригады. Ей было приказано продвигаться за 4-й гвардейской танковой бригадой.

К 17 часам 30 августа танковые бригады значительно оторвались от стрелковых частей и подошли к Ельне. 25-я гвардейская танковая бригада вышла север-восточнее, а 20-я гвардейская танковая бригада — к югу города.

4-я танковая бригада в связи с обходным маневром задержалась, но и она к 18 часам подошла в район восточнее Ельни.

Город Ельня находился юже местности, на которую вышли бригады, и хорошо просматривался в бинокли. Мы видели на огневых позициях две артиллерийские батареи, несколько зенитных батарей, беспорядочное движение машин, солдат по улицам восточной окраины города, очевидно, занимавших свои места в наспех организуемой обороне.

Обстановка складывалась очень благоприятная. Надежда задержать нас на рубежах реки Угры и населенных пунктов Костык-Устиново-Дорубань и восточнее Пронино не оправдалась, в силу чего враг принимал экстренные меры, чтобы удержать в своих руках Ельню. Времени терять нам было нельзя. Поэтому в 18 часов 30 минут после огневого налета наших ИР19 и ИР33-го самоходных артполков по единому сигналу "555" и серии красных ракет танкисты перешли в атаку.

С трех направлений из-за возвышенности, которая опоясывала город Ельню с востока, одновременно на большой скорости выскочило более 150 танков и САУ, открывших беглый огонь из пушек по всем целям, которые попадали танкистам в поле зрения прицела. Во время атаки наши самоходно-артиллерийские полки, которыми командовали подполковники Л. Г. Мазыкин (1819) и М. А. Тагиев (1833), заняли выгодные открытые позиции и огнем с места поддерживали атаку танков и мотострелковых батальонов танковых бригад.

На открытой и танкодоступной местности атака была ошеломляющей. Перед противником открылась широкая панорама стремительно скатывающейся к городу с трех направлений массы танков, ведущих огонь с ходу. Какое направление было опаснее, определить противнику было трудно, да, пожалуй, и невозможно, но сопротивлялся он отчаянно. По нашим танкам открыла огонь вся полевая и зенитная артиллерия. Большой вред нам принесли вначале не обнаруженные, хорошо замаскированные танки противника. Запылали и наши танки. Много их остановилось из-за боевых повреждений, но все, кто мог, вели огонь с места.

Город со всех сторон был охвачен огнем. Горели дома, стога сена и соломы, и в том числе замаскированная в них техника врага. Авиация противника появилась, когда наши танки ворвались в город, и тут она уже бомбила без разбора. По-видимому, попало от своей авиации и фашистам.

Это был настоящий танковый штурм города Ельни, достойный того, чтобы быть примером. На этих полях, политых кровью наших воинов, защищавших подступы к столице нашей Родины Москве в 1941 г., родилась советская гвардия. Прошло два года, и закаленная в этих сражениях советская гвардия наголову разгромила врага и вновь умножила славу тех, кто стал первым гвардейцем советской Родины и остался навечно на этих полях.

В 18.30 часов с северо-востока, увлекая танкистов своим личным примером, первым ворвался в город командир 2-го танкового батальона 25-й гвардейской танковой бригады капитан И. Ф. Лоленко. Здесь танковый батальон уничтожил противотанковую и зенитную батареи, несколько танков и большое количество вражеской пехоты. Подвиг капитана Лоленко и его танкистов широко стал известен не только в частях корпуса, но и за его пределами. Несколько позже за мужество, отвагу, четкое управление огнем и движением танкового батальона Иван Федорович Лоленко был награжден орденом Александра Невского.

В это же время, когда шли бои на северо-восточной окраине города, с юго-востока ворвался в город 1-й танковый батальон 25-й гвардейской танковой бригады капитана А. П. Мамалужа.

Здесь так же, как и на северной окраине города, танкисты капитана А. П. Мамалужа с десантниками мотострелкового батальона капитана Н. Н. Моисеева нанесли большой урон противнику.

Вскоре наши силы значительно возросли и ускорили ход событий. В разгар боя к городу подошли и втянулись в уличные бои передовые части 29-й и 93-й гвардейских стрелковых дивизий со 119-м танковым полком, которым командовал майор О. А. Лосик (ныне Маршал бронетанковых войск). Совместными усилиями бригад корпуса и подошедших частей 10-й гвардейской армии город был полностью очищен от фашистов.

В силу сложившейся обстановки к городу Ельня подошла не 21-я армия, приказ которой мы выполняли и с которой организовывали взаимодействие перед наступлением, а соединения 10-й гвардейской армии. В связи с этим уже в динамике боя пришлось заново увязывать или согласовывать все вопросы совместных действий посредством личных контактов командиров и штабов. Запоздалое согласование совместных действий также внесло задержку в развитие наступления.

В боях за Ельню гвардейцы танкового корпуса уничтожили 16 танков и самоходных орудий, 33 полевых орудия и миномета разных калибров, 5 шестиствольных минометов, до 1200 солдат и офицеров противника,

захвачены большие склады боеприпасов, горючего, продовольствия, различного вооружения и техники.

Большие потери были и у нас. По боевым повреждениям вышло из строя 42 танка Т-34 и 11 танков Т-70. Из этого количества значительная часть танков была потеряна безвозвратно.

Как только Ельня была в основном очищена от фашистов, с наступлением вечера, чтобы не подвергать опасности части корпуса от возможных ударов авиации противника на следующий день, я вывел части корпуса севернее города - в район Богородское, Лаврово, Прилепы, Красное и Белгородский. Именно севернее города, а не западнее, с тем чтобы восстановить свои силы (в населенном пункте всегда очень сложно выполнять эту задачу), пополниться боеприпасами, горючим и подготовить части корпуса к выполнению второй части боевой задачи, поставленной командующим 21-й армией.

Напомню читателю эту часть нашей задачи. Мы должны были частью сил развить наступление из района Ельни в северном направлении - на Клемятино, Богородское и Устиново с тем, чтобы содействовать частям 5 и 68-й армий в окружении и уничтожении ельнинской группировки противника 1).

Но как этой частью сил нужно было выполнить эту задачу, в то время определить было еще трудно.

В ходе нашего наступления нам не была известна обстановка перед фронтом упомянутых армий. Ни штаб 21-й армии, ни штаб фронта не информировали нас об этом, а приказ командующего 21-й армией оставался в силе.

Это обстоятельство и заставило нас ускорить вывод корпуса из Ельни не на запад, а на север с целью занять наиболее выгодное исходное положение для выполнения поставленной перед нами задачи с утра следующего дня. Только к концу дня 31 августа мы разобрались в

1) ЦАМО. ф. 3400, оп. 1, д. 25, л. 9

том, что задача о совместных действиях танкового корпуса с 5 и 68-й армиями, которые наступали значительно севернее нас, отпала. Кроме этого, 21-я армия оказалась значительно южнее нас, а к Ельне подошли войска 10-й гвардейской армии, выполнявшие свои задачи. Мы потеряли здесь сутки. Это время не пропало для нас бесцельно. За сутки мы смогли значительно восстановить все свои боезапасы, ввести в строй большую часть поврежденных танков. Однако темпы наступления из Ельни на запад были снижены.

31 августа был для нас днем большой радости. В разгар напряженной работы по восстановлению боеспособности частей мы получили поздравительный приказ Верховного Главнокомандующего, в котором было четко сформулировано и записано следующее: "Войска Западного фронта на днях прорвали сильно укрепленную полосу обороны противника и, развивая наступление на смоленском направлении, вчера, 30 августа, овладели оперативно важным, крупным узлом дорог и важнейшим опорным пунктом обороны г. Ельня.

В боях под городом Ельня отличились гвардейцы-танкисты генерал-майора А. С. Бурдейного (мне было присвоено звание генерал-майора танковых войск, большинству офицеров корпуса также были присвоены новые звания), войска генерал-лейтенанта Гордова, генерал-майора Крылова и генерал-лейтенанта авиации Громова.

В ознаменование победы, одержанной нашими войсками под городом Ельня, ... 25-й гвардейской танковой бригаде, 26-й гвардейской танковой бригаде (корпусные бригады) ... и 119-му отдельному танковому полку, отличившимся в боях под городом Ельня, присвоить наименование "Ельнинских" ...

За отличные боевые действия и умение маневрировать объявляю ... годарность всем руководимым Вами войскам, участвующим в операциях на смоленском направлении. Особенно отмечаю умелые действия ...

25-я гвардейской Ельнинской танковой бригады полковника Шевченко, 26-я гвардейской Ельнинской танковой бригады полковника Нестерова ... и 119-го Ельнинского отдельного танкового полка подполковника Лосика¹⁾.

Среди частей корпуса наиболее успешно действовала 26-я гвардейская танковая бригада. Командовал этой бригадой молодой и талантливый командир Степан Кузьмич Нестеров со дня формирования корпуса. Весь личный состав не только бригады, но и всего корпуса хорошо знали этого смелого командира и уважали его. Всегда спокойный, уравновешенный и вдумчивый он одинаково был близок солдату и офицеру и знал и ценил труд каждого из них. Сын крестьянской семьи с малых лет привык к нелегкому труду сельского труженника.

В 1928 году он был призван в армию и целиком посвятил себя военной службе. Зарождавшиеся в те годы танковые войска привлекли его внимание, и он с жадностью стал изучать новую боевую технику и способы применения ее на полях учений. Базда знаний позволила ему успешно окончить военную школу на командира танка.

В 1939 году участвовал в боях с белофиннами в должности начальника штаба танкового батальона. Перед войной окончил военную академию, а весной 1932 года был назначен командиром 130-й танковой бригады. С июня 1942 года 130-я танковая бригада вошла в состав 24-го танкового корпуса и с этого времени и бригада и ее командир - Степан Кузьмич Нестеров, участвовал во всех боях в составе танкового корпуса.

Обладая хорошими знаниями и большим боевым опытом, он умело организовывал и руководил боем подчиненных и приданных ему подразделений и частей. Он хорошо понимал, что приказ отдать подчиненным это только начало дела, а главное - подготовить весь личный состав и боевую технику для выполнения поставленной перед бригадой задачи.

¹⁾ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны СССР. М., Воениздат, 1975, с.20-21.

Он также хорошо понимал, что решить все эти задачи один командир не в состоянии, и всегда решал их, опираясь на помощь партийных, комсомольских организаций и передовых воинов бригады. Все эти высокие качества командира-руководителя и проявляются при выполнении боевой задачи, а в данном случае при руководстве боем за город Ельню.

В честь этой знаменательной победы 31 августа Родина салтовала войскам Западного фронта, в составе которого был и 2-й гвардейский танковый корпус, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий.

Получив очень высокую оценку наших ратных дел, а с ней и новый большой заряд энергии, мы немедленно развернули большую политико-воспитательную работу среди личного состава, используя события последних боевых дней. Необходимо было вновь поднять боевой накал, атмосферу уверенности в новых боевых успехах. В этом плане большую работу проделали наши заместители по политической части: в корпусе - полковник И.А.Чернышев, в танковых бригадах - полковники П.П.Слепов, А.Г.Гетман, А.А.Крыжановский, К.И.Ромакин, а также политработники частей и подразделений.

Разъясняя значение высокой оценки наших успехов, командиры частей и подразделений отмечали тех, кто особенно отличился в бою за освобождение города Ельни, и не только отмечали, что тот или другой отлично воевал, но и убедительно показывали причины успеха передовых воинов. А чтобы умело раскрыть "технология" боя, надо самому участвовать в бою и в совершенстве знать технику современного боя.

Успехи передовиков и отличия подразделений широко отражались в нашей корпусной газете "Сталинская Гвардия". И не только в газете, почти в каждой бригаде издавались листки "Боевая информация", отпечатанные на машинке, которые доводились до каждого воина. Так, в "Боевой информации" 4-й гвардейской танковой бригады за 30 августа писалось: "Товарищи гвардейцы-танкисты, пехотинцы и артиллери-

сты! Сегодня мы отмечаем отличную боевую работу нашей артиллерийской батареи, которой командует комсомолец гвардии лейтенант К.Перкин, уничтоживший фашистский танк "тигр". В бою за деревню Разбойники (на подступах к Ельне) танки противника атаковали наш батальон. На батарее лейтенанта шло несколько танков противника, а в голове танкового "клина" шел тяжелый танк "тигр". Подпустив танк противника на 150-200 метров, орудие, где наводчиком был кандидат в члены ВКП (б) сержант М.Казнев, первым снарядом разбило гусеницу танка, и тот, как ужаленный, завертелся на месте, подставив нам свой борт. Используя выгодные условия, по головному танку врага ударила вся батарея. Все четыре снаряда пробили борт "тигра", и столб пламени взметнулся вверх. Фашистский танк стал безвредным. Слава и честь артиллеристам лейтенанта К.Перкина!

Бойцы любили "Боевую информацию", принимали ее близко к сердцу, гордились подвигами своих товарищей и сами совершали их.

В бою за Ельню был поврежден танк командира роты, ранены командир и механик-водитель, и танк замолк. Не теряя ни минуты, за рычаги сел стрелок-радист гвардии сержант М.Козедубов и вывел поврежденный танк за укрытие, где тотчас была оказана медицинская помощь раненым товарищам.

За смелость и умение заменить механика-водителя в тяжелых условиях боя Михаил Козедубов был награжден орденом Красной Звезды.

На одном из собраний личного состава 273-го минометного полка в своем выступлении сержант М.Иванов заявил: "За Ельню мы дрались хорошо, за что отмечены в приказе Верховного Главнокомандующего, объявившего нам благодарность. Сейчас перед нами поставлены новые задачи, и завтра мы должны бить врага еще лучше, еще сильнее".

Успехи последних дней, в том числе и приказ Верховного Главнокомандующего, подводивший итог нашим делам, не вскружил и нам головы, а целеустремленная партийно-политическая работа смогла не только закрепить достигнутое, но и поднять весь личный состав на борьбу за еще большие результаты.

Равняясь на передовых, многие воины решили, что и они должны быть вместе с коммунистами и комсомольцами в первых рядах борьбы с врагом, и подавали заявления о приеме их в партию или комсомол. Так, в ходе боев за освобождение Ельни подали заявления о приеме в партию 184 человека и в комсомол - 287 человек.

Высокая оценка боевых дел гвардейцев нашего корпуса нашла свое почетное место в литературе послевоенного периода. Так, в Истории Великой Отечественной войны указывается, что гвардейцы корпуса с честью выполнили свою клятву. Доблестью и героизмом в новых боях они оправдали почетное звание корпуса "Тацинский", полученное ими за славные боевые дела под Сталинградом¹⁾.

Высокие результаты наших ратных дел и их оценка нас, безусловно, радовали, но вместе с этим и ко многому обязывали. Мы видели в этом большую заботу Коммунистической партии, Советского правительства, трудящихся нашей Родины, заботу тех, кто вливал в нас новые силы, веру в нашу победу и укреплял ее непрерывным потоком нового вооружения, превосходящим уже тогда не только по количеству, но и по качеству все вражеское. Дела нашего народа, успешные бои Красной Армии на всех фронтах советско-германского фронта все больше и больше убеждали нас в приближающейся нашей победе.

Свое гвардейское знамя, свою клятву гвардейцы с высокой ответственностью и честью понесли дальше - на запад.

И как бы подводя итог успешным действиям всех войск Западного фронта, сражавшихся на ельнинском направлении, уроженец этих мест поэт М.Исаковский написал:

Идут вперед неустрашимо
 Бойцы - товарищи мои,
 И Ельня - город мой родимый
 Опять в кругу своей семьи.

¹⁾ История Великой Отечественной войны т.3, Воениздат, 1961, с.335.

Пусть он разрушен, искалечен,
 Он возродится из руин,
 И подвиг твой да будет вечен,
 Советский воин - исполин"

ВПЕРЕД НА ЗАПАД

31 сентября был получен приказ о выдвижении корпуса в район 12-15 километров западнее города Ельни с задачей занять исходное положение для наступления на запад. Нам потребовалось некоторое время для уточнения обстановки на нашем направлении, увязки всех вопросов взаимодействия и организации управления. Всеми этими вопросами занимались, в основном, штабы, а личный состав частей, технические службы и службы тыла восстанавливали боевую технику и пополняли боезапасы.

В этот день мы нашли время и в конце дня провели в частях собрания, на которых зачитали приказ Верховного Главнокомандующего и разъяснили новые требования к нам и предстоящие задачи.

Поздравляя воинов корпуса с боевыми успехами, мы сосредоточили внимание на тех частях и подразделениях, которые особо отличились и на кого завтра необходимо равняться всем.

В обращении командования корпуса говорилось: "Товарищи гвардейцы-Тацинцы! Поставленная перед нами задача выполнена. Своими смелыми и решительными ударами по врагу вы освободили советский город Ельню, где в тяжелых боях 1971 года родилась советская гвардия. Гвардейцы пришли к своему "родному", выполнив свой священный долг. Поздравляем весь личный состав корпуса с большой победой над нашим смертельным врагом.

Поздравляем командование и всех воинов, особо отличившихся в этих боях, 25-й гвардейской танковой бригады, получившей почет-

ное наименование "Ельнинская", во главе с командиром полковником М.Т.Шевченко, заместителем по политической части полковником П.П. Слеповым и начальником штаба подполковником С.М.Булыгиным; 26-я гвардейской танковой бригады, где командир полковник С.К.Нестеров, заместитель по политической части полковник А.Г.Гетман, начальник штаба гвардии подполковник В.К.Шанин; командира 2-го танкового батальона гвардии капитана И.Ф.Лоленко, который первым ворвался в г.Ельню, уничтожив при этом несколько артиллерийских орудий и танк противника; гвардии рядового В.Ломова, который в разгар боя принял на себя командование подразделением, первым бросился на врага, и увлекая товарищей, в жаркой схватке уничтожил 17 гитлеровцев; командира танкового взвода гвардии лейтенанта В.С.Сентурова, который ночью с десантом на танке первый переправился через реку Угра и внезапно атаковал на позиции артиллерийский дивизион, раздавил гусеницами танка три орудия и уничтожил до 30 фашистов. Успешные и смелые действия лейтенанта Сентурова были немедленно поддержаны подразделениями бригады и к рассвету 30 августа был захвачен плацдарм на западном берегу реки Угра. Гвардии лейтенант В.С.Сентуров награжден орденом Отечественной войны 2-й степени; командира танка комсомольца гвардии младшего лейтенанта Ивана Петрунина, уничтожившего в бою танк, раздавившего орудие с расчетом и разбившего арттягач; артиллеристов 1833-го и 1819-го самоходно-артиллерийских, 272-го минометного и 1625-го зенитно-артиллерийского полков, смело и точно поражавших врага; подразделения 4-й гвардейской мотострелковой бригады полковника В.Л.Савченко, захвативших в жаркой схватке переправу через реку Угра и переправивших на западный берег 4-ю гвардейскую танковую бригаду".

За мужество и героизм, проявленные в боях за освобождение Ельни были награждены орденами и медалями сотни воинов. От имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий и проявленные при этом доблесть и мужество приказами командира

корпуса было награждено 116 воинов. Среди них были старшие лейтенанты Ф.Г.Шишков и А.М.Галкин, лейтенанты Н.В.Завьялов, Я.М.Федоров и С.Т.Бойко, старший сержант П.А.Брошков, рядовой А.П.Бессонов и многие другие¹⁾.

К утру 2 сентября корпус перешел в район западнее Ельни и занял исходные позиции для наступления на рубеже Мал.Нежода-Волково-Егорье. В первом эшелоне было три бригады - 4-я гвардейская танковая, 4-я гвардейская мотострелковая и 25-я гвардейская танковая. 26-я гвардейская танковая бригада была выведена во второй эшелон - в лес западнее Шарاپово. Штаб корпуса остановился в Шарапово.

Для нас начался новый этап, отличавшийся от прошлых тем, что мы не смогли здесь действовать как эшелон развития успеха.

Местность на нашем направлении была тяжелая: леса, перелески, болота и к тому же бездорожье. Каждый населенный пункт, высоту, даже небольшую речку приходилось брать совместными усилиями всех родов войск - стрелковых, танковых, артиллерийских, а при благоприятных условиях - и авиации, и мы вынуждены были наступать в линии стрелковых войск 10-й гвардейской и 21-й армий.

23 сентября бригады корпуса пересекли шоссе и железную дороги южнее Смоленска, а 4-я гвардейская мотострелковая бригада, которой командовал полковник В.Л.Савченко, принимала участие в освобождении города Смоленска и отличилась в бою за его освобождение, за что и была представлена к присвоению почетного звания - "Смоленская".

Однако в приказе Верховного Главнокомандующего № 25 от 25 сентября 1943 года вкралась опечатка и была упомянута 4-я гвардейская танковая бригада.

По нашему представлению Генеральный Штаб внес исправление. Почетное наименование осталось за 4-й гвардейской Смоленской мотострелковой бригадой.

¹⁾ ЦАМО, ф. 2 кв. тк, оп. 84159, д.2, лл 374-435;
оп. 343962. л.1. лл 120-169.

Крупный областной центр и важнейший узел коммуникаций, превращенный противником в укрепленный и оборонительный узел, город Смоленск был освобожден нашими войсками 25 сентября 1943 г.

В приказе Верховного Главнокомандующего № 25 был подведен итог этому этапу наступления. В нем говорилось: "Войска Западного фронта, продолжая успешное наступление, форсировали реку Днепр и после упорных боев сегодня, 25 сентября, штурмом овладели крупным областным центром - городом Смоленск, важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на западном направлении.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за Смоленск и Рославль".

В этот же день танковые бригады корпуса во взаимодействии со стрелковыми соединениями форсировали реку Сож, а к исходу 2 октября вышли на рубеж Елисеевка-Ляды-Дрибан (на рубеж реки Проня), после чего корпус был выведен в резерв фронта.

Как в прошедших боях, так и на смоленской земле гвардейцы корпуса проявили зрелость, смелость, отвагу, массовый героизм и свои задачи выполнили с честью.

В боях на смоленском направлении и особенно за Ельню войны нашего корпуса уничтожили 79 танков, 114 орудий и минометов различного калибра, 128 автомашин и более 9014 солдат и офицеров противника.

Над Ельней и Смоленском вновь взвились алые знамена нашей Родины!

РАЗГРОМ ВРАГА В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

I) На Гумбиненском направлении

(октябрь 1944 г.)

Восточная Пруссия всегда занимала особое положение в империалистических планах Германии, но особенно большое значение она приобрела в период подготовки второй мировой войны и, в частности, в подготовке нападения на Советский Союз: Ее выгодное географическое положение — близость к странам Восточной Европы, открывало выход в прибалтийские республики Советского Союза. На севере Восточную Пруссию прикрывало Балтийское море, которое позволяло совершать широкий маневр германскому флоту и создавало устойчивые пути снабжения всем необходимым как населения этого края, так и армии.

Территория Восточной Пруссии представляет собой прибалтийскую равнину с небольшими грядами возвышенностей, отдельными холмами, изрезанную большим количеством рек, заболоченных речушек, искусственных каналов, озер, болот и покрытую небольшими лесными массивами — в большинстве хвойными лесами. Край имел высокоразвитую систему аэродромов, дорожную и железнодорожную сети и очень развитую ирригационную систему, позволяющую иметь постоянные устойчивые урожаи. В общем местность чрезвычайно сложная для маневра войск и особенно для танковых соединений.

В годы войны значение Восточной Пруссии как военно-промышленного района и основной продовольственной базы Германии еще больше возросло. Здесь действовали крупные предприятия военной, судостроительной, машиностроительной промышленности, снабжавшие немецкую армию оружием и боеприпасами. Большое стратегическое значение Восточной Пруссии состояло в том, что в этом районе враг имел крупные военно-воздушный и морской флоты, крупные людские и продовольственные резервы.

Значительная часть населения Восточной Пруссии состояла из высших слоев прусачества, богатых слоев немецкой буржуазии, юнкерства и являлась наиболее реакционной частью немецкого милитаризма. Здесь оседали уволенные в запас офицеры германской армии, которые получали на льготных условиях землю и были обязаны застраивать свои владения по утвержденному военным командованием плану. Как правило, эти строения вписывались в линии обороны, оснащались необходимым вооружением, и для прорыва их требовались усилия.

Занимая руководящие посты в государственном аппарате и армии, прусское юнкерство являлось рассадником агрессивных настроений среди населения. Эти реакционные идеи оказывали большое влияние на всю Германию. Многие государственные и военные деятели Германии, уроженцы Восточной Пруссии, имевшие там обширные владения, такие как Г. Геринг, Э. Кох, В. Вейс, Г. Гудериан и многие другие, активно пропагандировали и отстаивали захватнические планы немецкого милитаризма и делали все, чтобы укрепить военно-экономическое положение этого края, подготовить плацдармы для своих захватнических целей и в первую очередь для нападения на Советский Союз. Вместе с этим, используя благоприятные географические, климатические и экономические условия, подготовить Восточную Пруссию как неприступный край на случай провала своих планов.

Задолго до первой империалистической войны Германия построила здесь большое количество крупных крепостей — Гумбинен, Инстербург, Кенигсберг, а также укрепленные районы и рубежи, а с приходом к власти фашистов значительно расширила их и укрепила старые. Так, на направлении нашего наступления находились три из шести больших и хорошо подготовленных районов: Альменхорстский, включавший Тильзит, Шталлупенен, Даркемен, Гумбинен, Инстербург, Белая; Летценский, включавший район Мазурских озер и Хейльсбергский район прикрывавший Кенигсберг с юга. Только в Хейльсбергском районе насчитывалось 911

~~Летценский, охватывавший район Мазурских озер и Хейльсбергенский райо-
ном прикрывавший Кенигсберг а впа. Тольна в Хейльсбергенском районе
на считавшиеся III долговременных оборонительных сооружений. Наи-
более совершенной была оборона в полосе наступления 3-го Белорус-
ского фронта, севернее Мазурских озер - на Гумбиненско-Инстербург-
ском направлении.~~

В Летценском районе среди Мазурских озер, вблизи города Рас-
тенбург, в глубоком подземелье размещалась ставка Гитлера -
"Вольф-Шанце" (Волчье логово).

Кроме этих трех укрепленных районов на нашем направлении на-
ходился и город Кенигсберг - крепость, а точнее, большой крепост-
ной район с центром в Кенигсберге, окруженный тремя укрепленными
оборонительными полосами, упиравшимися на севере в залив Куршес-
Хафф и на юге - в залив Фришес-Хафф. По внешнему периметру города
еще до первой империалистической войны были построены, а затем
усовершенствованы форты - крупные каменные и железобетонные соору-
жения, состоящие из нескольких блоков, способные длительное время
находиться в осадном положении. Форты были окружены глубокими
рвами, заполненными водой. Промежутки между фортами прикрывались
инженерными сооружениями: противотанковыми рвами, минными полями,
надолбами и другими сооружениями. Все это надежно прикрывалось
ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем.

Кроме укрепленных районов и крепостных сооружений, на всю
глубину с востока на запад через каждые 15-20 километров в зависи-
мости от местности были подготовлены девять оборонительных полос,
каждая из которых состояла из укрепленных позиций. Так, например,
в полосе 3-го Белорусского фронта, в направлении наступления 5 и
II-й гвардейских армий, где намечалось ввести в бой 2-й гвардей-
ский танковый корпус, была создана сильно укрепленная оборонитель-
ная система, глубина которой достигала 150-200 километров.

Полоса обороны состояла из нескольких батальонных узлов обороны, в каждый из которых входили ротные или взводные опорные пункты. Так, например, Шталлупененский узел обороны имел несколько опорных пунктов - Раудоненский, Виллиотенский, Матцукенский, имевших 17 дотов, 8 железобетонных убежищ и 2 командно-наблюдательных пункта. Дот состоял из железобетонного блиндажа с двумя-пятью казематами для размещения солдат, боеприпасов и продовольствия, колодцев, прикрытых стальными колпаками с амбразурами для пулеметов и орудий. Толщина наружной стены дота достигала почти двух метров, а железобетонных перекрытий - более 1,2 метра. Дот покрывался слоем земли до 50 см и зарастал травой. Такое сооружение имело углубление до 6-8 метров. Дот выдерживал разрывы при прямом попадании 152-мм снарядов.

Как правило, узлы обороны и опорные пункты вписывались в населенные пункты, в которых и дома приспособлялись к общей системе обороны.

На нашем направлении наступления такими узлами обороны были Шталлупенен, Гумбинен, Гольдап, Даркмен, Инстербург и многие другие.

После поражения на Курской дуге противник срочно начал готовить и подготовил перед своей государственной границей предполье - полосу обороны полевого типа глубиной 15-20 км, прикрывавшую подходы к границе Восточной Пруссии с востока.

К обороне Восточной Пруссии был привлечено все взрослое и молодое население. В каждом населенном пункте население приписывалось к конкретным объектам обороны. Чтобы укрепить моральный дух войск и населения, фашисты развернули широкую шовинистическую пропаганду, убеждая их в том, что при вступлении советских войск в Восточную Пруссию все население от малолетнего до взрослого ожидает неминуемая гибель. По существу все население, способное носить оружие, зачислялось в фольксштурмы.

Весь этот шовинистический угар подкреплялся приказом Гитлера, в котором подчеркивалось: "Каждый бункер, каждый квартал немецкого города, каждая немецкая деревня должны превратиться в крепость, у которой противник либо истечет кровью, либо гарнизон этой крепости в рукопашном бою погибнет под ее развалинами. Ее (войну - А.Б.) надо вести до конца"¹⁾.

Может быть, я несколько подробно описал направления военных действий и подготовленную там оборону. Но мне хотелось, чтобы читатель достаточно полно представил себе всю сложность и неимоверные трудности, которые потребовались от наших войск, чтобы прорвать такую оборону и разгромить врага.

Мы хорошо научились прорывать оборону, преследовать отходящего противника и с ходу освобождать советские города на широких просторах нашей Родины. Здесь же были совершенно новые условия - заранее подготовленная, глубоко эшелонированная оборона с крепостными сооружениями, занятыми отборными фашистскими войсками и почти сплошь враждебно настроенным населением.

Все это требовало от командования всех уровней поисков новых способов и форм ведения боя и операции, чтобы добиться победы с наименьшими потерями. Конечно мы не все знали, что нам нужно было знать об обороне противника. Но даже то, что было известно, заставляло нас искать новые формы оперативной и боевой подготовки войск. Мы понимали, что оперативного простора для широкого и глубокого маневра здесь, в Восточной Пруссии, нет и нам придется совместными усилиями пехоты, танков, артиллерии пробивать оборону на большую глубину, так как каждый новый оборонительный рубеж в оперативной глубине противника мог быть главным.

¹⁾ История второй мировой войны 1939-1945 гг., с. 91.

Мы не мстить несли народу Германии. Наш воин понимал и отделял фашизм от трудового народа, но он не мог простить фашистам, его главарям, и пособникам тех злодеяний, издевательств и страданий, которые принесли советскому народу. Дальнейший ход событий подтвердил наше доброжелательное отношение к немецким трудящимся. Советский воин отдавал свой кусок хлеба детям, старикам, трудовому населению, спасал их от голодной смерти, оказывал бескорыстную медицинскую помощь нуждающимся и на деле проявлял свой интернациональный долг.

В сентябре и 1-й половине октября 1944 года 2-й гвардейский танковый корпус находился в резерве командующего 3-м Белорусским фронтом и дислоцировался в районе Козлова Гуда. В течение этого времени части корпуса пополнились личным составом, боевой техникой, вооружением и необходимыми запасами боевого питания. В целом корпус восстановил свои силы после напряженных боев за освобождение Белоруссии и Литвы.

Все мы прекрасно понимали, что предстоят новые напряженные бои, но уже на вражеской территории - в логове врага, и поэтому чувствовали особую ответственность, старались использовать каждый час для изучения техники, вооружения, чтобы как можно лучше использовать их на поле боя.

К нам пришло большое количество молодых, еще не обстрелянных солдат, сержантов, офицеров, и поэтому вновь особое внимание уделялось доскональному изучению своего оружия и не только умелому использованию его, но и тесному взаимодействию со всеми родами войск, участвующими в бою. В современном бою изречение "один в поле не воин" относилось ко всем родам войск и особенно теперь, когда предстоял в разгром фашизма в его же собственной ^{территории.} бердстве.

Враг долго готовил Восточную Пруссию к обороне и считал ее непреодолимой. От нас требовалось научиться последовательно преодолевать

все эти позиции, рубежи, полосы, укрепленные районы с наименьшими для нас потерями и по возможности в короткие сроки. В связи с этим вопросам обучения воинов и их воспитания уделялось главное внимание.

Командиры бригад и отдельных частей, как правило, были опытные, закаленные в боях и очень внимательно относились и к подготовке одиночного бойца, и к слаживанию подразделений и частей в целом. Обстановка позволяла иметь в каждой бригаде и даже отдельной части свои учебные поля, стрельбища, даже было 2-3 полигона, на которых были использованы такие объекты, как доты, бронеколпаки, макеты танков, минные поля, противотанковые рвы и другие особо опасные для нас цели, которые могли встретиться в бою. Вся учеба проводилась в поле. Так, командир 4-й гвардейской танковой бригады установил на своем полигоне, в районе Козлова Руда, подбитые во время боя тяжелые танки Т-VI (тигры) и Т-V (пантеры), а также самоходные орудия фердинанды, и всех командиров танков (в том числе и офицеров) и командиров орудий (башен) обучал стрельбе броневыми и подкалиберными снарядами по этим целям.

Стреляющие на практике убедились, что "не так страшен черт, как его малюют", и уверенно поражали танки врага. Даже попадание снаряда в маску (наибольшая толщина брони) выводило танк из строя. А это было главное. Такого рода учеба на практике убеждала каждого в возможностях наших танков и создавала полную уверенность у воинов в успешной борьбе с любым танком и САУ врага. Таким же методом шло обучение в меткости стрельбы по таким целям, как амбразуры в дотах и бронеколпаках.

В мотострелковых батальонах заранее создавались штурмовые группы: 2-3 танка, стрелковый взвод с пулеметами, саперное отделение и средства связи с командиром батальона. Штурмовая группа использовалась при атаке наиболее укрепленных объектов и поддерживалась огнем батальона. Действиями штурмовой группы руководил, как правило, командир батальона или его заместитель.

В период каждого доукомплектования проходила переукомплектовка всех подразделений таким образом, чтобы в каждом подразделении были опытные воины и молодые, коммунисты и комсомольцы. Поэтому всегда большое внимание уделялось слаживанию подразделений в новом составе и вместе с этим обучению командира умело и твердо управлять своим подразделением.

Не забывали мы готовить и наши органы управления - штабы батальонов, бригад, частей, штаб корпуса. Без их слаженности, хорошей подготовки по всем направлениям невозможно управление современным боем. Этому вопросу большое внимание уделяли командиры всех уровней и особенно начальники штабов - А.В.Караван, П.П.Чепков, П.П.Двыдов, Г.В.Титов, Г.К.Ибряев, А.Т.Сивоплясов и другие, на плечи которых всегда ложились самые трудные задачи по управлению частями.

В этот период произошли небольшие изменения и в руководящем составе корпуса и бригад. Заместитель командира корпуса генерал-майор П.Д.Говоруненко ушел к новому месту службы, а вместо него был выдвинут очень опытный ветеран нашего корпуса командир 26-й гвардейской танковой бригады полковник С.К.Нестеров.

Степана Кузьмича хорошо знали не только в бригаде но и весь состав корпуса. Познакомлю читателя с этим незаурядным командиром на которого равнялись его подчиненные и многие офицеры корпуса.

Степан Кузьмич родился в 1906 году в крестьянской семье в селе Талицкий Чамлык (что под Липецком). В 1928 году был призван в армию и с тех пор целиком посвятил себя службе в ней. Успешно окончил военную школу, получил офицерское звание лейтенанта и назначен на должность командира танка. Старательно изучал в то время новую технику, тактику ее применения, рос по службе. Окончил военную академию, там же вступил в ряды Коммунистической партии. В 1939 году участвовал в боях с белофиннами в должности начальника штаба танкового батальона, а затем командовал батальоном.

В 1942 году в мае месяце молодого командира, но бывалого уже в боях назначат командиром 130-й танковой бригадой Южного фронта.

В разгар боя под Харьковом, в июне месяце этого же года 130-я танковая бригада вошла в состав 24-го танкового корпуса и уже в его составе участвовала в боях и операциях. За успешное выполнение задач в Тафинском рейде бригада была переименована в 26-ю гвардейскую танковую бригаду. Во всех боях гвардейцы этой бригады всегда умело выполняли поставленные перед ними задачи за что бригаде была награждена орденом Красного Знамени и орденом Суворова II ст., что являлось признанием и больших заслуг ее командира.

Степан Кузьмич выделялся среди многих офицеров своей организованностью, дисциплиной и такой же требовательностью к подчиненным. По характеру уравновешен и выдержан даже самых тяжелых боевых условиях. Это был зрелый командир - единоначальник, умело опиравшийся на партийный и комсомольских коллективы, с высокой ответственностью за порученное ему дело. Эти деловые - партийные и командирские качества позволили выдвинуть его на должность заместителя командира танкового корпуса.

На должность командира 26-й гвардейской танковой бригады был назначен начальник штаба подполковник В.К. Шанин, также ветеран бригады, опытный и энергичный офицер.

Все мы усиленно готовились к грядущим боям. Все хорошо понимали, что здесь, на вражеской земле, вряд ли будут нас встречать с цветами или целовать след гусениц советских танков, вряд ли мы найдем здесь и проводников для того, чтобы помочь нам выбраться из лабиринта запутанных дорог. Во всем надо было надеяться на свои знания и силы. Это обстоятельство накладывало на нас особую ответственность за морально-политическую и боевую подготовку солдат, сержантов и офицеров.

Командиры, политические отделы использовали все доступные нам формы для воспитания стойкого, убежденного в своей правоте и силе воина, преданного коммунистической партии, советскому народу и Родине.

В период нашей подготовки к новым боям к нам, в район Козлова Руда, 2 октября 1944 года прибыл командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии И.Д.Черняховский для вручения корпусу ордена Красного Знамени, которым корпус был награжден за отличные боевые действия при освобождении Советской Белоруссии. Орден был вручен нам в торжественной обстановке перед строем всего личного состава.

Весь личный состав, коленопреклоненный, под развернутыми боевыми знаменами дал клятву гвардейца-тащинца. Воины поклялись умело и беспощадно уничтожать фашистов в их собственной берлоге. В клятве говорилось: "Клянусь честью гвардейца-тащинца - в предстоящих боях действовать так, чтобы оставшиеся в живых гитлеровцы сотни лет помнили грозные атаки советских танкистов на Прусской земле".

Генерал армии И.Д.Черняховский в своем выступлении поблагодарил гвардейцев за смелые и часто тяжелые бои при освобождении Белоруссии и выразил твердую уверенность в том, что гвардейцы и здесь, в Восточной Пруссии, в предстоящих боях еще больше прославят свое боевое гвардейское знамя, еще раз покажут силу и мощь советского народа, смелость и решительность советского воина, перед которым придется отвечать фашистам за их злодеяния на советской земле.

Затем командующий фронтом ознакомился с жизнью и бытом гвардейцев и посмотрел ход боевой подготовки и боевую готовность отдельных частей. В заключение он попросил оставить руководство корпуса и в общих чертах проинформировал о предстоящем наступлении войск 3-го Белорусского фронта и задачах танкового корпуса.

На раскрывая замысла всей операции, он сказал, что войскам фронта предстоит выполнить ответственную задачу, заключающуюся в том, чтобы полностью разгромить вражеские силы в Восточной Пруссии и этим создать более благоприятные условия для дальнейшего наступления наших войск на берлинском направлении. Вначале нам придется разгромить обороняющиеся на подступах к Восточной Пруссии, затем вернуться на

где он подготовил не только оборонительные рубежи, укрепленные районы, но много неожиданных для нас сюрпризов, на что надо обратить внимание всех воинов. Без тщательной проверки трофеев не брать и в дома не заходить. Ближайшей задачей будет разгром противника в районах Шталлупенен, Гумбинен и Инстербург и выход на рубеж Инстербург-Даркемер-Гольдап.

В этой операции 2-й гвардейский танковый корпус будет составлять подвижную группу фронта, предназначенную для развития успеха общевойсковых армий после прорыва ими тактической зоны обороны. Обеспечение ввода корпуса в прорыв возлагается на командующего 5-й армией генерал-лейтенанта Н. И. Крылова.

Ближайшая задача танкового корпуса будет состоять в том, чтобы после ввода в прорыв, не ввязываясь в бой за опорные пункты и узлы сопротивления, такие как Шталлупенен, Гумбинен, Инстербург, стремительно вырваться на запад, выйти в тыл гумбиненской группировки противника и громить подходящие резервы врага с запада. Он совершенно однозначно подчеркнул, что город Гумбинен будут брать стрелковые войска. При благоприятной обстановке, в дальнейшем танковый корпус будет развивать наступление в общем направлении на Инстербург, но как это лучше будет сделать, подскажет обстановка, которая сложится к тому времени.

Прорывать оборону будут 5 и II-я гвардейские армии. Но в случае большего успеха II-й гвардейской армии корпус должен быть готовым рокироваться в полосу ее наступления. (8-й, 16-й и 31-й С.К.)

В заключение он пожелал нам новых успехов в разгроме врага.

В своем коротком выступлении командующий фронтом еще раз раскрыл перед нами свое глубокое понимание характера современной операции и роли каждого рода войск в ней.

Он оставил в наших сердцах убеждение в том, что нами руководит хотя и молодой, но талантливый и мудрый руководитель. А это очень важно для войск. Нашим ответом была усиленная и напряженная учеба, подготовка войск к предстоящим боям. Еще с большей силой мы верили в нашу окончательную победу.

К исходу 13 октября 1944 г. корпус в целом был готов к боевым действиям.

К 8.00 15 октября 1944 г. 2-й гвардейский танковый корпус вошел в полосу 5-й армии и сосредоточился в районе Саморцуны, Руда, Лоезгоры.

~~Левая наступала II-я гвардейская армия.~~ Все вопросы взаимодействия перед вводом, при вводе в прорыв и в ходе наступления в глубине были отработаны командирами, штабами в период с 8 по 13 октября. *Левая наступала II-я гвардейская армия.*

С утра 16 октября после продолжительной артиллерийской подготовки войска 3-го Белорусского фронта перешли в наступление. В течение двух с половиной суток не удавалось прорвать приграничную полосу обороны, и только к исходу 16 октября обозначился успех в полосе наступления II-й гвардейской армии.

Командующий фронтом решил использовать этот успех, переподчинив командующему II-й гвардейской армией генерал-полковнику К.Н. Галицкому и свою подвижную группу - 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. Вызвав меня к аппарату (я был на III командарма-5), командующий фронтом объявил мне свое решение по использованию корпуса в полосе наступления II-й гвардейской армии, предупредив, что главная задача корпуса остается прежней, а именно - войти в прорыв в полосе II-й армии, нанести удар в направлении Вальтеркемен и, не ввязываясь в бой за узлы и опорные пункты сопротивления, форсировать реку Роминте, войти в район западнее г. Гумбинен, отрезать гумбиненскую группировку и не допустить в этот район подходящие резервы с запада. Частью сил захватить плацдармы на западном рубеже р. Ангеррапп в районе Немерсдорф. Вместе с этим он предупредил, что по западному берегу реки Ангеррапп подготовлен рубеж обороны, но войсками противника полностью еще не занят. Далее он сказал, что так как корпус переходит оперативное подчинение командующему II-й гвардейской армией, то и все вопросы обеспечения корпуса при вводе в прорыв возложены на командующего этой армией, к которому мне надлежит немедленно выехать, получить у него конкретную задачу и согласовать все вопросы взаимодействия с соединениями, которые действуют в этом направлении.

Получив новую задачу, корпус в ночь с 18 на 19 октября в очень трудных условиях - всю ночь шел дождь, а к рассвету опустился густой туман - совершил 50-60 километровый марш вдоль фронта с севера на юг и к 7.00 19 октября сосредоточился в районе Гросс-Зоденен, Колсодзе, Метлава - в полосе наступления II-й гвардейской армии.

Танкисты пришли к восточной границе Германии с особым подъемом и боевым настроением. Ведь нам предстояло в числе первых перейти границу восточной Пруссии и начать громить врага на его собственной территории, о чем мы мечтали и говорили перед началом Великой Отечественной войны. Теперь этот момент настал.

На митинге в 25-й гвардейской танковой бригаде командир I-й танковой роты 3-го танкового батальона старший лейтенант А.М. Метельский заявил: "Мы удостоены большой чести добить раненого фашистского зверя в его собственной берлоге. Я заверяю командование, что танки моей роты будут беспощадно уничтожать врага и здесь, на прусской земле. Гвардейцы выполнят свою задачу до победного конца". Слова командира роты А.М. Метельского отражали мысли и настроения всего личного состава корпуса.

Ночью 19 октября я с оперативной группой, в которую входили начальник штаба корпуса полковник А.С. Караван, командующий артиллерией полковник Л.В. Дубман, начальник оперативного отдела подполковник Н.Р. Репин, начальник разведотдела подполковник В.М. Кузнецов, начальник связи корпуса подполковник Б.Д. Геллер, выехал в штаб II-й гвардейской армии для ознакомления с обстановкой перед фронтом армии и в первую очередь на направлении ввода корпуса в прорыв. В центре, на главном направлении, наступал 16-й гвардейский стрелковый корпус двухдивизионного состава, причем в первом эшелоне наступала одна 31-я гвардейская стрелковая дивизия. Во втором эшелоне шла I-я гвардейская стрелковая дивизия, усиленная 213-й танковой бригадой, составлявшая подвижную группу армии.

В период нашей работы в штабе армии мы узнали, насколько сложным и трудным был прорыв обороны противника в приграничной полосе. Враг

Начав наступление 16 октября, II-я гвардейская армия за два дня наступления смогла прорвать оборону только в приграничной полосе (или в предполье) и вплотную подойти к государственной границе Восточной Пруссии.

Особенно трудным был бой в первый день наступления. Стремление как можно скорее прорвать оборону противника привело к большим потерям наших войск и особенно танковых бригад - 153-й, приданной по частям 26 и 31-й гвардейским дивизиям, и 213-й, входившей в подвижную группу армии.

В сложившейся обстановке командующий армией вынужден был в первый же день (16 октября) ввести в бой и свою армейскую подвижную группу. Успешный ввод в бой армейской подвижной группы на неподвижную оборону привел к тому, что 213-я танковая бригада понесла большие потери в людях и танках. Погибли командир бригады полковник М.М.Клименко командиры I и 2-го батальонов Г.И.Сергейчук и Н.А.Курбатов. Во 2-м батальоне погибли все командиры рот. Бригада потеряла 20 танков, в том числе и те, на которых были радиостанции¹⁾. Сосредоточенного удара не получилось. Командир I-й гвардейской стрелковой дивизии и командир 213-й танковой бригады потеряли управление, армейская подвижная группа в этот день задачи не выполнила. Главной причиной неуспеха было отсутствие тесного взаимодействия между танками и пехотой, и тех и других с артиллерией и авиацией. Как известно, у пехотинца и танкиста разные скорости движения, а для совместного удара нужна хорошая слаженность действий как по времени, так и по рубежам, а этого-то и не было. Урок тяжелый, но мы сделали необходимые выводы и для себя.

Сделали вывод из этого урока и командиры I-й гвардейской стрелковой дивизии и -й танковой бригады. Во все последующие дни они действовали успешно. Уже в середине дня 18 октября I-я гвардейская

¹⁾ К.Н.Галицкий. В боях за Восточную Пруссию. Издательство "Наука", 1970 г., с.79.

стрелковая дивизия с 213-й танковой бригадой первыми пересекли государственную границу Восточной Пруссии, за что Указом Президиума Верховного Совета 1-я гвардейская стрелковая дивизия была награждена орденом Ленина. На направлении наступления 31 и 1-я гвардейских дивизий должен был вводиться и наш корпус.

В штабе нас проинформировали о действиях противника. Противник оказывал упорное сопротивление. Кроме действующих перед нашим фронтом наступления войск - 549, 561, 547 и 131-й пехотных дивизий, отдельных танковых батальонов и противотанковых частей, - противник развернул на главном направлении наступления армии 1-ю танковую дивизию "Герман Геринг" и 102-ю танковую бригаду. Всего перед фронтом наступления армии насчитывалось до 250 единиц танков и самоходных орудий. Наша авиационная разведка докладывала, что в районе Гумбинен стягиваются крупные силы танковых и моторизованных войск.

Обстановка осложнялась. Штаб армии считал необходимым наращивать усилия армии за счет ввода подвижной группы фронта на главном направлении. Для обеспечения ввода танкового корпуса в прорыв командующий 11-й гвардейской армией приказал командиру 16-го гвардейского стрелкового корпуса с утра 19 октября форсировать р. Мисса, захватить плацдарм; в последующем в тесном взаимодействии со 2-м гвардейским танковым корпусом наступать в направлении Вальтеркемен-Гумбинен.

Условия ввода в бой танкового корпуса усложнились тем, что предстояло форсировать р. Мисса и прорвать еще один укрепленный рубеж на ее западном берегу. Самым досадным для нас было то, что противник раскрыл направление главного удара и стал выдвигать на это направление свои танковые и механизированные войска. Перед фронтом 11-й гвардейской армии уже появилась танковая дивизия "Герман Геринг". Внезапность удара танкового корпуса была потеряна. Теперь надо было рассчитывать на тесное взаимодействие всех родов войск, и особенно на активные действия как штурмовой, так и бомбардировочной авиации.

Время поджимало, и мы (оперативная группа корпуса) еще до рассвета выехали на наблюдательный пункт командующего II-й гвардейской армией на высоту 141,6 в районе Галкемена (уже на территории Восточной Пруссии).

Рано утром 19 октября, прибыв на НШ командующего II-й гвардейской армией, мы застали там уже прибывших командующего бронетанковыми войсками фронта генерал-полковника А.Г.Родина и командующего воздушной армией генерал-полковника Т.Т.Хржина. После кратких приветствий и уточнения положения стрелковых войск и танкового корпуса командующий II-й гвардейской армией уточнил последние данные о противнике и закончил свое выступление общими выводами. Он сказал: "Центр тяжести в развитии операции 3-го Белорусского фронта переместился в полосу наступления II-й гвардейской армии. Сюда выдвинут 2-й гвардейский танковый корпус. В связи с решением ввести в прорыв 2-й гвардейский танковый корпус в полосу наступления нашей армии ее задачи несколько уточнились. Теперь войска армии должны развить успех совместно с подвижной группой фронта и вместе с ней, упрямая противника ударом главных сил в северо-западном направлении овладеть Гумбиненом и одновременно выйти на рубеж р.Ангерапп"1).

Командующий II-й гвардейской армией сделал совершенно правильный вывод - разгромить противника можно было только общими усилиями главных сил армии на главном направлении - на Гумбинен.

Затем генерал-полковник К.Н.Галицкий поставил перед нами задачу: "2-му гвардейскому танковому корпусу в тесном взаимодействии с 16-м гвардейским стрелковым корпусом войти в прорыв на западном берегу реки Мисса в местке Карлинен-Энгелиткен. Ближайшая задача корпуса -

1) К.Н.Галицкий. В боях за Восточную Пруссию, Издательство "Наука", 1970 г., стр.123-126.

разгромить противостоящего противника, углубиться в его оборону на 10-20 километров и выйти на рубеж р. Роминте. В дальнейшем, прикрывшись одной бригадой с запада на рубеже р. Ангеррапп, быть готовым к наступлению на Гумбинен и овладению этим важным узлом обороны. При развитии наступления на Гумбинен корпус будет усилен II-й гвардейской стрелковой дивизией¹⁾. Исходным районом перед выходом на рубеж ввода командующий определил район Пиллюпенен. Расположение в указанном районе бригад и рубеж ввода надо согласовать с командиром 16-го гвардейского стрелкового корпуса.

"Основным условием успеха подвижной группы фронта как в день ввода танкового корпуса, так и в последующие дни мы считаем продвижение соединений 16-го корпуса на главном направлении армии. Наступление обоих корпусов должно проходить в самом тесном взаимодействии, особенно когда танки поддут на Вальтеркемен, Гумбинен"²⁾.

Должен сказать, что поставленные задачи несколько расходились с ориентировкой командующего фронтом, который считал, что танковый корпус бить укрепленный немецкий город не может, а его задача - как можно быстрее обойти город с запада, отрезать гумбиненскую группировку и бить подходящие резервы с запада. Кроме того, командующий фронтом считал, что благоприятных ^{при} условиях необходимо не "прикрываться одной бригадой с запада", а захватить плацдарм на западном берегу р. Ангеррапп в районе Немерсдорфа и этим создать условия для последующего развития операции.

1) К. Н. Галицкий "В боях за Восточную Пруссию" Из-во "Наука", Москва, 1970 г., с. III.

2) Так же, с. II2

Но так как здесь присутствовал командующий бронетанковыми войсками 3-го Белорусского фронта генерал-полковник А.Г.Родин, я не считал возможным уточнять эти вопросы, полагая, что командующий фронтом внес некоторые изменения в сказанном мне ранее. Тем более не стоило поднимать эти вопросы, так как речь шла о дальнейшей задаче после форсирования р.Роминте, где задача так или иначе будет уточняться. Обнадеживало меня и то, что мы будем решать наши задачи совместно с 16-м гвардейским стрелковым корпусом, у которого есть пехота и артиллерия, как своя, так и приданная.

Для вызова авиации и управления ею командующий воздушной армией генерал-полковник Т.Т.Хрюкин выделил своего представителя - майора Капустина с радиостанцией. Материальное обеспечение - горючее, продовольствие, боеприпасы - корпус получал с фронтовых баз и подвозил все своим транспортом.

Изменений в построение боевого порядка я не вносил - оставил прежние: в первом эшелоне шли 26 и 25-я гвардейские бригады, а во втором эшелоне 4-я танковая и 4-я мотострелковая гвардейские бригады. Бригадам был дан маршрут выдвижения, последовательность и новый исходный район. Начальник штаба корпуса полковник А.Ф.Караван тут же ушел в штаб корпуса, чтобы отдать бригадам распоряжения: о высылке разведорганов и постов наблюдения в боевые порядки 31 и 1-й гвардейских стрелковых дивизий; на участке которых будет вводиться корпус; о выдвижении отрядов обеспечения движения по маршрутам бригад, встрече бригад в исходных районах и подготовке мест переправ через р.Писса. Мы условились, что выдвижение бригад в исходные районы начнем по моему радиосигналу "333", а к рубежу ввода - по сигналу "444".

Я с оперативной группой выехал к командиру 16-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майору С.С.Гурьеву для согласования

всех вопросов, связанных с выполнением ближайшей задачи. Времени оставалось мало, а оно в таких случаях бежит неумолимо быстро, поэтому передвигаться надо было очень быстро, а согласовывать задачи очень кратко и только по вопросам, которые требуют решения уже в ближайшие часы. Но их тоже набегают немало. Например, необходимо было сразу точно определить, на какой рубеж смогут выйти I и 31-я гвардейские стрелковые дивизии к 15-16 часам; определить рубеж обгона пехоты танками и обозначить его хотя бы ракетами; где и сколько будет переправ через р. Писса, а если западный берег захватить не удастся, то какие средства и силы и к какому сроку готовятся для их наведения; сколько и какой артиллерии будет привлечено для обеспечения ввода в прорыв; по каким целям и районам будет вестись огонь и на какую глубину; какие артиллерийские дивизионы и сколько их будет перемещаться за боевыми порядками танков первого эшелона, порядок перемещения и управления этой артиллерией; сколько и какой авиации необходимо вызвать для подавления целей в глубине обороны. Сухопутным войскам очень трудно определить цели, которые должна подавить авиация в глубине обороны, да еще в динамике боя. В этом случае мы полностью полагаемся на наших смелых и грамотных авиаторов. Они сами должны найти цели в определенных им районах и уничтожить их или подавить. Сухопутные войска, как правило обязаны обозначить свой передний край, что помогает летчику определить, где свои и где противник.

Все эти вопросы и многие другие мы подробно отработывали со штабом 5-й армии и ее дивизиями первого эшелона в течение нескольких дней, а теперь им должны были выполнить эту задачу в течение двух-трех часов. Большой опыт рядовых офицеров штаба и начальников служб корпуса позволил согласовать большую часть основных вопросов с командиром 16-го гвардейского стрелкового корпуса и начальниками его родов

войск и служб. Мы условились постоянно поддерживать связь, а свои НП размещать поближе один в другому.

В середине дня 19 октября войска I и 31-й гвардейских стрелковых дивизий смогли выбить противника с восточного берега р. Писса и захватить ее западный берег. Река Писса небольшая - 5-8 метров шириной и более одного метра глубиной, но препятствие для танков она представляла серьезное. Берега реки были обнесены высокими насыпными валами. Без специальных работ преодолеть их было очень трудно.

Захватив западный берег, саперы сразу же приступили к работам и оборудовали несколько бродов, что позволило начать пропуск танков на западный берег. Танкисты 25 и 26-й гвардейских бригад совместно с войсками 31-й гвардейской стрелковой дивизии атаковали противника, уничтожили его очаги сопротивления, сожгли несколько танков и самоходок, раздавили противотанковую артиллерию. Стремительные совместные действия танкистов и войск стрелковой дивизии позволили сразу же значительно расширить плацдарм. К отражению этого удара противник не был готов и вынужден был оставить значительную территорию. Всю ночь шла переправа на западный берег. Тактически рубежом ввода в бой корпуса и оказалась р. Писса.

В это время погода стояла отвратительная - шел мелкий дождь, небо было закрыто облаками, почва размокла и даже танкам большую скорость развить было трудно. Авиация противника на поле боя не появлялась. Так что не всегда плохую погоду следует считать "плохой". Все это для нас было очень важно еще и потому, что в период ввода в прорыв в полосе наступления стрелковых войск происходило наложение - большая скученность боевых порядков, и именно в этот момент авиация противника нанесла нам большие потери.

Используя благоприятные непогодные условия, к утру мы переправились на западный берег р.Писса, и главные силы корпуса, вливаясь в боевые порядки стрелковых войск, готовились перейти в наступление. Ночь с 19 на 20 октября прошла в напряженном труде, но бой не прекращался - шла ружейно-пулеметная стрельба, противник вел артиллерийский и минометный огонь по переправам и районам предполагаемого сосредоточения войск. Местность свою он знал хорошо. Отвечала на огонь врага и наша артиллерия. В общем и ночью фронт жил своей особой боевой жизнью. Не обошлось без потерь и у нас, и у противника.

Утро 20 октября мы встретили в сплошном густом тумане, и начинать наступление было невозможно. Примерно только к 11 часам туман начал подниматься и, желая предупредить противника, около 12 часов началась наша артиллерийская подготовка по обнаружившим себя целям. На небе образовались разрывы в облаках, и представилась возможность подняться и нашей авиации - бомбардировщикам и истребителям. Появление в воздухе нашей авиации не только поднимало настроение, но и как-то подтягивало всех и вызывало стремление не упустить момент, когда противник прижат к земле нашей авиацией или загнан ю в щели.

В 12.30 перешли в наступление головные танковые бригады и гвардейцы 31-стрелковой дивизии. Подключилась и ударила наша штурмовая авиация. Все мы были рады тому, что с воздуха нас поддерживает, а точнее, с нами наступает наша штурмовая авиация, хорошо нам знакомая по боям в Белоруссии - 1-я гвардейская штурмовая авиационная дивизия полковника С.Д.Пруткова. Летчики этой дивизии легко находили на поле боя наши танки (на башне белый круг, а по бокам ее белая стрела в направлении нашего наступления) и, ориентируясь по ним твердо знали, что впереди нас может быть только противник, и смело штурмовали цели. Я не боюсь повториться и скажу, что такое взаимодействие приносило нам общий успех.

На территории Восточной Пруссии враг оказывал упорное сопротивление. Каждый хутор, фольварк надо было брать с боем. Враг оставлял

у нас в тылу свои группы, одетые в гражданскую одежду, которые внезапно открывали огонь и наносили нам большой урон. Наступление замедлялось, а эти группы, выполнив свое подлое дело, уходили в заранее подготовленные укрытия. Конечно, потом их находили и уничтожали, но на это нужно было время, которого у нас и так не хватало. Приходилось буквально сметать с земли все встречавшиеся строения.

В середине дня 26-я гвардейская танковая бригада шла в направлении на Коссубен. Ее головной танковый батальон, которым командовал майор И.С. Лоленко, с ходу ворвался в этот населенный пункт, уничтожил несколько танков и самоходных орудий, раздавил до дивизиона полевых орудий, побил много фашистов и захватил важный для нас населенный пункт Коссубен.

Это был опытный и смелый командир, о котором читатель уже знаком по прошлым боям, но он заслуживает того, чтобы еще раз рассказать о нем. Иван Федорович недавно прибыл из госпиталя, в котором он находился на излечении после ранения под Минском (в госпиталях после ранения он побывал уже 13 раз), и принял свой родной батальон. Батальон встретил его как родного отца, верил ему и слушался беспрекословно. Это было у него уже четырнадцатое ранение, но он добился назначения в свою бригаду, в которой он несколько раз награждался высокими правительственными наградами.

И здесь, оказавшись в отрыве от главных сил бригады, он оказал упорное сопротивление контратакующему противнику. Но превосходство противника в силе заставило командира батальона оставить населенный пункт Коссубен.

В это время левее (вблизи Коссубена) наступала 25-я гвардейская танковая бригада, где находился заместитель командира корпуса полковник С.К. Нестеров. Узнав о событиях под Коссубеном и получив от меня согласие, он повернул 25-ю бригаду на север - на Коссубен и сам выехал в 26-ю гвардейскую танковую бригаду, которой недавно еще командовал, чтобы на месте организовать взаимодействие двух бригад и, ко-

нечно, оказать помощь молодому командиру бригады подполковнику Шанину, недавно принявшего от него бригаду и безусловно нуждавшегося в его помощи и советах.

Согласованными ударами двух бригад разгромили и эту группу противника, Коссубен был вновь нашим. На поле боя враг оставил 12 танков сгоревшими и столько же подбитыми, противотанковую артиллерию и большое количество убитых. В разгар боя за Коссубен 20 октября Степан Кузьмич Нестеров был смертельно ранен автоматчиками противника. Пав смертью храбрых на поле боя при вторжении в Восточную Пруссию, коммунист гвардии полковник С.К.Нестеров до конца выполнил свой долг.

За мужество и героизм, проявленные в бою при прорыве обороны немцев и вторжении в пределы Восточной Пруссии, гвардии полковнику Степану Кузьмичу Нестерову Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Степан Кузьмич Нестеров прошел длинный и тернистый путь в годы Великой Отечественной войны. Командуя бригадой с мая 1942 года, он участвовал в Сталинградской битве (участник глубокого и беспрецедентного рейда в тыл врага - на Тацинскую), (в операции "Мальва Сатурн"), в освобождении восточной Украины, гнал врага под Прохоровкой, в битве за освобождение Ельни, Смоленска, Минска, Каунаса. Был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, двумя орденами Суворова 2-й степени, орденом Александра Невского и многими медалями.

В знак вечной благодарности к герою город Шталлупенен переименован в город Нестеров, а в центре города ему воздвигнут памятник.

Узнав о смерти бывшего своего командира, воины 26-й гвардейской танковой бригады еще решительнее шли вперед и еще сильнее громили врага. "Памятником ему будет наша победа", - говорили воины.

Танковые бригады стремительно шли на запад. Естественно, стрелковые части с таким темпом продвижения справиться не могли и отстали. Бои в районе Коссубен несколько задержали бригады, поэтому, чтобы не снижать темпа наступления и расширить его фронт, что в свою очередь

119

давало возможность более уверенно подойти к реке на широком фронте, а затем форсировать ее, была введена в бой и 4-я гвардейская танковая бригада, которой командовал полковник О.А.Лосик. Бригада получила задачу стремительно развивать успех в направлении Загинен, Праслаукен, захватить там переправы, а затем и плацдарм на западном берегу р.Роминте.

Теперь устремились к р.Роминте три танковые бригады. Во втором эшелоне, в центре, выдвигалась 4-я гвардейская мотострелковая бригада. Она имела задачу быть готовой направиться туда, где сложится более благоприятная обстановка для форсирования р.Роминте. По существу в это время (конец дня 20 октября) мы не чувствовали уже соседей ни справа, ни слева. Уничтожая встречавшиеся разрозненные части врага, к 18-19 часам три танковые бригады подошли к р.Роминте. 26-я гвардейская танковая бригада вышла восточнее населенного пункта Друшксникен, 25-я гвардейская танковая бригада - в район восточнее Вальтеркемен, а 4-я гвардейская танковая - в район Праслаукен. Бригады подошли к р.Роминте на довольно широком фронте - 8-10 км. 4-я гвардейская мотострелковая бригада шла в центре - во втором эшелоне.

Первой в район Вальтеркемен подошла 25-я гвардейская танковая бригада. С целью ускорить форсирование реки ей был придан один батальон мотострелковой бригады. Река Роминте представляла более серьезное препятствие, чем р.Лисса, а стрелковых войск вблизи еще не было - они отстали.

Позже нам стало известно, что в это время, примерно около 19-20 часов 20 октября, 11-я гвардейская стрелковая дивизия из состава 36-го гвардейского корпуса перешла в подчинение 16-го гвардейского корпуса и вместе с 1-й гвардейской дивизией этого же корпуса была втянута в бой по отражению контрнаступления противника в районе Гросс-Тракенен (10-12 км восточнее г.Гумбинен). Поэтому принять участие в форсировании р.Роминте совместно с таким корпусом и участвовать с утра 21 октября в бою за Гумбинен эта дивизия не могла. 31-я гвардейская стрелковая дивизия отстала, но шла в направлении

452

Очевидно, не совсем точно ориентированный в обстановке командующий II-й гвардейской армией принял решение и вечером 20 октября поставил следующую задачу танковому корпусу:

"2-му гвардейскому танковому корпусу и II-й гвардейской стрелковой дивизии с рассветом 21 октября продолжать стремительное наступление с ближайшей задачей овладеть Гумбином. Одной танковой бригадой обеспечить действие главной группировки армии с запада, для чего выйти на р. Ангерап, захватить переправы на рубеже Забаджунен-Немерсдорф (7 км) и захватить плацдарм на западном берегу реки.

16-му гвардейскому корпусу (31, I и II-я гвардейским дивизиям) было приказано с утра частями 31-й гвардейской дивизии во взаимодействии со 2-м гвардейским танковым корпусом продолжать наступление с ближайшей задачей форсировать р. Роминте и в дальнейшем продвигаться на юго-запад в общем направлении на Диджиддерн (9 км юго-западнее Вальтеркемен) - Даркемен¹⁾.

Таким образом, 16-й гвардейский корпус разрывался на две части - одна часть (I и II-я стрелковые дивизии) была втянута в бой в районе Гросс-Тракенена (восточнее г. Гумбинен), а другая часть (31-я гвардейская стрелковая дивизия) направлялась на юго-запад в направлении Даркемен. Слева по этому же направлению наступал и 36-й гвардейский стрелковый корпус. По существу, совместные действия с 16-м гвардейским корпусом по овладению г. Гумбином исключались, так как его дивизии расходились в разные направления.

Получив приказ командующего II-й гвардейской армией, мы долго думали над ним. Главные силы армии - 36 и 16-й гвардейские стрелковые корпуса направлялись не на Гумбинен (главная ближайшая цель операции), а уходили в стороны, как бы раскрывая ворота для кого-то. Мы пришли к заключению, что на этом направлении будет вводиться, очевидно, 28-я армия, с которой нам придется брать Гумбинен. Ничем другим мы не могли объяснить разрыв в боевых порядках войск II-й гвардейской

1) К.Н. Галицкий. В боях за Восточную Пруссию, Из-во "Наука", 1970,

армии. Терять время было нельзя, и мы приступили к выполнению поставленной перед нами задачи - захватить плацдарм на западном берегу р.Роминте и изготовиться для наступления на Гумбинен.

К этому времени начальник штаба 25-й гвардейской бригады майор Г.Д.Мокрицкий доложил, что река Роминте местами примерно такая же, как Писса, и что севернее и южнее Вальтеркемена есть броды, а в центре населенного пункта нами захвачен невзорванный мост. На западном берегу, в основном в районе Вальтеркемена, обороняются пехотные подразделения, а танков как будто не видно. Обстановка подсказывала, что противник не успел подвести сюда крупные силы и форсировать р.Роминте нужно не медля, то есть сегодня в ночь на 21 октября. С учетом сложившейся обстановки бригадам были поставлены следующие задачи.

25-й гвардейской танковой бригаде со 2-м батальоном 4-й гвардейской мотострелковой бригады (она следовала за 25-й бригадой) при поддержке 273-го минометного полка и артиллерийского дивизиона мотострелковой бригады форсировать р.Роминте севернее и южнее Вальтеркемена; используя имеющиеся там броды, захватить западный берег; не вступая в бой за Вальтеркемен, стремительно двигаться на Немерсдорф и при благоприятных условиях с утра 21 октября захватить плацдарм на западном берегу р.Ангерапп.

4-й гвардейской мотострелковой бригаде во взаимодействии с 25-й гвардейской танковой бригадой форсировать р.Роминте, захватить плацдарм на западном берегу и очистить от противника м.Вальтеркемен. В дальнейшем утром 21 октября выйти в район западнее Вальтеркемена в готовности продвигаться на запад за 25-й танковой бригадой или на север в направлении на Гумбинен.

26-й гвардейской танковой бригаде форсировать р.Роминте в районе Замелюкен или Друтишкен (3-4 км севернее Вальтеркемена) и выйти на рубеж Нойштакемен-Пликен и подготовиться к наступлению на Гумбинен. Установить связь с II-й гвардейской стрелковой дивизией, которая также получила задачу выйти в этот район, и отработать с ней все вопросы совместных действий по наступлению на Гумбинен.

4-й гвардейской танковой бригаде форсировать р.Роминте в район Праслаукен (4-6 км юго-восточнее Вальтеркемена) и, наступая в северозападном направлении на рубеж Пликен-Шульген, быть готовой к наступлению на Гумбихен. Установить связь с соседом справа - 26-й гвардейской танковой бригадой и 4-й гвардейской мотострелковой бригадой, выдвигавшейся в район западнее Вальтеркемена.

Оперативная группа выходила в район расположения 4-й гвардейской мотострелковой бригады. Еще засветло бригады разведали подходы к р.Роминте и подготовили необходимые средства для оборудования бродов, а там, где были мосты, - для захвата их. У нас не было данных о том, что противник организованно занял оборону по западному берегу р.Роминте, а обнаруженные небольшие отряды прикрытия, сосредоточенные в основном у мостовых переправ, не могли оказать нам серьезного сопротивления. Эту обстановку и надо было использовать, пока противник не подвел свои резервы и: глубины или не перебросил их с других участков фронта. По опыту прошлых боев мы знали, что гитлеровские солдаты не особые охотники ночного боя и в это время сопротивление с их стороны резко снижается. Кроме того, быстрое продвижение войск II-й гвардейской армии, в том числе танкового корпуса, создавало большие трудности противнику в организации прочной обороны в оперативной зоне. Так или иначе, но было принято решение не упускать благоприятно сложившихся для нас условий, и мы не ошиблись.

С наступлением темноты моторизованные батальоны танковых бригад подошли к реке и под прикрытием танков, готовых открыть огонь по вспышкам с западного берега, ^{по заваленным мостам и} на подручных средствах форсировали реку и захватили ее западный берег (мы таким же способом форсировали р.Березину в июне этого года, хотя здесь р.Роминте не представляла особо большого препятствия). Скорее были усилены броды, и танки с десантами автоматчиков появились на западном берегу. Командиры бригад - полковники В.К.Шанин, С.М.Булдгин, О.А.Лосик лично руководили боем по зах-

зату плацдарма на западном берегу. На всем 8-10 километровом участке шла ружейно-пулеметная и орудийная стрельба танков. При всем желании задержать наше наступление враг не смог.

Наиболее успешно начала наступление 25-я гвардейская танковая бригада. Бригада прибыла в свой район раньше, да и возможностей здесь было больше, так как большую помощь ей оказала взаимодействующая с ней 4-я гвардейская мотострелковая бригада. К 24 часам бригада была уже на западном берегу и усредила к своей цели - в район Немерсдорф. Пройдя 10-12 километров, к 8 часам утра бригада подошла к реке Ангерапп у железнодорожного моста (мост был хорошим ориентиром). В голове двигался 2-й танковый батальон под командованием майора К.В. Марченко с десантом автоматчиков. В тумане охрана противника не разобрала, чьи танки идут, и железнодорожный мост был захвачен без особого труда. Разобравшись в обстановке, командир батальона не растерялся, спешил с танков десант и захватил в укрытиях - дотах, растерявшихся и насмерть перепугавшихся фашистов. Туман поднялся, что ускорило разгром противника в этом районе. Панический страх жителей и гарнизона в небольшом местечке Немерсдорф облегчил и здесь нашу задачу. Права русская пословица "Смелость города берет". Здесь бригада уничтожила до десяти 75-мм орудий на позициях, захватила несколько дотов, уничтожила до 100-150 сопротивлявшихся гитлеровцев и 35 фашистов взяла в плен¹⁾.

В течение двух с половиной суток бригада с мотострелковым батальоном мотострелковой бригады удерживала этот важный для наших войск плацдарм. Противник подвел резервы (полк парашютной дивизии) и в течение всего времени пытался восстановить положение, но все было напрасно. Особенно усердствовала артиллерия противника, она непрерывно "висела" на бригадой. Был контужен командир бригады полковник

1) ЦАМО, ф.3400, оп.1, д.51, с.367

С.К.Будыгин, ранен командир I-го танкового батальона майор И.В.Луков и многие другие гвардейцы, но "ельнинцы" не дрогнули. В последующие дни - 21, 22 и в первой половине дня 23 октября бригада не только отразила все атаки врага, но и, расширив плацдарм, заняла рубеж Вилькенек-Немердорф-Будвейтшен.

Успешно форсировали р.Роминте и все остальные бригады корпуса. Преодолевая сопротивление опорных пунктов и выдвигавшихся частей противника к р.Роминте, во второй половине дня 21 октября бригады вышли на указанные рубежи. Надо было разобраться в обстановке. Корпус и бригады выслали свои органы разведки и пытались уточнить оборону Гухфинена. Кроме того, мы надеялись на быстрый подход стрелковых войск. Со штабом мы долго разбирались, где находятся II-я и III-я гвардейские дивизии. Уже в конце дня мне удалось связаться с командиром II-й гвардейской дивизии генералом Н.Г.Цыгановым, который информировал меня о том, что дивизия в течение нескольких дней перебрасывается с одного участка фронта на другой, имеет большие потери, а сейчас находится на марше и в намеченный район - на западный берег - сможет прибыть только завтра (22 октября) не ранее 10-12 часов. Сам генерал Н.Г.Цыганов с оперативной группой штаба сможет прибыть сегодня и просит указать место встречи. Место встречи с командиром 26-й бригады подполковником В.К.Шаниным я назначил в Замелькене. Лично встретиться с этим действительно замечательным командиром у меня возможности не было. В ходе наступления мне также не удалось встретиться и с командиром 16-го гвардейского стрелкового корпуса генералом С.С.Гурьевым. Да он, по-видимому, и не искал такой встречи потому, что еще 20 октября получил новую задачу и был озабочен ею.

В течение второй половины дня 21, ночи и утра 22 октября наша разведка на всех направлениях обнаружила и артиллерию, и танки, и пехоту противника. Попытка ворваться в город передовыми батальонами

в конце для 21 октября успеха не имела, а привела к неоправданным потерям. Командующий армией настоятельно требовал брать город. Мои доклады о том, что у меня совершенно нет артиллерии для подавления обороны противника в городе и что танки без пехоты в таком городе, как Гумбинен, беспомощны, отклонялись тем, что мне придана II-я гвардейская дивизия.

Выполняя эти настоятельные требования, я решил главным образом силами — две бригады — обойти город западнее и нанести удар с запада на восток, а одной (26-й танковой бригадой, с подошедшими частями II-й стрелковой дивизией) нанести удар с востока.

Бригадам поставил следующие задачи:

26-й гвардейской танковой бригаде с подошедшими частями II-й гвардейской дивизии наступать на восточную окраину Гумбинена и овладеть ею.

4-й гвардейской танковой бригаде с 4-й гвардейской мотострелковой бригадой обойти Гумбинен с запада, отрезать железную и шоссевые дороги с запада и захватить западную окраину города. Поддерживали наступление бригад артиллерийские части корпуса: 28-й дивизион гвардейских минометов и подошедшая артиллерия II-й гвардейской стрелковой дивизии (дивизионный полк). В наступлении участвовали подошедшие стрелковые части и подразделения этой дивизии.

Наступление было назначено на 10 часов после 15-минутного огневого налета. Я просил штаб армии нанести мощный удар бомбардировочной авиацией в период с 9.30 до 10 часов 22 сентября. В назначенное время части корпуса перешли в наступление. С наблюдательного пункта (безмянная высота севернее Пдикена) мы наблюдали, как пошли танковые бригады с десантом в бой на восточную и западную окраину Гумбинена.

26-я гвардейская танковая бригада со стрелковыми подразделениями II-й гвардейской дивизии атаковали позицию противника на внешнем

обводе Гумбинена, уничтожили здесь обороняющегося противника и вплотную подошли к юго-восточной окраине города. Здесь они встретили сильный противотанковый огонь, в результате чего потеряли несколько танков и были остановлены. В это время противник перешел в контратаку, но теперь он был остановлен танкистами 26-й гвардейской танковой бригады. Горели танки и с той, и с другой стороны, движение замерло. Позже выяснилось, бригада встретилась с подошедшими частями танковой дивизии "Герман Геринг", незадолго до этого прибывшими в район Гумбинена. Весь день 22 октября на этом направлении шла танковая дуэль без успеха на продвижение как с нашей стороны, так и со стороны противника.

Гвардейцы 26-й танковой бригады горели желанием ворваться в город Гумбинен и проявляли и смелость, и находчивость. Еще накануне, действуя в составе головного батальона, которым временно командовал капитан Д. С. Сысоев (майор И. Ф. Лоленко получил очередное ранение), командир танкового взвода 2-го танкового батальона младший лейтенант Д. Н. Малахов ворвался на передний край обороны противника юго-восточнее Гумбинена и оказался в расположении вражеских танков. С первых же выстрелов два танка "пантеры" были подожжены Малаховым. Остальные два танка его взвода также вели огонь по танкам противника. В самый разгар боя вражеский снаряд попал в танк отважного командира и зажег его. Малахов и его экипаж не покинули танк, а еще яростнее вели огонь по танкам противника. Малахов поджег еще один танк противника. Вторым снаряд попал, очевидно, в боеукладку танка Малахова — он взорвался вместе с экипажем. Вблизи танка Юрия Малахова стояли три сожженных вражеских танка, два разбитых противотанковых орудия и большое количество убитых фашистов. Так сражались герои в годы Великой Отечественной войны. Проявляя героизм, они не думали, что это героизм, и шли в бой и умирали не за высокие награды, о которых они ^{уже} узнать не могли. В бой они шли по долгу и зову своей Родины, во имя победы над врагом, посягнувшим на ее честь и свободу. Народ будет вечно помнить и чтить их имена.

За мужество, отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР младший лейтенант Дрий Николаевич Малахов удостоен высшей награды Родины - Героя Советского Союза посмертно, а члены его экипажа награждены орденами. В бригаде одному из танков было присвоено почетное наименование "Дрий Малахов", и вручен он был лучшему экипажу бригады.

Не менее тяжелый бой шел и на участке 4-й танковой и 4-й мотострелковой гвардейских бригад. Обходя Гумбинен с запада через Турен и Вернен (3-5 км юго-западнее и западнее), 4-я гвардейская танковая бригада к 12.00 22 октября перерезала шоссе и железную дороги западнее Гумбинена. Здесь на подступах к Гумбинену бригада уничтожила до 15 танков противника, большое количество солдат и офицеров, несколько противотанковых батарей противника. Пушечным огнем танков и одного артиллерийского дивизиона подавить огонь противника, укрывшегося за каменными строениями, было невозможно. Сосредоточив здесь большую группу танков, пехоты и артиллерии, противник оказал нам большое сопротивление, и, потеряв здесь около десяти танков, бригада вынуждена была приостановить наступление.

Позже выяснилось, что в этот день подошли с севера и северо-востока танковые части дивизии "Герман Геринг" и 5-я танковая дивизии.

БОИ В ОКРУЖЕНИИ

В разгар боя за Гумбинен мне стало известно, что противник силой более 100 танков с мотопехотой при активных действиях своей авиации нанес удар по первому флангу частей 11-й гвардейской армии из района Задвайтцен (5-7 км восточнее Гумбинена) и развивает наступление вдоль восточного берега р. Ромите в направлении Вальтеркемена. Через этот населенный пункт проходил наш подвоз горючего, боеприпасов, продовольствия и вывоз раненых.

В моем резерве был один (I-й танковый) батальон 4-й гвардейской танковой бригады, которым временно командовал майор И. В. Масташов, вместо погибшего вчера командира танкового батальона майора Т. П. Давидова. Батальон со взводом автоматчиков был еще вчера (21 октября) остановлен в районе мостовой переправы у населенного пункта Вальтеркемен с задачей прикрыть переправу от возможных диверсий противника до подхода стрелковых войск.

При подходе к Вальтеркемену вражеские танки обстреляли наши тыловые подразделения, зажгли несколько машин, и наш путь подвоза из тыла был закрыт. Танкисты I-го батальона, заметив подходящие танки противника с севера и северо-востока, по восточному берегу реки Роминте, вступили в бой и зажгли несколько вражеских танков. Противник оказался на восточном берегу, а мы — на западном. Войска корпуса оказались в междуречье рек Роминте и Ангерал отрезанными от войск II-й гвардейской армии.

В течение 22 и 23 октября танкисты отбивали все атаки противника и не давали врагу раздробить наши боевые порядки, но несли большие потери главным образом от непрерывных налетов авиации. В один из налетов был смертельно ранен заместитель командира танковой бригады майор И. В. Масташов.

Узнав о больших потерях батальона, командир 4-й гвардейской танковой бригады полковник О. А. Лосик срочно направил в район боя I-го танкового батальона усиленное танковое подразделение, что позволило удержать переправу в районе Вальтеркемен до конца 23 октября.

О тяжелой обстановке, в которой находился корпус, докладывалось в штаб II-й гвардейской армии и в штаб командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта. Шли просьбы скорее выдвинуть стрелковые войска в междуречье Роминте и Ангерал, но по совершенно непонятным причинам штаб армии долго сомневался в том, что танковый корпус ведет бой уже под Гумбиненом, и часто запраши-

вал, где нахожусь я с опергруппой и где находятся бригады. Возможно это объясняется тем, что 31-я гвардейская дивизия, получив новую задачу, ушла на юго-запад и потеряла с нами контакт, а подошедшие к р.Роминте части 8-го гвардейского стрелкового корпуса встретились в районе Бельтеркемен с противником, пробившимся сюда с севера, и конечно докладывали то, что видели, а именно: "На восточном берегу р.Роминте находится противник и никаких наших танков здесь нет". Так это или не так, но на войне всякое бывало, особенно когда нарушалось управление войсками даже на короткий период.

Во время наших действий западнее р.Роминте в оперативной группе штаба корпуса безотлучно находился заместитель командующего БТ и МВ фронта генерал-майор Г.Н.Уткин, подтверждавший наши донесения, и штаб фронта обстановку на нашем направлении знал, тогда как ни командира 6-го гвардейского стрелкового корпуса, ни его представителя у нас не было. По-видимому, это и являлось причиной того, что штаб армии слабо знал обстановку на нашем участке наступления.

В этот день противник усилил наступление на всех направлениях. Очевидно, он задался целью окружить наши войска в междуречье Роминте и Ангерапп и восстановить свое положение хотя бы по р.Роминте. Для достижения этой цели он ввел в бой значительные силы: 1 и 2-ю парашютно-моторизованные дивизии, танковую дивизию танкового корпуса "Герман Геринг", 5-ю танковую дивизию, моторизованную бригаду "Фюрер" и другие части, переброшенные к участку нашего наступления. Бой разгорелся с новой силой. Диспосабливаясь к местности, танковые и мотострелковая бригады, маневрируя огнем и передвижением, отражали атаки противника. Ни подготовить, ни занять какой-то определенный рубеж для обороны, а тем более врыть танки и пехоту в землю мы были-просто не в состоянии.

Да и задача перед нами была поставлена активная - с утра 23-го продолжать наступление и овладеть Гумбином.

Очень тяжелый бой пришлось вести 25-й гвардейской танковой бригаде в районе Немерсдорф. Подтянув сюда значительные силы, противник вновь попытался выбить бригаду с плацдарма ^{на р. Анзерло} и восстановить свои позиции в районе Немерсдорфа, но танкисты, артиллеристы и мотострелковые подразделения проявили свою высокую выучку, стойкость и каждый раз наносили врагу большие потери и отбивали атаки. Особенно беспокоила в летные часы авиация противника, но и она ничего не смогла сделать с упорством и стойкостью наших воинов. Танкисты и особенно гвардейцы мотострелковых подразделений, используя подготовленные, захваченные нами оборонительные позиции врага, умело уходили в укрытия в минуты бомбежки и занимали свои места, как только самолеты противника улетали. О смелости, высокой боевой дисциплине приведу пример успешных действий бронебойщика 2-го мотострелкового батальона 4-й гвардейской мотострелковой бригады гвардии рядового Сабир Ахтямова. Ранним утром 23 октября противник вновь перешел в наступление на нашу оборону. Прямо на Сабир двинулись появившиеся из тумана два танка и до взвода пехоты. Подпустив их на близкое расстояние (~~до 100 м~~), отважный гвардеец точным выстрелом из противотанкового ружья зажег танк врага, но второй танк продолжал движение. У смелого бронебойщика не дрогнул ни один мускул. Перезарядив ружье, он последующими двумя выстрелами зажег второй танк. Выскочивший из танка экипаж тут же был уничтожен автоматчиками. Атака противника была сорвана. С этим отважным воином читатель встречался уже в боях за Белоруссию. Он и здесь, в логове врага, громил фашистские танки с еще большей силой. За двое с половиной суток в боях на плацдарме он уничтожил 2 танка, 3 самоходных орудия, 2 бронетранспортера и несколько автомашин.

Глава УП.

РАЗГРОМ ВРАГА В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

I) На Гумбиненском направлении

(октябрь 1944 г.)

Восточная Пруссия всегда занимала особое положение в империалистических планах Германии, но особенно большое значение она приобрела в период подготовки второй мировой войны и, в частности, в подготовке нападения на Советский Союз: Ее выгодное географическое положение - близость к странам Восточной Европы, открывало выход в прибалтийские республики Советского Союза. На севере Восточную Пруссию прикрывало Балтийское море, которое позволяло совершать широкий маневр германскому флоту и создавало устойчивые пути снабжения всем необходимым как населения этого края, так и армии.

Территория Восточной Пруссии представляет собой прибалтийскую равнину с небольшими грядами возвышенностей, отдельными холмами, изрезанную большим количеством рек, заболоченных речушек, искусственных каналов, озер, болот и покрытую небольшими лесными массивами - в большинстве хвойными лесами. Край имел высокоразвитую систему аэродромов, дорожную и железнодорожную сети и очень развитую ирригационную систему, позволяющую иметь постоянные устойчивые урожаи. В общем местность чрезвычайно сложная для маневра войск и особенно для танковых соединений.

В годы войны значение Восточной Пруссии как военно-промышленного района и основной продовольственной базы Германии еще больше возросло. Здесь действовали крупные предприятия военной, судостроительной, машиностроительной промышленности, снабжавшие немецкую армию оружием и боеприпасами. Большое стратегическое значение Восточной Пруссии состояло в том, что в этом районе враг имел крупные военно-воздушный и морской флоты, крупные людские и продовольственные резервы.

Значительная часть населения Восточной Пруссии состояла из высших слоев прусачества, богатых слоев немецкой буржуазии, юнкерства и являлась наиболее реакционной частью немецкого милитаризма. Здесь оседали уволенные в запас офицеры германской армии, которые получали на льготных условиях землю и были обязаны застраивать свои владения по утвержденному военным командованием плану. Как правило, эти строения вписывались в линии обороны, оснащались необходимым вооружением, и для прорыва их требовались усилия.

Занимая руководящие посты в государственном аппарате и армии, прусское юнкерство являлось рассадником агрессивных настроений среди населения. Эти реакционные идеи оказывали большое влияние на всю Германию. Многие государственные и военные деятели Германии, уроженцы Восточной Пруссии, имевшие там обширные владения, такие как Г. Геринг, Э. Кох, В. Вейс, Г. Гудериан и многие другие, активно пропагандировали и отстаивали захватнические планы немецкого милитаризма и делали все, чтобы укрепить военно-экономическое положение этого края, подготовить плацдармы для своих захватнических целей и в первую очередь для нападения на Советский Союз. Вместе с этим, используя благоприятные географические, климатические и экономические условия, подготовить Восточную Пруссию как неприступный край на случай провала своих планов.

Задолго до первой империалистической войны Германия построила здесь большое количество крупных крепостей — Гумбинен, Инстербург, Кенигсберг, а также укрепленные районы и рубежи, а с приходом к власти фашистов значительно расширила их и укрепила старые. Так, на направлении нашего наступления находились три из шести больших и хорошо подготовленных районов: Альменхорстский, включавший Тильзит, Шталлупенен, Даркемен, Гумбинен, Инстербург, Белая; Летценский, включавший район Мазурских озер и Хейльсбергский район прикрывавший Кенигсберг с юга. Только в Хейльсбергском районе насчитывалось 911

~~Летценский, омывавший район Мазурских озер и Кенигсбергский рай-~~
~~он, прикрывавший Кенигсберг с юга. Только в Кенигсбергском районе~~
~~набегивало 50-70 км~~ долговременных оборонительных сооружений. Наи-
более совершенной была оборона в полосе наступления 3-го Белору-
ского фронта, севернее Мазурских озер - на Гумбиненско-Инстербург-
ском направлении.

В Летценском районе среди Мазурских озер, вблизи города Рас-
тенбург, в глубоком подземелье размещалась ставка Гитлера -
"Вольф-Шанце" (Волчье логово).

Кроме этих трех укрепленных районов на нашем направлении на-
ходился и город Кенигсберг - крепость, а точнее, большой крепост-
ной район с центром в Кенигсберге, окруженный тремя укрепленными
оборонительными полосами, упиравшимися на севере в залив Куршес-
Хафф и на юге - в залив Фришес-Хафф. По внешнему периметру города
еще до первой империалистической войны были построены, а затем
усовершенствованы форты - крупные каменные и железобетонные соору-
жения, состоящие из нескольких блоков, способные длительное время
находиться в осадном положении. Форты были окружены глубокими
рвами, заполненными водой. Промежутки между фортами прикрывались
инженерными сооружениями: противотанковыми рвами, минными полями,
надолбами и другими сооружениями. Все это надежно прикрывалось
ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем.

Кроме укрепленных районов и крепостных сооружений, на всю
глубину с востока на запад через каждые 15-20 километров в зависи-
мости от местности были подготовлены девять оборонительных полос,
каждая из которых состояла из укрепленных позиций. Так, например,
в полосе 3-го Белорусского фронта, в направлении наступления 5 и
II-й гвардейских армий, где намечалось ввести в бой 2-й гвардей-
ский танковый корпус, была создана сильно укрепленная оборонитель-
ная система, глубина которой достигала 150-200 километров.

Полоса обороны состояла из нескольких батальонных узлов обороны, в каждый из которых входили ротные или взводные опорные пункты. Так, например, Шталлупененский узел обороны имел несколько опорных пунктов - Раудоненский, Виллиотенский, Матцукенский, имевших 17 дотов, 8 железобетонных убежищ и 2 командно-наблюдательных пункта. Дот состоял из железобетонного блиндажа с двумя-пятью казематами для размещения солдат, боеприпасов и продовольствия, колодцев, прикрытых стальными колпаками с амбразурами для пулеметов и орудий. Толщина наружной стены дота достигала почти двух метров, а железобетонных перекрытий - более 1,2 метра. Дот покрывался слоем земли до 50 см и зарастал травой. Такое сооружение имело углубление до 6-8 метров. Дот выдерживал разрывы при прямом попадании 152-мм снарядов.

Как правило, узлы обороны и опорные пункты вписывались в населенные пункты, в которых и дома приспособлялись к общей системе обороны.

На нашем направлении наступления такими узлами обороны были Шталлупенен, Гумбинен, Гольдап, Даркезен, Инстербург и многие другие.

После поражения на Курской дуге противник срочно начал готовить и подготовил перед своей государственной границей предполье - полосу обороны полевого типа глубиной 15-20 км, прикрывавшую подходы к границе Восточной Пруссии с востока.

К обороне Восточной Пруссии было привлечено все взрослое и молодое население. В каждом населенном пункте население приписывалось к конкретным объектам обороны. Чтобы укрепить моральный дух войск и населения, фашисты развернули широкую шовинистическую пропаганду, убеждая их в том, что при вступлении советских войск в Восточную Пруссию все население от малолетнего до взрослого ожидает неминуемая гибель. По существу все население, способное носить оружие, зачислялось в фольксштурму.

Весь этот шовинистический угар подкреплялся приказом Гитлера, в котором подчеркивалось: "Каждый бункер, каждый квартал немецкого города, каждая немецкая деревня должны превратиться в крепость, у которой противник либо истечет кровью, либо гарнизон этой крепости в рукопашном бою погибнет под ее развалинами. Ее (войну - А.Б.) надо вести до конца" ¹⁾.

Может быть, я несколько подробно описал направления военных действий и подготовленную там оборону. Но мне хотелось, чтобы читатель достаточно полно представил себе всю сложность и невероятные трудности, которые потребовались от наших войск, чтобы прорвать такую оборону и разгромить врага.

Мы хорошо научились прорывать оборону, преследовать стходящего противника и с ходу освобождать советские города на широких просторах нашей Родины. Здесь же были совершенно новые условия - заранее подготовленная, глубоко эшелонированная оборона с крепостными сооружениями, занятыми отборными фашистскими войсками и почти сплошь враждебно настроенным населением.

Все это требовало от командования всех уровней поисков новых способов и форм ведения боя и операции, чтобы добиться победы с наименьшими потерями. Конечно мы не все знали, что нам нужно было знать об обороне противника. Но даже то, что было известно, заставляло нас искать новые формы оперативной и боевой подготовки войск. Мы понимали, что оперативного простора для широкого и глубокого маневра здесь, в Восточной Пруссии, нет и нам придется совместными усилиями пехоты, танков, артиллерии пробивать оборону на большую глубину, так как каждый оборонительный рубеж в оперативной глубине противника мог быть главным.

¹⁾ История второй мировой войны 1939-1945 гг., с. 91.

Мы не мстить несли народу Германии. Наш воин понимал и отделял фашизм от трудового народа, но он не мог простить фашистам, его главарям, и пособникам тех злодеяний, издевательств и страданий, которые принесли советскому народу. Дальнейший ход событий подтвердил наше доброжелательное отношение к немецким трудящимся. Советский воин отдавал свой кусок хлеба детям, старикам, трудовому населению, спасал их от голодной смерти, оказывал бескорыстную медицинскую помощь нуждающимся и на деле проявлял свой интернациональный долг.

В сентябре и 1-й половине октября 1944 года 2-й гвардейский танковый корпус находился в резерве командующего 3-м Белорусским фронтом и дислоцировался в районе Козлова Руда. В течение этого времени части корпуса пополнились личным составом, боевой техникой, вооружением и необходимыми запасами боевого питания. В целом корпус восстановил свои силы после напряженных боев за освобождение Белоруссии и Литвы.

Все мы прекрасно понимали, что предстоят новые напряженные бои, но уже на вражеской территории - в логове врага, и поэтому чувствовали особую ответственность, старались использовать каждый час для изучения техники, вооружения, чтобы как можно лучше использовать их на поле боя.

К нам пришло большое количество молодых, еще не обстрелянных солдат, сержантов, офицеров, и поэтому вновь особое внимание уделялось доскональному изучению своего оружия и не только умелому использованию его, но и тесному взаимодействию со всеми родами войск, участвующими в бою. В современном бою изречение "один в поле не воин" относилось ко всем родам войск и особенно теперь, когда предстоял в разгром фашизма в его же собственной *Мирн Гори.* *Бердзев.*

Враг долго готовил Восточную Пруссию к обороне и считал ее непреодолимой. От нас требовалось научиться последовательно преодолевать

все эти позиции, рубежи, полосы, укрепленные районы с наименьшими для нас потерями и по возможности в короткие сроки. В связи с этим вопросам обучения воинов и их воспитания уделялось главное внимание.

Командиры бригад и отдельных частей, как правило, были опытные, закаленные в боях и очень внимательно относились и к подготовке одиночного бойца, и к слаживанию подразделений и частей в целом. Обстановка позволяла иметь в каждой бригаде и даже отдельной части свои учебные поля, стрельбища, даже было 2-3 полигона, на которых были использованы такие объекты, как доты, бронеколпаки, макеты танков, минные поля, противотанковые рвы и другие особо опасные для нас цели, которые могли встретиться в бою. Вся учеба проводилась в поле. Так, командир 4-й гвардейской танковой бригады установил на своем полигоне, в районе Козлова Руда, подбитые во время боя тяжелые танки Т-VI (тигры) и Т-V (пантеры), а также самоходные орудия фердинанды, и всех командиров танков (в том числе и офицеров) и командиров орудий (башен) обучал стрельбе бронебойными и подкалиберными снарядами по этим целям.

Стреляющие на практике убедились, что "не так страшен черт, как его малюют", и уверенно поражали танки врага. Даже попадание снаряда в маску (наибольшая толщина брони) выводило танк из строя. А это было главное. Такого рода учеба на практике убеждала каждого в возможностях наших танков и создавала полную уверенность у воинов в успешной борьбе с любым танком и САУ врага. Таким же методом шло обучение в меткости стрельбы по таким целям, как амбразуры в дотах и бронеколпаках.

В мотострелковых батальонах заранее создавались штурмовые группы: 2-3 танка, стрелковый взвод с пулеметами, саперное отделение и средства связи с командиром батальона. Штурмовая группа использовалась при атаке наиболее укрепленных объектов и поддерживалась огнем батальона. Действиями штурмовой группы руководил, как правило, командир батальона или его заместитель.

В период каждого доукомплектования проходила переукомплектовка всех подразделений таким образом, чтобы в каждом подразделении были опытные воины и молодые, коммунисты и комсомольцы. Поэтому всегда большое внимание уделялось слаживанию подразделений в новом составе и вместе с этим обучению командира умело и твердо управлять своим подразделением.

Не забывали мы готовить и наши органы управления - штабы батальонов, бригад, частей, штаб корпуса. Без их слаженности, хорошей подготовки по всем направлениям невозможно управление современным боем. Этому вопросу большое внимание уделяли командиры всех уровней и особенно начальники штабов - А.В.Караван, П.П.Чепков, П.П.Давыдов, Г.В.Титов, Г.К.Ибряев, А.Т.Сивоплясов и другие, на плеча которых всегда ложились самые трудные задачи по управлению частями.

В этот период произошли небольшие изменения и в руководящем составе корпуса и бригад. Заместитель командира корпуса генерал-майор П.Д.Говоруненко ушел к новому месту службы, а вместо него был выдвинут очень опытный ветеран нашего корпуса командир 26-й гвардейской танковой бригады полковник С.К.Нестеров.

Степана Кузьмича хорошо знали не только в бригаде но и весь состав корпуса. Познакомил читателя с этим незаурядным командиром на которого равнялись его подчиненные и многие офицеры корпуса.

Степан Кузьмич родился в 1906 году в крестьянской семье в селе Талицкий Чамлык (что под Липецком). В 1928 году был призван в армию и с тех пор целиком посвятил себя службе в ней. Успешно окончил военную школу, получил офицерское звание лейтенанта и назначен на должность командира танка. Старательно изучал в то время новую технику, тактику ее применения, рос по службе. Окончил военную академию, там же вступил в ряды Коммунистической партии. В 1939 году участвовал в боях с белофиннами в должности начальника штаба танкового батальона, а затем командовал батальоном.

В 1942 году в мае месяце молодого командира, но бывалого уже в боях назначает командиром 130-й танковой бригадой Южного фронта.

В разгар боя под Харьковом, в конце месяце этого же года 130-я танковая бригада вошла в состав 24-го танкового корпуса и уже в его составе участвовала в боях и операциях. За успешное выполнение задач в Таширском рейде бригада была переименована в 26-ю гвардейскую танковую бригаду. Во всех боях гвардейцы этой бригады всегда умело выполняли поставленные перед ними задачи за что бригаде была награждена орденом Красного Знамени и орденом Суворова II ст., что являлось признанием и больших заслуг ее командира.

Степан Кузьмич выделялся среди многих офицеров своей организованностью, дисциплиной и такой же требовательностью к подчиненным. По характеру уравновешен и выдержан даже самых тяжелых боевых условиях. Это был зрелый командир - единоначальник, умело опиравшийся на партийный и комсомольских коллективы, с высокой ответственностью за порученное ему дело. Эти деловые - партийные и командирские качества позволили выдвинуть его на должность заместителя командира танкового корпуса.

На должность командира 26-й гвардейской танковой бригады был назначен начальник штаба подполковник В. К. Шанин, также ветеран бригады, опытный и энергичный офицер.

Все мы усиленно готовились к грядущим боям. Все хорошо понимали, что здесь, на вражеской земле, вряд ли будут нас встречать с цветами или целовать след гусениц советских танков, вряд ли мы найдем здесь и проводников для того, чтобы помочь нам выбраться из лабиринта запутанных дорог. Во всем надо было надеяться на свои знания и силы. Это обстоятельство накладывало на нас особую ответственность за морально-политическую и боевую подготовку солдат, сержантов и офицеров.

Командиры, политические отделы использовали все доступные нам формы для воспитания стойкого, убежденного в своей правоте и силе воина, преданного коммунистической партии, советскому народу и Родине.

В период нашей подготовки к новым боям к нам, в район Козлова Руда, 2 октября 1944 года прибыл командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии И.Д. Черняховский для вручения корпусу ордена Красного Знамени, которым корпус был награжден за отличные боевые действия при освобождении Советской Белоруссии. Орден был вручен нам в торжественной обстановке перед строем всего личного состава.

Весь личный состав, коленопреклоненный, под развернутыми боевыми знаменами дал клятву гвардейца-тащинца. Воины поклялись умело и беспощадно уничтожать фашистов в их собственной берлоге. В клятве говорилось: "Клянусь честью гвардейца-тащинца - в предстоящих боях действовать так, чтобы оставшиеся в живых гитлеровцы сотни лет помнили грозные атаки советских танкистов на Прусской земле".

Генерал армии И.Д. Черняховский в своем выступлении поблагодарил гвардейцев за смелые и часто тяжелые бои при освобождении Белоруссии и выразил твердую уверенность в том, что гвардейцы и здесь, в Восточной Пруссии, в предстоящих боях еще больше прославят свое боевое гвардейское знамя, еще раз покажут силу и мощь советского народа, смелость и решительность советского воина, перед которым придется отвечать фашистам за их злодеяния на советской земле.

Затем командующий фронтом ознакомился с жизнью и бытом гвардейцев и посмотрел ход боевой подготовки и боевую готовность отдельных частей. В заключение он попросил остаться руководство корпуса и в общих чертах проинформировал о предстоящем наступлении войск 3-го Белорусского фронта и задачах танкового корпуса.

На раскрывая замысла всей операции, он сказал, что войскам фронта предстоит выполнить ответственную задачу, заключающуюся в том, чтобы полностью разгромить вражеские силы в Восточной Пруссии и этим создать более благоприятные условия для дальнейшего наступления наших войск на берлинском направлении. Вначале нам придется разгромить оборонительные подступы к Восточной Пруссии, затем вернуться на

где он подготовил не только оборонительные рубежи, укрепленные районы, но много неожиданных для нас сюрпризов, на что надо обратить внимание всех воинов. Без тщательной проверки трофеев не брать и в дома не заходить. Ближайшей задачей будет разгром противника в районах Шталлупенен, Гумбинен и Инстербург и выход на рубеж Инстербург-Даркемер-Гольдап.

В этой операции 2-й гвардейский танковый корпус будет составлять подвижную группу фронта, предназначенную для развития успеха общевойсковых армий после прорыва ими тактической зоны обороны. Обеспечение ввода корпуса в прорыв возлагается на командующего 5-й армией генерал-лейтенанта Н. И. Крылова.

Ближайшая задача танкового корпуса будет состоять в том, чтобы после ввода в прорыв, не ввязываясь в бой за опорные пункты и узлы сопротивления, такие как Шталлупенен, Гумбинен, Инстербург, стремительно брваться на запад, выйти в тыл гумбиненской группировки противника и громить подходящие резервы врага с запада. Он совершенно однозначно подчеркнул, что город Гумбинен будут брать стрелковые войска. При благоприятной обстановке, в дальнейшем танковый корпус будет развивать наступление в общем направлении на Инстербург, но как это лучше будет сделать, подскажет обстановка, которая сложится к тому времени.

Прорывать оборону будут 5 и 11-я гвардейские армии. Но в случае большего успеха 11-й гвардейской армии корпус должен быть готовым рокироваться в полосу ее наступления. (8-й, 16-й и 31-й С.К.)

В заключение он пожелал нам новых успехов в разгроме врага.

В своем коротком выступлении командующий фронтом еще раз раскрыл перед нами свое глубокое понимание характера современной операции и роли каждого рода войск в ней.

Он оставил в наших сердцах убеждение в том, что нами руководит хотя и молодой, но талантливый и мудрый руководитель. А это очень важно для войск. Нашим ответом была усиленная и напряженная учеба, подготовка войск к предстоящим боям. Еще с большей силой мы верили в нашу окончательную победу.

К исходу 13 октября 1944 г. корпус в целом был готов к боевым действиям.

К 8.00 15 октября 1944 г. 2-й гвардейский танковый корпус вошел в полосу 5-й армии и сосредоточился в районе Саморцуны, Руда, Лоезоры.

~~Левее наступала II-я гвардейская армия. Все вопросы взаимодействия перед вводом, при вводе в прорыв и в ходе наступления в глубине были отработаны командирами, штабами в период с 8 по 13 октября.~~ *Левее наступала I-я гвардейская армия.*

С утра 16 октября после продолжительной артиллерийской подготовки войска 3-го Белорусского фронта перешли в наступление. В течение двух с половиной суток не удавалось прорвать приграничную полосу обороны, и только к исходу 16 октября обозначился успех в полосе наступления II-й гвардейской армии.

Командующий фронтом решил использовать этот успех, переподчинив командующему II-й гвардейской армией генерал-полковнику К.Н. Галицкому и свою подвижную группу - 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. Вызвав меня к аппарату (я был на III командарма-5), командующий фронтом объявил мне свое решение по использованию корпуса в полосе наступления II-й гвардейской армии, предупредив, что главная задача корпуса остается прежней, а именно - войти в прорыв в полосе II-й армии, нанести удар в направлении Вальтеркемен и, не ввязываясь в бой за узлы и опорные пункты сопротивления, форсировать реку Роминте, войти в район западнее г. Гумбинен, отрезать гумбиненскую группировку и не допустить в этот район подходящие резервы с запада. Частью сил захватить плацдармы на западном рубеже р. Ангеррапп в районе Немерсдорф. Вместе с этим он предупредил, что по западному берегу реки Ангеррапп подготовлен рубеж обороны, но войсками противника полностью еще не занят. Далее он сказал, что так как корпус переходит оперативное подчинение командующему II-й гвардейской армией, то и все вопросы обеспечения корпуса при вводе в прорыв возложены на командующего этой армией, к которому мне надлежит немедленно выехать, получить у него конкретную задачу и согласовать все вопросы взаимодействия с соединениями, которые действуют в этом направлении.

Получив новую задачу, корпус в ночь с 18 на 19 октября в очень трудных условиях - всю ночь шел дождь, а к рассвету опустился густой туман - совершил 50-60 километровый марш вдоль фронта с севера на юг и к 7.00 19 октября сосредоточился в районе Гросс-Зоденен, Колсодзе, Метлава - в полосе наступления II-й гвардейской армии.

Танкисты пришли к восточной границе Германии с особым подъемом и боевым настроением. Ведь нам предстояло в числе первых перейти границу восточной Пруссии и начать громить врага на его собственной территории, о чем мы мечтали и говорили перед началом Великой Отечественной войны. Теперь этот момент настал.

На митинге в 26-й гвардейской танковой бригаде командир I-й танковой роты 3-го танкового батальона старший лейтенант А.М. Метельский заявил: "Мы удостоены большой чести добить раненого фашистского зверя в его собственной берлоге. Я заверяю командование, что танки моей роты будут беспощадно уничтожать врага и здесь, на прусской земле. Гвардейцы выполнят свою задачу до победного конца". Слова командира роты А.М. Метельского отражали мысли и настроения всего личного состава корпуса.

Ночью 19 октября я с оперативной группой, в которую входили начальник штаба корпуса полковник А.С. Караван, командующий артиллерией полковник Л.В. Лубман, начальник оперативного отдела подполковник Н.Р. Репин, начальник разведотдела подполковник В.М. Кузнецов, начальник связи корпуса подполковник Б.Д. Геллер, выехал в штаб II-й гвардейской армии для ознакомления с обстановкой перед фронтом армии и в первую очередь на направлении ввода корпуса в прорыв. В центре, на главном направлении, наступал 16-й гвардейский стрелковый корпус дивизионного состава, причем в первом эшелоне наступала одна 31-я гвардейская стрелковая дивизия. Во втором эшелоне шла I-я гвардейская стрелковая дивизия, усиленная 213-й танковой бригадой, составлявшая подвижную группу армии.

В период нашей работы в штабе армии мы узнали, насколько сложным и трудным был прорыв обороны противника в приграничной полосе. Враг

Начав наступление 16 октября, II-я гвардейская армия за два дня наступления смогла прорвать оборону только в приграничной полосе (или в предполье) и вплотную подойти к государственной границе Восточной Пруссии.

Особенно трудным был бой в первый день наступления. Стремление как можно скорее прорвать оборону противника привело к большим потерям наших войск и особенно танковых бригад - 153-й, приданной по частям 26 и 31-й гвардейским дивизиям, и 213-й, входившей в подвижную группу армии.

В сложившейся обстановке командующий армией вынужден был в первый же день (16 октября) ввести в бой и свою армейскую подвижную группу. Успешный ввод в бой армейской подвижной группы на неподвижную оборону привел к тому, что 213-я танковая бригада понесла большие потери в людях и танках. Погибли командир бригады полковник М.М.Клименко командиры I и 2-го батальонов Г.И.Сергейчук и Н.А.Курбатов. Во 2-м батальоне погибли все командиры рот. Бригада потеряла 20 танков, в том числе и те, на которых были радиостанции¹⁾. Сосредоточенного удара не получилось. Командир I-й гвардейской стрелковой дивизии и командир 213-й танковой бригады потеряли управление, армейская подвижная группа в этот день задачи не выполнила. Главной причиной неуспеха было отсутствие тесного взаимодействия между танками и пехотой, и тех и других с артиллерией и авиацией. Как известно, у ястребицы и танкиста разные скорости движения, а для совместного удара нужна хорошая слаженность действий как по времени, так и по рубежам, а этого-то и не было. Урок тяжелый, но мы сделали необходимые выводы и для себя.

Сделали вывод из этого урока и командиры I-й гвардейской стрелковой дивизии и -й танковой бригады. Во все последующие дни они действовали успешно. Уже в середине дня 18 октября I-я гвардейская

1) К.Н. Галицкий. В боях за Восточную Пруссию. Издательство "Наука", 1970 г., с. 79.

стрелковая дивизия с 213-й танковой бригадой первыми пересекли государственную границу Восточной Пруссии, за что Указом Президиума Верховного Совета 1-я гвардейская стрелковая дивизия была награждена орденом Ленина. На направлении наступления 31 и 1-я гвардейских дивизий должен был вводиться и наш корпус.

В штабе нас проинформировали о действиях противника. Противник оказывал упорное сопротивление. Кроме действующих перед нашим фронтом наступления войск - 549, 561, 547 и 131-я пехотных дивизий, отдельных танковых батальонов и противотанковых частей, - противник развернул на главном направлении наступления армии 1-ю танковую дивизию "Герман Геринг" и 102-ю танковую бригаду. Всего перед фронтом наступления армии насчитывалось до 250 единиц танков и самоходных срудий. Наша авиационная разведка докладывала, что в районе Гумбинен стягиваются крупные силы танковых и моторизованных войск.

Обстановка осложнялась. Штаб армии считал необходимым наращивать усилия армии за счет ввода подвижной группы фронта на главном направлении. Для обеспечения ввода танкового корпуса в прорыв командующий 11-й гвардейской армией приказал командиру 16-го гвардейского стрелкового корпуса с утра 19 октября форсировать р. Мисса, захватить плацдарм; в последующем в тесном взаимодействии со 2-м гвардейским танковым корпусом наступать в направлении Вальтеркемен-Гумбинен.

Условия ввода в бой танкового корпуса усложнились тем, что предстояло форсировать р. Мисса и прорвать еще один укрепленный рубеж на ее западном берегу. Самым досадным для нас было то, что противник раскрыл направление главного удара и стал выдвигать на это направление свои танковые и механизированные войска. Перед фронтом 11-й гвардейской армии уже появилась танковая дивизия "Герман Геринг". Внезапность удара танкового корпуса была потеряна. Теперь надо было рассчитывать на тесное взаимодействие всех родов войск, и особенно на активные действия как стрелковой, так и бомбардировочной авиации.

Время поджимало, и мы (оперативная группа корпуса) еще до рассвета выехали на наблюдательный пункт командующего II-й гвардейской армией на высоту 141,6 в районе Галкемена (уже на территории Восточной Пруссии).

Рано утром 19 октября, прибыв на НП командующего II-й гвардейской армией, мы застали там уже прибывших командующего бронетанковыми войсками фронта генерал-полковника А.Г.Родина и командующего воздушной армией генерал-полковника Т.Т.Хржкина. После кратких приветствий и уточнения положения стрелковых войск и танкового корпуса командующий II-й гвардейской армией уточнил последние данные о противнике и закончил свое выступление общими выводами. Он сказал: "Центр тяжести в развитии операции 3-го Белорусского фронта переместился в полосу наступления II-й гвардейской армии. Сюда выдвинут 2-й гвардейский танковый корпус. В связи с решением ввести в прорыв 2-й гвардейский танковый корпус в полосу наступления нашей армии ее задачи несколько уточнились. Теперь войска армии должны развить успех совместно с подвижной группой фронта и вместе с ней, упрямая противника ударом главных сил в северо-западном направлении овладеть Гумбиненом и одновременно выйти на рубеж р.Ангерапп"¹⁾.

Командующий II-й гвардейской армией сделал совершенно правильный вывод - разгромить противника можно было только общими усилиями главных сил армии на главном направлении - на Гумбинен.

Затем генерал-полковник К.Н.Галицкий поставил перед нами задачу: "2-му гвардейскому танковому корпусу в тесном взаимодействии с 16-м гвардейским стрелковым корпусом войти в прорыв на западном берегу реки Шисса в местке Карклинен-Энгелиткен. Ближайшая задача корпуса -

¹⁾ К.Н.Галицкий. В боях за Восточную Пруссию, Издательство "Наука", 1970 г., стр.125-126.

разгромить противостоящего противника, углубиться в его оборону на 10-20 километров и выйти на рубеж р.Роминте. В дальнейшем, прикрывшись одной бригадой с запада на рубеже р.Ангерапп, быть готовым к наступлению на Гумбинен и овладению этим важным узлом обороны. При развитии наступления на Гумбинен корпус будет усилен II-й гвардейской стрелковой дивизией¹⁾. Исходным районом перед выходом на рубеж ввода командующий определил район Пиллюленен. Расположение в указанном районе бригад и рубеж ввода надо согласовать с командиром 16-го гвардейского стрелкового корпуса.

"Основным условием успеха подвижной группы фронта как в день ввода танкового корпуса, так и в последующие дни мы считаем продвижение соединений 16-го корпуса на главном направлении армии. Наступление обоих корпусов должно проходить в самом тесном взаимодействии, особенно когда танки полдут на Вальтеркемен, Гумбинен"²⁾.

Должен сказать, что поставленные задачи несколько расходились с ориентировкой командующего фронтом, который считал, что танковый корпус брать укрепленный немецкий город не может, а его задача - как можно быстрее обойти город с запада, отрезать гумбиненскую группировку и бить подходящие резервы с запада. Кроме того, командующий фронтом считал, что ^{при} благоприятных условиях необходимо не "прикрываться одной бригадой с запада", а захватить плацдарм на западном берегу р.Ангерапп в районе Немерсдорфа и этим создать условия для последующего развития операции.

1) К.Н.Галицкий "В боях за Восточную Пруссию" Из-во "Наука", Москва, 1970 г., с.III.

2) Так же, с.II2

Но так как здесь присутствовал командующий бронетанковыми войсками 3-го Белорусского фронта генерал-полковник А. Г. Родин, я не считал возможным уточнять эти вопросы, полагая, что командующий фронтом внес некоторые изменения в сказанном мне ранее. Тем более не стоило поднимать эти вопросы, так как речь шла о дальнейшей задаче после форсирования р. Роминте, где задача так или иначе будет уточняться. Обнадеживало меня и то, что мы будем решать наши задачи совместно с 16-м гвардейским стрелковым корпусом, у которого есть пехота и артиллерия, как своя, так и приданная.

Для вызова авиации и управления ею командующий воздушной армией генерал-полковник Т. Т. Хрюкин выделил своего представителя - майора Капустина с радиостанцией. Материальное обеспечение - горючее, продовольствие, боеприпасы - корпус получал с фронтовых баз и подвозил все своим транспортом.

Изменений в построение боевого порядка я не вносил - оставил прежнее: в первом эшелоне шли 26 и 25-я гвардейские бригады, а во втором эшелоне 4-я танковая и 4-я мотострелковая гвардейские бригады. Бригадам был дан маршрут выдвижения, последовательность и новый исходный район. Начальник штаба корпуса полковник А. Ф. Караван тут же ушел в штаб корпуса, чтобы отдать бригадам распоряжения: о высылке разведорганов и постах наблюдения в боевые порядки 31 и 1-й гвардейских стрелковых дивизий, на участке которых будет вводиться корпус; о выдвижении отрядов обеспечения движения по маршрутам бригад, встрече бригад в исходных районах и подготовке мест переправ через р. Писса. Мы условились, что выдвижение бригад в исходные районы начнем по моему радиосигналу "333", а к рубежам ввода - по сигналу "444".

Я с оперативной группой выехал к командиру 16-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майору С. С. Гурьеву для согласования

всех вопросов, связанных с выполнением ближайшей задачи. Времени оставалось мало, а оно в таких случаях бежит неумолимо быстро, поэтому передвигаться надо было очень быстро, а согласовывать задачи очень кратко и только по вопросам, которые требуют решения уже в ближайшие часы. Но их тоже набегает немало. Например, необходимо было сразу точно определить, на какой рубеж смогут выйти I и 31-я гвардейские стрелковые дивизии к 15-16 часам; определить рубеж обгона пехоты танками и обозначить его хотя бы ракетами; где и сколько будет переправ через р. Писса, а если западный берег захватить не удастся, то какие средства и силы и к какому сроку готовятся для их наведения; сколько и какой артиллерии будет привлечено для обеспечения ввода в прорыв; по каким целям и районам будет вестись огонь и на какую глубину; какие артиллерийские дивизионы и сколько их будет перемещаться за боевыми порядками танков первого эшелона, порядок перемещения и управления этой артиллерией; сколько и какой авиации необходимо вызвать для подавления целей в глубине обороны. Сухопутным войскам очень трудно определить цели, которые должна подавить авиация в глубине обороны, да еще в динамике боя. В этом случае мы полностью полагаемся на наших смелых и грамотных авиаторов. Они сами должны найти цели в определенных им районах и уничтожить их или подавить. Сухопутные войска, как правило обязаны обозначить свой передний край, что помогает летчику определить, где свои и где противник.

Все эти вопросы и многие другие мы подробно отработывали со штабом 5-й армии и ее дивизиями первого эшелона в течение нескольких дней, а теперь им должны были выполнить эту задачу в течение двух-трех часов. Большой опыт рядовых офицеров штаба и начальников служб корпуса позволил согласовать большую часть основных вопросов с командиром 16-го гвардейского стрелкового корпуса и начальниками его родов

войск и служб. Мы условились постоянно поддерживать связь, а свои НП размещать поближе один в другому.

В середине дня 19 октября войска I и 31-й гвардейских стрелковых дивизий смогли выбить противника с восточного берега р. Лисса и захватить ее западный берег. Река Лисса небольшая - 5-8 метров шириной и более одного метра глубиной, но препятствие для танков она представляла серьезное. Берега реки были обнесены высокими насыпными валами. Без специальных работ преодолеть их было очень трудно.

Захватив западный берег, саперы сразу же приступили к работам и оборудовали несколько бродов, что позволило начать пропуск танков на западный берег. Танкисты 25 и 26-й гвардейских бригад совместно с войсками 31-й гвардейской стрелковой дивизии атаковали противника, уничтожили его очаги сопротивления, сожгли несколько танков и самоходок, раздавили противотанковую артиллерию. Стремительные совместные действия танкистов и войск стрелковой дивизии позволили сразу же значительно расширить плацдарм. К отражению этого удара противник не был готов и вынужден был оставить значительную территорию. Всю ночь шла переправа на западный берег. Фактически рубежом ввода в бой корпуса и оказалась р. Лисса.

В это время погода стояла отвратительная - шел мелкий дождь, небо было закрыто облаками, почва размокла и даже танкам большую скорость развить было трудно. Авиация противника на поле боя не появлялась. Так что не всегда плохую погоду следует считать "плохой". Все это для нас было очень важно еще и потому, что в период ввода в прорыв в полосе наступления стрелковых войск происходило наложение - большая скученность боевых порядков, и именно в этот момент авиация противника нанесла нам большие потери.

Используя благоприятные непогодные условия, к утру мы переправились на западный берег р.Писса, и главные силы корпуса, вливаясь в боевые порядки стрелковых войск, готовились перейти в наступление. Ночь с 19 на 20 октября прошла в напряженном труде, но бой не прекращался - шла ружейно-пулеметная стрельба, противник вел артиллерийский и минометный огонь по переправам и районам предполагаемого сосредоточения войск. Местность свою он знал хорошо. Отвечала на огонь врага и наша артиллерия. В общем и ночью фронт жил своей особой боевой жизнью. Не обошлось без потерь и у нас, и у противника.

Утро 20 октября мы встретили в сплошном густом тумане, и начинать наступление было невозможно. Примерно только к 11 часам туман начал подниматься и, желая предупредить противника, около 12 часов началась наша артиллерийская подготовка по обнаруженным себя целям. На небе образовались разрывы в облаках, и представилась возможность подняться и нашей авиации - бомбардировщикам и истребителям. Появление в воздухе нашей авиации не только поднимало настроение, но и как-то подтягивало всех и вызывало стремление не упустить момент, когда противник прижат к земле нашей авиацией или загнан в щели.

В 12.30 перешли в наступление головные танковые бригады и гвардейцы 31-стрелковой дивизии. Подключилась и ударила наша штурмовая авиация. Все мы были рады тому, что с воздуха нас поддерживает, а точнее, с нами наступает наша штурмовая авиация, хорошо нам знакомая по боям в Белоруссии - 1-я гвардейская штурмовая авиационная дивизия пилота С.Д.Пруткова. Летчики этой дивизии легко находили на поле боя наши танки (на башне белый круг, а по бокам ее желтая стрела в направлении нашего наступления) и, ориентируясь по ним твердо знали, что впереди нас может быть только противник, и смело штурмовали цели. Я не боюсь повториться и скажу, что такое взаимодействие приносило нам общий успех.

На территории Восточной Пруссии враг оказывал упорное сопротивление. Каждый хутор, фольварк надо было брать с боем. Враг оставлял

у нас в тылу свои группы, одетые в гражданскую одежду, которые внезапно открывали огонь и наносили нам большой урон. Наступление замедлялось, а эти группы, выполнив свое подлое дело, уходили в заранее подготовленные укрытия. Конечно, потом их находили и уничтожали, но на это нужно было время, которого у нас и так не хватало. Приходилось буквально сметать с земли все встречавшиеся строения.

В середине дня 26-я гвардейская танковая бригада шла в направлении на Косбен. Ее головной танковый батальон, которым командовал майор И.С. Лоленко, с ходу ворвался в этот населенный пункт, уничтожил несколько танков и самоходных орудий, раздавил до дивизиона полевых орудий, побил много фашистов и захватил важный для нас населенный пункт Коссубен.

Это был опытный и смелый командир, с которым читатель уже знаком по прошлым боям, но он заслуживает того, чтобы еще раз рассказать о нем. Иван Федорович недавно прибыл из госпиталя, в котором он находился на излечении после ранения под Минском (в госпиталях после ранения он побывал уже 13 раз), и принял свой родной батальон. Батальон встретил его как родного отца, верил ему и слушался беспрекословно. Это было у него уже четырнадцатое ранение, но он добился назначения в свою бригаду, в которой он несколько раз награждался высокими правительственными наградами.

И здесь, оказавшись в отрыве от главных сил бригады, он оказал упорное сопротивление контратакующему противнику. Но превосходство противника в силе заставило командира батальона оставить населенный пункт Коссубен.

В это время левее (вблизи Коссубена) наступала 25-я гвардейская танковая бригада, где находился заместитель командира корпуса полковник С.К. Нестеров. Узнав о событиях под Коссубеном и получив от меня согласие, он повернул 25-ю бригаду на север - на Коссубен и сам выехал в 26-ю гвардейскую танковую бригаду, которой недавно еще командовал, чтобы на месте организовать взаимодействие двух бригад и, ко-

нечно, оказать помощь молодому командиру бригады подполковнику Шанину, недавно принявшего от него бригаду и безусловно нуждавшегося в его помощи и советах.

Согласованными ударами двух бригад разгромили и эту группу противника, Коссубен был вновь нашим. На поле боя враг оставил 12 танков сгоревшими и столько же подбитыми, противотанковую артиллерию и большое количество убитых. В разгар боя за Коссубен 20 октября Степан Кузьмич Нестеров был смертельно ранен автоматчиками противника. Пав смертью храбрых на поле боя при вторжении в Восточную Пруссию, коммунист гвардии полковник С.К.Нестеров до конца выполнил свой долг.

За мужество и героизм, проявленные в бою при прогоне обороны немцев и вторжении в пределы Восточной Пруссии, гвардии полковнику Степану Кузьмичу Нестерову Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Степан Кузьмич Нестеров прошел длинный и тернистый путь в годы Великой Отечественной войны. Командуя бригадой с мая 1942 года, он участвовал в Сталинградской битве (участник глубокого и беспрецедентного рейда в тыл врага - на Тацинскую), (в операции "Малый Сатурн"), в освобождении восточной Украины, громил врага под Прохоровкой, в битве за освобождение Ельни, Смоленска, Минска, Каунаса. Был награжден орденом Ленина, Красного Знамени, двумя орденами Суворова 2-й степени, орденом Александра Невского и многими медалями.

В знак вечной благодарности к герою город Шталлупенен переименован в город Нестеров, а в центре города ему воздвигнут памятник.

Узнав о смерти бывшего своего командира, воины 26-й гвардейской танковой бригады еще решительнее шли вперед и еще сильнее громили врага. "Памятником ему будет наша победа", - говорили воины.

Танковые бригады стремительно шли на запад. Естественно, стрелковые части с таким темпом продвижения справиться не могли и отстали. Бои в районе Коссубен несколько задержали бригады, поэтому, чтобы не снижать темпа наступления и расширить его фронт, что в свою очередь

449

давало возможность более уверенно подойти к реке на широком фронте, а затем форсировать ее, была введена в бой и 4-я гвардейская танковая бригада, которой командовал полковник О.А. Лосик. Бригада получила задачу стремительно развивать успех в направлении Загинен, Праслаукен, захватить там переправы, а затем и плацдарм на западном берегу р. Роминте.

Теперь устремились к р. Роминте три танковые бригады. Во втором эшелоне, в центре, выдвигалась 4-я гвардейская мотострелковая бригада. Она имела задачу быть готовой направиться туда, где сложится более благоприятная обстановка для форсирования р. Роминте. По существу в это время (конец дня 20 октября) мы не чувствовали уже соседей ни справа, ни слева. Уничтожая встречавшиеся разрозненные части врага, к 18-19 часам три танковые бригады подошли к р. Роминте. 26-я гвардейская танковая бригада вышла восточнее населенного пункта Друшксникен, 25-я гвардейская танковая бригада - в район восточнее Вальтеркемен, а 4-я гвардейская танковая - в район Праслаукен. Бригады подошли к р. Роминте на довольно широком фронте - 8-10 км. 4-я гвардейская мотострелковая бригада шла в центре - во втором эшелоне.

Первой в район Вальтеркемен подошла 25-я гвардейская танковая бригада. С целью ускорить форсирование реки ей был придан один батальон мотострелковой бригады. Река Роминте представляла более серьезное препятствие, чем р. Лисса, а стрелковых войск вблизи еще не было - они отстали.

Позже нам стало известно, что в это время, примерно около 19-20 часов 20 октября, 11-я гвардейская стрелковая дивизия из состава 36-го гвардейского корпуса перешла в подчинение 16-го гвардейского корпуса и вместе с 1-й гвардейской дивизией этого же корпуса была втянута в бой по отражению контрнаступления противника в районе Гросс-Тракенен (10-12 км восточнее г. Гумбинен). Поэтому принять участие в форсировании р. Роминте совместно с танковым корпусом и участвовать с утра 21 октября в бою за Гумбинен эта дивизия не могла. 31-я гвардейская стрелковая дивизия отстала, но шла в направлении

452

Очевидно, не совсем точно ориентированный в обстановке командующий II-й гвардейской армией принял решение и вечером 20 октября поставил следующую задачу танковому корпусу:

"2-му гвардейскому танковому корпусу и II-й гвардейской стрелковой дивизии с рассветом 21 октября продолжать стремительное наступление с ближайшей задачей овладеть Гумбином. Одной танковой бригадой обеспечить действие главной группировки армии с запада, для чего выйти на р. Ангерап, захватить переправы на рубеже Забаджунен-Немерсдорф (7 км) и захватить плацдармы на западном берегу реки.

16-му гвардейскому корпусу (31, I и II-я гвардейским дивизиям) было приказано с утра частями 31-й гвардейской дивизии во взаимодействии со 2-м гвардейским танковым корпусом продолжать наступление с ближайшей задачей форсировать р. Роминте и в дальнейшем продвигаться на юго-запад в общем направлении на Диджиддерн (9 км юго-западнее Вальтеркемен) - Даркемен¹⁾.

Таким образом, 16-й гвардейский корпус разрывался на две части - одна часть (I и II-я стрелковые дивизии) была втянута в бой в районе Гросс-Тракенена (восточнее г. Гумбинен), а другая часть (31-я гвардейская стрелковая дивизия) направлялась на юго-запад в направлении Даркемен. Слева по этому же направлению наступал и 36-й гвардейский стрелковый корпус. По существу, совместные действия с 16-м гвардейским корпусом по овладению г. Гумбином исключались, так как его дивизии расходились в разные направления.

Получив приказ командующего II-й гвардейской армией, мы долго думали над ним. Главные силы армии - 36 и 16-й гвардейские стрелковые корпуса направлялись не на Гумбинен (главная ближайшая цель операции), а уходили в стороны, как бы раскрывая ворота для кого-то. Мы пришли к заключению, что на этом направлении будет вводиться, очевидно, 28-я армия, с которой нам придется брать Гумбинен. Ничем другим мы не могли объяснить разрыв в боевых порядках войск II-й гвардейской

1) К.Н. Галицкий. В боях за Восточную Пруссию, Из-во "Наука", 1970,

армии. Терять время было нельзя, и мы приступили к выполнению поставленной перед нами задачи - захватить плацдарм на западном берегу р.Роминте и изготовиться для наступления на Гумбинен.

К этому времени начальник штаба 25-й гвардейской бригады майор Г.Д.Мокрицкий доложил, что река Роминте местами примерно такая же, как Писса, и что севернее и южнее Вальтеркемена есть броды, а в центре населенного пункта нами захвачен невзорванный мост. На западном берегу, в основном в районе Вальтеркемена, обороняются пехотные подразделения, а танков как будто не видно. Обстановка подсказывала, что противник не успел подвести сюда крупные силы и форсировать р.Роминте нужно не медля, то есть сегодня в ночь на 21 октября. С учетом сложившейся обстановки бригадам были поставлены следующие задачи.

25-й гвардейской танковой бригаде со 2-м батальоном 4-й гвардейской мотострелковой бригады (она следовала за 25-й бригадой) при поддержке 273-го минометного полка и артиллерийского дивизиона мотострелковой бригады форсировать р.Роминте севернее и южнее Вальтеркемена; используя имеющиеся там броды, захватить западный берег; не вступая в бой за Вальтеркемен, стремительно двигаться на Немерсдорф и при благоприятных условиях с утра 21 октября захватить плацдарм на западном берегу р.Ангерапп.

4-й гвардейской мотострелковой бригаде во взаимодействии с 25-й гвардейской танковой бригадой форсировать р.Роминте, захватить плацдарм на западном берегу и очистить от противника м.Вальтеркемен. В дальнейшем утром 21 октября выйти в район западнее Вальтеркемена в готовности продвигаться на запад за 25-й танковой бригадой или на север в направлении на Гумбинен.

26-й гвардейской танковой бригаде форсировать р.Роминте в районе Замелюкен или Друтишкен (3-4 км севернее Вальтеркемена) и выйти на рубеж Нойштакемен-Пликен и подготовиться к наступлению на Гумбинен. Установить связь с 11-й гвардейской стрелковой дивизией, которая также получила задачу выйти в этот район, и отработать с ней все вопросы совместных действий по наступлению на Гумбинен.

4-й гвардейской танковой бригаде форсировать р.Роминте в район Праслаукен (4-6 км юго-восточнее Вальтеркемена) и, наступая в северозападном направлении на рубеж Пликен-Шульген, быть готовой к наступлению на Гумбинен. Установить связь с соседом справа - 26-й гвардейской танковой бригадой и 4-й гвардейской мотострелковой бригадой, выдвигаясь в район западнее Вальтеркемена.

Оперативная группа выходила в район расположения 4-й гвардейской мотострелковой бригады. Еще засветло бригады разведали подходы к р.Роминте и подготовили необходимые средства для оборудования бродов, а там, где были мосты, - для захвата их. У нас не было данных о том, что противник организованно занял оборону по западному берегу р.Роминте, а обнаруженные небольшие отряды прикрытия, сосредоточенные в основном у мостовых переправ, не могли оказать нам серьезного сопротивления. Эту обстановку и надо было использовать, пока противник не подвел свои резервы и: глубины или не перебросил их с других участков фронта. По опыту прошлых боев мы знали, что гитлеровские солдаты не особые охотники ночного боя и в это время сопротивление с их стороны резко снижается. Кроме того, быстрое продвижение войск II-й гвардейской армии, в том числе танкового корпуса, создавало большие трудности противнику в организации прочной обороны в оперативной зоне. Так или иначе, но было принято решение не упускать благоприятно сложившихся для нас условий, и мы не ошиблись.

С наступлением темноты моторизованные батальоны танковых бригад подошли к реке и под прикрытием танков, готовых открыть огонь по вспышкам с западного берега, ^{по заваленным мостам и} на подручных средствах форсировали реку и захватили ее западный берег (мы таким же способом форсировали р.Березину в июне этого года, хотя здесь р.Роминте не представляла особо большого препятствия). Скорее были усилены броды, и танки с десантами автоматчиков появились на западном берегу. Командиры бригад - полковники В.К.Шанин, С.М.Булдгин, О.А.Лосик лично руководили боем по зах-

зату плацдарма на западном берегу. На всем 8-10 километровом участке шла ружейно-пулеметная и орудийная стрельба танков. При всем желании задержать наше наступление враг не смог.

Наиболее успешно начала наступление 25-я гвардейская танковая бригада. Бригада прибыла в свой район раньше, да и возможностей здесь было больше, так как большую помощь ей оказала взаимодействующая с ней 4-я гвардейская мотострелковая бригада. К 24 часам бригада была уже на западном берегу и усредилась к своей цели - в район Немерсдорф. Пройдя 10-12 километров, к 8 часам утра бригада подошла к реке Ангеррап у железнодорожного моста (мост был хорошим ориентиром). В голове двигался 2-й танковый батальон под командованием майора К.В. Марченко с десантом автоматчиков. В тумане охрана противника не разобрала, чьи танки идут, и железнодорожный мост был захвачен без особого труда. Разобравшись в обстановке, командир батальона не растерялся, спешил с танков десант и захватил в укрытиях - дотах, растерявшихся и насмерть перепугавшихся фашистов. Туман поднялся, что ускорило разгром противника в этом районе. Панический страх жителей и гарнизона в небольшом местечке Немерсдорф облегчил и здесь нашу задачу. Права русская пословица "Смелость города берет". Здесь бригада уничтожила до десяти 75-мм орудий на позициях, захватила несколько дотов, уничтожила до 100-150 сопротивлявшихся гитлеровцев и 35 фашистов взяла в плен¹⁾.

В течение двух с половиной суток бригада с мотострелковым батальоном мотострелковой бригады удерживала этот важный для наших войск плацдарм. Противник подвел резервы (полк парашютной дивизии) и в течение всего времени пытался восстановить положение, но всё было напрасно. Особенно усердствовала артиллерия противника, она непрерывно "висела" на бригадой. Был контужен командир бригады полковник

1) ЦАМО, ф.3400, оп.1, д.51, с.367

С.К.Бульгин, ранен командир I-го танкового батальона майор И.В.Луков и многие другие гвардейцы, но "ельнинцы" не дрогнули. В последующие дни - 21, 22 и в первой половине дня 23 октября бригада не только отразила все атаки врага, но и, расширив плацдарм, заняла рубеж Вилькенек-Немередорф-Будвейтшен.

Успешно форсировали р.Роминте и все остальные бригады корпуса. Преодолевая сопротивление опорных пунктов и выдвигавшихся частей противника к р.Роминте, во второй половине дня 21 октября бригады вышли на указанные рубежи. Надо было разобраться в обстановке. Корпус и бригады выслали свои органы разведки и пытались уточнить оборону Гумфинена. Кроме того, мы надеялись на быстрый подход стрелковых войск. Со штабом мы долго разбирались, где находятся II-я и III-я гвардейские дивизии. Уже в конце дня мне удалось связаться с командиром II-я гвардейской дивизии генералом Н.Г.Цыгановым, который информировал меня о том, что дивизия в течение нескольких дней перебрасывается с одного участка фронта на другой, имеет большие потери, а сейчас находится на марше и в намеченный район - на западный берег - сможет прибыть только завтра (22 октября) не ранее 10-12 часов. Сам генерал Н.Г.Цыганов с оперативной группой штаба сможет прибыть сегодня и просит указать место встречи. Место встречи с командиром 26-й бригады подполковником В.К.Шаниным я назначил в Земелькене. Лично встретиться с этим действительно замечательным командиром у меня возможности не было. В ходе наступления мне также не удалось встретиться и с командиром 16-го гвардейского стрелкового корпуса генералом С.С.Гурьевым. Да он, по-видимому, и не искал такой встречи потому, что еще 20 октября получил новую задачу и был озабочен ею.

В течение второй половины дня 21, ночи и утра 22 октября наша разведка на всех направлениях обнаружила и артиллерию, и танки, и пехоту противника. Попытка ворваться в город передовыми батальонами

в конце для 21 октября успеха не имела, а привела к неоправданным потерям. Командующий армией настоятельно требовал брать город. Мои доклады о том, что у меня совершенно нет артиллерии для подавления обороны противника в городе и что танки без пехоты в таком городе, как Гумбинен, беспомощны, отклонялись тем, что мне придана II-я гвардейская дивизия.

Выполняя эти настоятельные требования, я решил главными силами — две бригады — обойти город западнее и нанести удар с запада на восток, а одной (26-й танковой бригадой, с подошедшими частями II-й стрелковой дивизией) нанести удар с востока.

Бригадам поставил следующие задачи:

26-й гвардейской танковой бригаде с подошедшими частями II-й гвардейской дивизии наступать на восточную окраину Гумбинена и овладеть ею.

4-й гвардейской танковой бригаде с 4-й гвардейской мотострелковой бригадой обойти Гумбинен с запада, отрезать железную и последние дороги с запада и захватить западную окраину города. Поддерживали наступление бригад артиллерийские части корпуса: 28-й дивизион гвардейских минометов и подошедшая артиллерия II-й гвардейской стрелковой дивизии (дивизионный полк). В наступлении участвовали подошедшие стрелковые части и подразделения этой дивизии.

Наступление было назначено на 10 часов после 15-минутного огневого налета. Я просил штаб армии нанести мощный удар бомбардировочной авиацией в период с 9.30 до 10 часов 22 сентября. В назначенное время части корпуса перешли в наступление. С наблюдательного пункта (безымянная высота севернее Радикена) мы наблюдали, как пошли танковые бригады с десантом в бой на восточную и западную окраину Гумбинена.

26-я гвардейская танковая бригада со стрелковыми подразделениями II-й гвардейской дивизии атаковали позицию противника на внешнем

обводе Гумбинена, уничтожили здесь обороняющегося противника и вплотную подошли к юго-восточной окраине города. Здесь они встретили сильный противотанковый огонь, в результате чего потеряли несколько танков и были остановлены. В это время противник перешел в контратаку, но теперь он был остановлен танкистами 26-й гвардейской танковой бригады. Горели танки и с той, и с другой стороны, движение замерло. Позже выяснилось, бригада встретилась с подошедшими частями танковой дивизии "Герман Геринг", незадолго до этого прибывшими в район Гумбинена. Весь день 22 октября на этом направлении шла танковая дуэль без успеха на продвижение как с нашей стороны, так и со стороны противника.

Гвардейцы 26-й танковой бригады горели желанием ворваться в город Гумбинен и проявляли и смелость, и находчивость. Еще накануне, действуя в составе головного батальона, которым временно командовал капитан Д. С. Сысоев (майор И. Ф. Лоленко получил очередное ранение), командир танкового взвода 2-го танкового батальона младший лейтенант Д. Н. Малахов ворвался на передний край обороны противника юго-восточнее Гумбинена и оказался в расположении вражеских танков. С первого же выстрелов два танка "пантера" были подожжены Малаховым. Остальные два танка его взвода также вели огонь по танкам противника. В самый разгар боя вражеский снаряд попал в танк отважного командира и зажег его. Малахов и его экипаж не покинули танк, а еще яростнее вели огонь по танкам противника. Малахов поджег еще один танк противника. Второй снаряд попал, очевидно, в боеукладку танка Малахова — он взорвался вместе с экипажем. Вблизи танка Юрия Малахова стояли три сожженных вражеских танка, два разбитых противотанковых орудия и большое количество убитых фашистов. Так сражались герои в годы Великой Отечественной войны. Проявляя героизм, они не думали, что это героизм, и шли в бой и умирали не за высокие награды, о которых они ^{уже} узнать не могли. В бой они шли по долгу и зову своей Родины, во имя победы над врагом, посягнувшим на ее честь и свободу. Народ будет вечно помнить и чтить их имена.

За мужество, отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР младший лейтенант Дрий Николаевич Малахов удостоен высшей награды Родины - Героя Советского Союза посмертно, а члены его экипажа награждены орденами. В бригаде одному из танков было присвоено почетное наименование "Дрий Малахов", и вручен он был лучшему экипажу бригады.

Не менее тяжелый бой шел и на участке 4-й танковой и 4-й мотострелковой гвардейских бригад. Обходя Гумбинен с запада через Турен и Бернен (3-5 км юго-западнее и западнее), 4-я гвардейская танковая бригада к 12.00 22 октября перерезала шоссе и железную дороги западнее Гумбинена. Здесь на подступах к Гумбинену бригада уничтожила до 15 танков противника, большое количество солдат и офицеров, несколько противотанковых батарей противника. Пушечным огнем танков и одного артиллерийского дивизиона подавить огонь противника, укрупняемого за каменными строениями, было невозможно. Сосредоточив здесь большую группу танков, пехоты и артиллерии, противник оказал нам большое сопротивление, и, потеряв здесь около десяти танков, бригада вынуждена была приостановить наступление.

Позже выяснилось, что в этот день подошли с севера и северо-востока танковые части дивизии "Герман Геринг" и 5-й танковой дивизии.

БОИ В ОКРУЖЕНИИ

В разгар боя за Гумбинен мне стало известно, что противник силой более 100 танков с мотопехотой при активных действиях своей авиации нанес удар по первому флангу частей 11-й гвардейской армии из района Задвайтцен (5-7 км восточнее Гумбинена) и развивает наступление вдоль восточного берега р. Ромите в направлении Вальтеркемена. Через этот населенный пункт проходил наш подвоз горючего, боеприпасов, продовольствия и вывоз раненых.

В коем резерве был один (I-й танковый) батальон 4-й гвардейской танковой бригады, которым временно командовал майор И. В. Масташов, вместо погибшего вчера командира танкового батальона майора Т. П. Давидова. Батальон со взводом автоматчиков был еще вчера (21 октября) остановлен в районе мостовой переправы у населенного пункта Вальтеркемен с задачей прикрыть переправу от возможных диверсий противника до подхода стрелковых войск.

При подходе к Вальтеркемену вражеские танки обстреляли наши тыловые подразделения, зажгли несколько машин, и наш путь подвоза из тыла был закрыт. Танкисты I-го батальона, заметив подходящие танки противника с севера и северо-востока, по восточному берегу реки Роминте, вступили в бой и зажгли несколько вражеских танков. Противник оказался на восточном берегу, а мы — на западном. Войска корпуса оказались в междуречье рек Роминте и Ангерал отрезанными от войск II-й гвардейской армии.

В течение 22 и 23 октября танкисты отбивали все атаки противника и не давали врагу раздробить наши боевые порядки, но несли большие потери главным образом от непрерывных налетов авиации. В один из налетов был смертельно ранен заместитель командира танковой бригады майор И. В. Масташов.

Узнав о больших потерях батальона, командир 4-й гвардейской танковой бригады полковник О. А. Лосик срочно направил в район боя I-го танкового батальона усиленное танковое подразделение, что позволило удержать переправу в районе Вальтеркемен до конца 23 октября.

О тяжелой обстановке, в которой находился корпус, докладывалось в штаб II-й гвардейской армии и в штаб командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта. Шли просьбы скорее выдвинуть стрелковые войска в междуречье Роминте и Ангерал, но по совершенно непонятным причинам штаб армии долго сомневался в том, что танковый корпус ведет бой уже под Гумбиненом, и часто запраши-

вал, где нахожусь я с опергруппой и где находятся бригады. Возможно это объясняется тем, что 31-я гвардейская дивизия, получив новую задачу, ушла на юго-запад и потеряла с нами контакт, а подошедшие к р. Роминте части 8-го гвардейского стрелкового корпуса встретились в районе Вальтеркемен с противником, пробившимся сюда с севера, и конечно докладывали то, что видели, а именно: "На восточном берегу р. Роминте находится противник и никаких наших танков здесь нет". Так это или не так, но на войне всякое бывало, особенно когда нарушалось управление войсками даже на короткий период.

Во время наших действий западнее р. Роминте в оперативной группе штаба корпуса безотлучно находился заместитель командующего БТ и МВ фронта генерал-майор Г.Н. Уткин, подтверждавший наши донесения, и штаб фронта обстановку на нашем направлении знал, тогда как ни командира 6-го гвардейского стрелкового корпуса, ни его представителя у нас не было. По-видимому, это и являлось причиной того, что штаб армии слабо знал обстановку на нашем участке наступления.

В этот день противник усилил наступление на всех направлениях. Очевидно, он задался целью окружить наши войска в междуречье Роминте и Ангерапп и восстановить свое положение хотя бы по р. Роминте. Для достижения этой цели он ввел в бой значительные силы: 1 и 2-ю парашютно-моторизованные дивизии, танковую дивизию танкового корпуса "Герман Геринг", 5-ю танковую дивизию, моторизованную бригаду "Фюрер" и другие части, переброшенные к участку нашего наступления. Бои разгорелись с новой силой. Писпосабливаясь к местности, танковые и мотострелковая бригады, маневрируя огнем и передвижением, отражали атаки противника. Ни подготовить, ни занять какой-то определенный рубеж для обороны, а тем более врыть танки и пехоту в землю мы были просто не в состоянии.

Да и задача перед нами была поставлена активная - с утра 23-го продолжать наступление и овладеть Гумбиненом.

Очень тяжелый бой пришлось вести 25-й гвардейской танковой бригаде в районе Немерсдорф. Подтянув сюда значительные силы, противник вновь попытался выбить бригаду с плацдарма и восстановить свои позиции в районе Немерсдорфа, но танкисты, артиллеристы и мотострелковые подразделения проявили свою высокую выучку, стойкость и каждый раз наносили врагу большие потери и отбивали атаки. Особенно беспокоила в летные часы авиация противника, но и она ничего не смогла сделать с упорством и стойкостью наших воинов. Танкисты и особенно гвардейцы мотострелковых подразделений, используя подготовленные, захваченные нами оборонительные позиции врага, умело уходили в укрытия в минуты бомбежки и занимали свои места, как только самолеты противника улетали. О смелости, высокой боевой дисциплине приведу пример успешных действий бронебойщика 2-го мотострелкового батальона 4-й гвардейской мотострелковой бригады гвардии рядового Сабира Ахтямова. Раню утром 23 октября противник вновь перешел в наступление на нашу оборону. Прямо на Сабира двинулись появившиеся из тумана два танка и до взвода пехоты. Подпустив их на близкое расстояние (~~до 100 м~~), отважный гвардеец точным выстрелом из противотанкового ружья зажег танк врага, но второй танк продолжал движение. У смелого бронебойщика не дрогнул ни один мускул. Перезарядив ружье, он последующими двумя выстрелами зажег второй танк. Выскочивший из танка экипаж тут же был уничтожен автоматчиками. Атака противника была сорвана. С этим отважным воином читатель встречался уже в боях за Белоруссию. Он и здесь, в логове врага, громил фашистские танки с еще большей силой. За двое с половиной суток в боях на плацдарме он уничтожил 2 танка, 3 самоходных орудия, 2 бронетранспортера и несколько автомашин.

Глава УШ

НЕ СТАРЕЮТ ДУШОЙ ВЕТЕРАНЫ!

Прошло много лет, как окончилась Великая Отечественная война. Уже выросло новое поколение людей, не испытавших на себе горячего дыхания сражений войны. Ветераны вернулись к мирному созидательному труду.

В борьбе за приближение этого великого дня каждый из нас, ветеранов войны, принимал непосредственное участие. Каждый ветеран прошел не только через огонь войны, пережил ее горе и муки, но и испытал великое счастье победы. Ветераны войны - люди большой и славной судьбы, прошедшие закалку в огне сражений Великой Отечественной войны. На их долю выпало самое тяжелое испытание, не жалея крови и жизни они отстаивали независимость Родины, спасли человечество от фашистского порабощения.

По-разному сложилась судьба у гвардейцев-тацинцев. Они остались верны боевым традициям тацинцев. Они, как и прежде, в строю.

Не было и нет в стране дела, в котором поседевшие, но не стареющие душой ветераны не принимали бы участия.

Как и в годы войны, я не прерываю встреч с ветеранами-однополчанами. Со многими переписываюсь, лично встречаюсь на традиционных встречах, на местах боев, юбилейных встречах в Москве и других городах. Читателю будет интересно знать, как сложилась судьба и дела наших ветеранов в послевоенный период.

Ветераны, прошедшие школу войны, продолжают трудиться на благо нашей любимой Родины. Часть из них продолжала и продолжает служить в рядах Вооруженных Сил, многие работают в народном хозяйстве на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, в учреждениях и уч-

ных заведениях, вкладывают свой труд и знания в осуществление исторических решений XXVI съезда партии, последующих Пленумов ЦК КПСС, многие ушли на заслуженный отдых, но все они ведут большую военно-патриотическую, воспитательную работу.

Бывший командир 4-й гвардейской танковой бригады Герой Советского Союза Олег Александрович Лосик в 1939-1940 гг. лейтенантом принимал участие в советско-финской войне, где проявил мужество и храбрость. В Великой Отечественной войне с начала и до ее окончания воевал на Юго-Западном, Сталинградском, Донском, Западном и 3-м Белорусском фронтах. От полковника вырос до Маршала бронетанковых войск. После окончания войны командовал дивизией, корпусом, армией, Дальневосточным военным округом. Ныне профессор, начальник Военной академии бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р.Я.Малиновского.

О.А.Лосик неоднократно избирался в руководящие партийные органы: был делегатом XXII, XXIV, XXV, XXVI съездов КПСС, кандидатом в члены ЦК КП Молдавии, депутатом Московского городского Совета народных депутатов.

Михаил Петрович Белсов всю войну воевал в танковых войсках. Начал войну лейтенантом, командиром танкового взвода, окончил капитаном, командиром танковой роты.

Участвуя в Тацинском танковом рейде (его взвод одним из первых ворвался на западный аэродром Тацинской), огнем и гусеницами уничтожил зенитную батарею противника, прикрывавшую аэродром. Принимал участие в Курской битве, в освобождении Белоруссии, в Восточно-Прусской операции. В послевоенный период вырос до генерал-лейтенанта, командовал танковым полком, был заместителем начальника оперативного отдела армии, начальником Управления Генерального штаба. К боевым наградам, полученным в годы войны, он присоединил в мирное время орден Красной Звезды, орден Трудового Красного Знамени, орден "За службу Родине в Вооруженных Силах" 3-й степени.

Михаил Петрович член Президиума Совета ветеранов 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, ведет большую военно-патриотическую работу.

Анатолий Иванович Грибков прибыл во 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус в 1943 году как офицер Генштаба. За короткое время он проявил себя хорошим организатором, завоевал авторитет и уважение у офицеров корпуса. После войны продолжал службу в Вооруженных Силах, вырос до генерала армии. С октября 1976 года - начальник штаба Объединенных Вооруженных Сил государств-участников Варшавского Договора. Является членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР. Ветераны корпуса с большой теплотой вспоминают Анатолия Ивановича по совместной работе в годы войны.

Ветеран корпуса Тимофей Андреевич Вунев участник Великой Отечественной войны с июня 1941 года и до ее окончания. В корпусе с 1943 года был в должности прокурора. В боях показал себя смелым и решительным. Закончил войну в звании полковника. В послевоенные годы работал прокурором армии, округа, получил звание генерал-майора юстиции. Уйдя в запас, он продолжает трудиться в Государственном университете им. М.В.Ломоносова. Активно участвует в работе Совета ветеранов 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса.

Пономарев Константин Сергеевич войну начал 22 июня 1941 года командиром танкового взвода. Участвовал в Тацинском танковом рейде. В танковых боях показал себя смелым и отважным. Войну окончил командиром танкового батальона в звании майора. По окончании войны продолжает службу в Вооруженных Силах. В настоящее время на ответственной работе в Министерстве обороны СССР в звании генерал-майора.

Константин Сергеевич принимает активное участие в военно-патриотической работе с молодежью.

Интересно сложилась жизнь одного из старейших танкистов - Никиты Григорьевича Попова. В их семье было четыре брата - Федор, Иван, Александр и Никита. В 1938 году родители Поповых Григорий Сидорович

и Ольга Васильевна обратились к наркому обороны Клименту Ефремовичу Ворошилову с просьбой направить всех четырех братьев в танковые войска. Все они были призваны и направлены в Харьковское танковое училище, где составили танковый экипаж. По окончании училища в 1940 году каждому из них было присвоено звание лейтенанта. Трое из них начали войну в 1941 году 22 июня в одном батальоне в составе II-й танковой дивизии, которая в сентябре 1941 года была преобразована в 132-ю танковую бригаду, а в январе 1942 года за отвагу и героизм, проявленные в боях за нашу Родину, при освобождении Ростова была преобразована в 4-ю гвардейскую танковую бригаду.

Федор Попов, лейтенант, командовал 2-й танковой ротой, в 1942 году был тяжело ранен; уволился из армии в 1946 году, имел орденское звание майор.

Иван Попов, старший лейтенант, погиб в боях на Курской дуге в 1943 году.

Никита Попов командовал взводом, танковой ротой, закончил войну командиром танкового батальона. В настоящее время генерал-лейтенант, доктор военных наук, профессор академии Генерального штаба. Ведет большую научно-исследовательскую и воспитательную работу, принимает активное участие в военно-патристическом воспитании молодого поколения.

Показательна судьба однополчанина-тащинца Игнатия Петровича Антонова. Она характерна для многих советских людей.

Он родился в 1922 году в крестьянской семье в деревне Будница Витебской области. С ранних лет начал трудовую деятельность. Был пастухом, затем учился, окончил фельдшерскую школу в Витебске. Профессия медика ему была очень по душе, мечтал продолжить учебу, но грянула война, и Игнатий Петрович одел военную форму в июне 1941 года и до окончания войны был в действующей армии. Воевал И.П. Антонов военфельдшером батальона в 25-й гвардейской танковой бригаде 2-го гвардейского Тащинского танкового корпуса.

Участвовал в операции "Малый Сатурн" в Тацинском танковом рейде, на Курской дуге, в боях за освобождение Ельни и Смоленска, Белоруссии и Литвы и в Восточно-Прусской операции.

В 1945 году И.П.Антонов уволился в запас. В январе 1946 года поступил в Минский медицинский институт и в 1950 году окончил его с отличием. По окончании института работал в Белорусском научно-исследовательском институте неврологии, нейрохирургии и физиотерапии в должности младшего, старшего сотрудника, ассистента, доцента кафедры. С марта 1962 года - директор института.

И.П.Антонов академик АН БССР, член-корреспондент АМН СССР, заслуженный деятель науки, доктор медицинских наук, профессор. Он автор 338 научных работ, в том числе шести монографий, имеет 4 авторских свидетельства. За время своей деятельности им подготовлено 13 докторов и 25 кандидатов наук. К наградам военного времени прибавились награды за мирный труд - орден Трудового Красного Знамени и орден Дружбы народов.

Игнатий Петрович принимает активное участие в военно-патриотической и воспитательной работе.

Мне периодически приходится встречаться с Николаем Ивановичем Бочковым и каждая из встреч доставляет большое удовлетворение. Его всегда отличает внимательное и теплое отношение к людям, проявление заботы о них.

Николай Иванович, будучи командиром танка 26-й гвардейской танковой бригады, принимал участие в битве за Сталинград, в боях за освобождение г.Харькова, в танковом сражении на Курской дуге, проявил себя смелым и решительным в бою. Был тяжело ранен и контужен. В 1944 году уволен в запас по состоянию здоровья. Проявил большую волю и стремление принести как можно больше пользы государству. Окончил институт и включился в активную трудовую деятельность. За послевоенные годы вырос до первого заместителя заведующего отделом ЦК КПСС.

Николай Иванович принимает активное участие в работе Совета ветеранов 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, лично участвует в воспитании трудящихся и молодого поколения. К наградам военного времени добавились ордена за трудовую доблесть: "Знак Почета"; Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, Октябрьской Революции.

Летом 1942 года в корпус прибыл младший лейтенант Горягин Николай Иванович в расцвете сил, энергичный, с комсомольским задором. В Тацинском танковом рейде его взвод в боях за Тацинскую первым ворвался на вражеский аэродром, давя гусеницами танка и расстреливая из пушки немецкие самолеты. В бой был тяжело ранен. Из госпиталя он вернулся в свой родной батальон. В боях на Курской дуге был вновь ранен и в третий раз контужен при освобождении г.Ельни.

В июне 1944 года по состоянию здоровья был уволен из рядов Советской Армии. Вернулся с фронта, пошел на комсомольскую работу, затем на партийную работу - секретарем Полтавского райкома партии на целине. Награжден орденами, медалями и Большой серебряной медалью ВДХ.

В настоящее время проживает в Омске. Персональный пенсионер, Николай Иванович ведет большую работу по патриотическому воспитанию, награжден почетной грамотой обкома партии и облисполкома за активное участие в военно-патриотическом воспитании молодежи.

Большую работу ведут ветераны корпуса по военно-патриотическому воспитанию трудящихся и молодого поколения. Организующим звеном, штабом здесь выступает Совет ветеранов, ветеранские группы.

В городе Минске, там где ветеранам-тацинцам довелось вести тяжелую, но почетную борьбу с врагами за освобождение советской Белоруссии, в 1964 году был создан Совет ветеранов 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса.

Большую работу по созданию Совета ветеранов-тацинцев, разбросанных по городам и селам нашей Родины, провели ветераны Минской группы - Н.П.Едич, В.Я.Маленко, И.П.Чайка, И.П.Антонов и многие другие.

В течение ряда лет с 1964 г. председателем Совета ветеранов корпуса работал полковник Николай Павлович Юдин - участник Великой Отечественной войны с июня 1941 года и до ее окончания. В составе 2-го гвардейского танкового корпуса - с мая 1942 года. Секретарь партбюро батальона, военком и зам. командира по политчасти мотострелкового батальона, зам. командира ^{2-й бат. мотострел. бригады} по политчасти батальона связи, зам. начальника политотдела ^{2-й бат. мотостр. бригады} танковой бригады. С 21 февраля 1944 года и до окончания войны работал инспектором в политуправлении фронта.

В настоящее время Н.П.Юдин проживает в г.Минске, продолжает трудиться в народном хозяйстве, ведет большую военно-патриотическую работу, является председателем Минской группы ветеранов-тацинцев.

После перестройки ветеранской работы (с 1975 года) Совет ветеранов 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса находится в Москве. Его председателем был избран генерал-майор Иван Александрович Чернышев, бывший начальник политотдела, заместитель по политчасти командира корпуса, участник Великой Отечественной войны с 1941 по 1945 гг. Во 2-м гвардейском танковом корпусе с 1943 года. Участвовал в Сталинградской и Курской битвах, в освобождении Ельни и Смоленска, Литвы и в разгроме врага в Восточной Пруссии. Его ратный труд высоко оценен Родиной - он был награжден многими орденами и медалями.

Иван Александрович многое сделал по активизации ветеранской работы, пропаганде героических подвигов тацинцев, воспитанию молодого поколения. Под его руководством был создан музей в Москве "Боевой путь 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса", который явился примером создания таких музеев в школах и городах по месту жительства и работы ветеранов.

В 1960 году председателем Совета ветеранов был избран генерал-лейтенант Виктор Кузьмич Шанин. Он прошел в составе корпуса славный боевой путь от Сталинграда до Кенигсберга. Участник Тацинского танкового рейда, Прохоровского танкового сражения на Курской дуге.

принимал участие в освобождении Ельни, Смоленска, Белоруссии, Литвы. Почетный гражданин Тацинской.

Виктор Кузьмич, имея большой практический опыт работы в войсках, будучи офицером штаба бригады, начальником штаба и командиром 26-й гвардейской танковой бригады, внес большой вклад в активизацию и расширение ветеранской работы, героико-патриотического воспитания молодого поколения ветеранами по месту жительства и работы ветеранских групп.

Вот уже несколько лет председателем Президиума Совета ветеранов работает бывший начальник политотдела 4-й гвардейской Минской танковой бригады полковник Петр Степанович Чегодарь.

Ветеран партии, ветеран войны, ветеран Вооруженных Сил, прослужил в армии около 40 лет, прошел путь в танковых войсках от командира взвода, политрука, командира танковой роты до начальника политотдела танковой дивизии. Войну он начал в июне 1941 года на Западном фронте в Белоруссии. Был военкомом батальона, заместителем начальника отдела кадров политуправления Западного, затем 3-го Белорусского фронтов, начальником политотдела танковой бригады 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса. По окончании войны работал в политуправлении Сухопутных войск, начальником политотдела танкового соединения, инспектором Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Петр Степанович Чегодарь целеустремленно осуществляет руководство деятельностью Совета ветеранов, направляет работу ветеранских групп и ветеранов. Периодически организует обмен опытом ветеранской работы, много уделяет внимания организации традиционных встреч ветеранов, поддержанию связи с местными партийными и советскими органами, воинскими частями. Ведет большую переписку со школьными музеями и поисковыми группами. Часто выступает перед трудовыми коллективами и молодежью.

Несколько лет подряд заместителем Председателя Президиума Совета избирается полковник Чубарец Михаил Дмитриевич. Проходя службу в Военной академии бронетанковых войск, Михаил Дмитриевич активно работает в Совете, большую работу проводит при подготовке организации юбилейных встреч ветеранов корпуса, под его непосредственным руководством печатаются в типографии академии поздравительные открытки, пригласительные бланки, выделение автотранспорта и другие мероприятия выполняются в работе с молодежью в школьных музеях и комнатах боевой славы тацинцев. Михаил Дмитриевич прибыл в корпус с молодым пополнением 17-летним паренком перед Белорусской операцией, закончил войну сержантом ^{мех} водителем 4 гв. ~~полка~~ ТБр. Многие годы секретарем Совета работает полковник в отставке Флегентов Вячеслав Иванович - участник Великой Отечественной войны с июня 1941 года и до ее окончания. Начав войну командиром бронемашин, танка, он вырос до старшего инструктора политотдела 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса. Участник Тацинского танкового рейда в Сталинградской битве, он освобождал Смоленск, Белоруссию, Литву, участвовал в боях Восточно-Прусской операции за Кенигсберг. Вячеслав Иванович, закончив войну в звании майора, продолжал службу в Вооруженных Силах, вырос до полковника, ответственного работника Генерального штаба. После увольнения в запас продолжает самоотверженно трудиться на благо нашей Родины, активно участвует в военно-патриотической воспитательной работе с молодежью. Вячеслав Иванович много сил и труда вкладывает в работу Совета ветеранов, часто выступает в воинских частях и перед школьниками, заботливо относится к письмам ветеранов. Совет ветеранов оказывает большую помощь в организации и направлении военно-патриотической работы в ветеранских организациях Минска, Искова, Ленинграда, Тулы, Чебоксар, Саратова, Волгограда, Киева, Северного Кавказа и другим группам корпуса. Председателями ветеранских групп работают ветераны-тацинцы, проявившие себя в годы войны и послевоенное время.

Исковскую группу возглавляет гвардии майор Спирков Александр Егорович. В корпусе он с первых дней его формирования. Участвовал в боях Тацинского танкового рейда, на Курской огненной дуге, в освобождении Ельни и Смоленска, Белоруссии, Литвы и в боевых действиях Восточно-Прусской операции.

Активно участвует в работе областного штаба походов по местам боевых действий 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, от Орши, Минска, Вильнюса и до Кенигсберга/ныне, Калининграда.

Ленинградскую группу возглавляет гвардии майор Зацепин Михаил Алексеевич - участник Великой Отечественной войны с июня 1941 года и до ее окончания. В 1946 году с должности полкового инженера уволился на заслуженный отдых, активно включился в военно-патриотическую работу по воспитанию молодого поколения.

Тульскую группу ветеранов возглавляет гвардии рядовой Бобков Ерий Никитич. В боях за Оршу был тяжело ранен, в сентябре 1944 года вернулся из госпиталя, участвовал в освобождении Литвы, в боях в Восточной Пруссии был вторично ранен. После войны уволился в запас, окончил институт, работает главным архитектором на заводе им. С.М. Кирова в Туле.

Чебоксарскую группу возглавляет гвардии сержант Шумилов Иван Петрович. В должности старшего радиотелеграфиста прошел с боями от Сталинграда до Кенигсберга. В 1946 году уволился из кадров, работает старшим машинистом цеха в г.Чебоксары. Активно участвует в военно-патриотическом воспитании трудового коллектива, молодого поколения.

Саратовскую группу возглавляет гвардии сержант Потапов Михаил Тихонович, бывший механик-водитель танка. Участвовал в боях в Таццинском танковой рейде, был тяжело ранен, был инвалидом III группы. После окончания войны закончил институт. Сейчас он инженер автомобильного транспорта в г.Саратове.

Волгоградскую группу возглавляет гвардии капитан Рагулин Василий Мефодиевич. В составе корпуса он прошел с боями от Сталинграда до Кенигсберга. Награжден многими орденами и медалями. После увольнения из кадров самоотверженно трудится в народном хозяйстве. Ведет большую работу по воспитанию молодого поколения.

Совет ветеранов, ветеранские группы проводят большую работу по организации военно-патриотического воспитания трудящихся, молодого поколения, воинов, школьников, призывной и допризывной молодежи.

В центре внимания Совета ветеранов, ветеранских групп находится героико-патриотическое и интернациональное воспитание на революционных, боевых и трудовых традициях нашего народа под девизом "Никто не забыт и ничто не забыто". Для этого используются разнообразные формы и методы.

Так, в воспитании школьников, допризывной молодежи опорными пунктами являются школьные музеи. Например, центром героико-патриотической работы в Москве является музей Боевой славы 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, созданный ветеранами и учащимися ПТУ-60, такие же музеи имеются в ветеранских группах при школах и ПТУ. Стала правилом регулярная встреча ветеранов со школьниками. Ветераны - желанные гости в школах, вузах, на предприятиях и в учреждениях. Они - живые участники героической битвы с фашизмом, охотно делятся своими воспоминаниями. И не случайно возрос у школьников интерес к героическим делам ветеранов. Если пять лет тому назад было школьных музеев 20, то сегодня их 47, в том числе 35 - в школах и училищах, 2 - при Домах пионеров. Сегодня школьные музеи имеются на материалах боевого пути корпуса в Москве, Минске, Пскове, Ленинграде, Туле, Смоленске, Орше, Тацинской, Гусеве, Нестерове, Вилковицках, Козлова-Руде, Чебоксарах, Саратове, Томске и других городах и поселках нашей страны.

В школах регулярно проводятся уроки мужества, День мира, День знаний. Многие учащиеся участвуют в поисковых, следопытских группах, принимают участие в оформлении музеев, участвуют в походах по местам революционной, боевой и трудовой славы нашего народа. Музеи по праву становятся опорными пунктами военно-патриотической работы.

Во многих музеях школьники ведут переписку с теми, кто пошел после школы в военные училища, призваны в армию, принимают рапорта от вернувшихся после службы в Вооруженных Силах. В этой работе школьникам помогают ветераны войны.

В Москве в Колонном зале Дома Союзов прошел слет красных следопытов профтехучилищ г.Москвы. На слете присутствовало 1500 человек. В дни слета состоялась встреча следопытов с ветеранами 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса с выносом боевых знамен корпуса и бригад. Слет прошел под девизом "Подвиг героев-отцов продолжать вынуждены". Выступавшие ветераны корпуса рассказывали о боевом пути корпуса и его боевых делах в годы войны. Рассказали о боевых знаменах гвардейцев.

В день 40-летия Тацинского танкового рейда в Сталинградской битве 45 ветеранов корпуса приняли участие в слете молодых передовиков Тацинского района Ростовской области. Слет прошел с выносом боевых знамен корпуса, доставленных из Центрального музея Вооруженных Сил.

Важное место в работе ветеранов занимает работа с воинами воинских частей, допризывной и призывной молодежью. Делегации Совета ветеранов периодически выезжают в Тацинское соединение для встреч с молодыми воинами.

Большой интерес вызывают традиционные встречи ветеранов. Они обогащают нас опытом трудовых достижений советского народа и опытом воспитательной работы. Эти встречи привлекают к себе широкий круг не только ветеранов, но и населения и особенно молодежи. Традиционные встречи проводятся в День Победы, День танкистов, в годовщину формирования корпуса, посвящаются важнейшим событиям Великой Отечественной войны. Так, например, проходили встречи, посвященные 35-летию Победы в г.Белгороде, 35-летию освобождения Белоруссии в кинотеатре "Минск" в Москве и в г.Минске, 35-летию и 40-летию образования корпуса в Москве, 35-летию и 40-летию Тацинского танкового рейда в Сталинградской битве - в Тацинской Ростовской области.

Организованно проходят встречи в парках культуры в Москве, Ленинграде, Пскове, Минске, Кишиневе и других городах страны в День

Победы, День танкистов, на которых выступают ветераны 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса.

С большим интересом и активно прошла в 1984 году встреча с трудящимися в городе Минске, посвященная 40-летию освобождения Белоруссии. К этой встрече мы готовились обстоятельно. Была разработана программа пребывания ветеранов в Минске, встреч с трудовыми коллективами.

В городе-герое Минске трудящиеся встречали ветеранов с хлебом-солью, цветами. Среди встречавших были представители ЦК Компартии Белоруссии, горкома партии, Ленинского районного комитета партии и райкома комсомола. Всего прибыло на встречу 180 ветеранов-однополчан из 62-х городов страны, в том числе и Дальнего Востока.

Белорусская республика тепло встречала всех ветеранов. Здесь мы увидели своими глазами, как советский народ за неимоверно короткий срок не только возродил разрушенные города и села Белоруссии, но и построил новые большие города, передовую промышленность и сельское хозяйство. Здесь мы вновь увидели жизнерадостных, добрых, чрезвычайно гостеприимных и очень трудолюбивых людей.

Разъехавшись по городам и селам нашей Родины, ветераны увезли в своих сердцах глубокую благодарность к трудящимся за их огромный труд, заново возродивший республику.

Каждая такая встреча дает нам, ветеранам, новый прилив сил и энергии в военно-патриотической работе на благо нашей Родины. Ветераны не уходят в отставку и на заслуженный отдых, они всегда в строю активных бойцов нашей ленинской Коммунистической партии.

Голос ветеранов войны - самый авторитетный голос. К нему прислушиваются люди самых различных общественных групп, профессий и возрастов. Вот почему ветераны считают своим долгом всемерно усиливать военно-патриотическую воспитательную работу, быть в первых рядах борьбы за предотвращение угрозы ядерной катастрофы, за мир и безопасность народов.

Память о мужестве и героизме воинов-тащинцев живет среди народа. Любовь, уважение советского народа к ветеранам проявляются в заботе и внимании к фронтовикам, увековечивании их подвигов. По решениям городских районных исполкомов народных депутатов воздвигнуты памятники, обелиски, мемориалы и мемориальные доски в честь подвигов воинов 2-го гвардейского Тащинского танкового корпуса.

20 памятников установлено в городах и поселках нашей страны тащинцам. Памятники-танки стоят в Тащинской, Ельне, Смоленске, Минске, Чебоксарах, сооружен мемориал в Тащинском районе. 17 тащинцев являются почетными гражданами городов и поселков, 17 улиц, парков культуры, городов и поселков, кинотеатров, Домов пионеров, школ носят имена наших гвардейцев.

Никто не забыт, ничто не забыто!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все мы, гвардейцы корпуса, гордимся тем, что нам довелось участвовать в крупнейших операциях Великой Отечественной войны. Наши успехи в каждой операции, участниками которых мы были, определялись тем, что мы отдавали себя целиком своему делу, стремлению выполнить до конца задачи, которые ставило перед нами высшее командование, а для этого необходимо было иметь крепкий, здоровый, хорошо подготовленный коллектив. Он и был таким. Цементирующей сплочающей силой в нашем коллективе были коммунисты, комсомольцы, которые всегда были на высоте понимания и ответственности за выполнение тех задач, которые стояли или ставились перед нами.

Сплоченный коллектив сам по себе не рождается, надо ежедневно работать, воспитывать, учить подчиненных и учиться самому.

Конечно, было у нас много и недостатков, слабых мест, но мы всегда стремились понять их причины, помочь и научить их исправлять и не повторять. Этому учила нас война, где за каждую ошибку платили своей кровью.

Первая и трудная операция, научившая нас многому - Сталинградская битва. 24-й танковый корпус совершил в ней беспрецедентный рейд в тыл врага. Этот рейд имел большое значение для всей Сталинградской битвы. Боевые действия танкового соединения в глубоком тылу врага не были для нас "открытием". Теорию этого вопроса мы изучали еще до войны в академиях и на учениях и маневрах, а практика войны показала и подтвердила наши возможности осуществить их.

Вместе с этим практика показала и наши слабые места: мы не смогли до конца использовать успех этого рейда - закрепить его. Предназначавшиеся для этой цели большие силы 3-й гвардейской армии, 1-й механизированный и 25-й танковый корпуса не подошли вовремя. Слабо решались задачи воздушного прикрытия от налетов авиации противника, воздушной разведки, да и ударов с воздуха по подходящим резервам по существу не было. Слабо была решена проблема подачи материальных ресурсов корпусу - боеприпасов, горючего, вывоза раненых из глубины и ряд других проблем. Усиление корпуса воздушным десантом в то время вообще не предусматривалось.

Особенно памятные дни жестоких боев оставила у всех ее участников Курская битва, где окончательно решалась судьба нашей Родины, 2-й гвардейский танковый корпус принимал самое активное участие в отражении наступления фашистских полчищ в период оборонительного сражения. Гвардейцы этого корпуса, совместно с другими танковыми соединениями три раза наносили сокрушительные удары по войскам врага (6, 8 и 12 июля), в том числе 12 июля под Прохоровкой, где в пороховом дыму, орудийном огне со страшной силой столкнулось колоссальное количество танков, артиллерии, авиации. В этом огне советский воин нанес решающее поражение врагу.

Как и в Сталинградской битве, так и здесь Верховное Главно-

командование проявило большую и дальновидность и мудрость, приняв решение встретить и разгромить противника в оборонительном сражении, а затем в ходе контрнаступления добить его и поставить врага на грань полного поражения. В этом было заложено большое начало.

Наш советский воин хорошо понимал значение этого решения - принять удар противника, обессилить и обезоружить врага в обороне, а затем переходом в наступление окончательно разгромить его. Чтобы принять такое решение нужна была абсолютная вера в победу. И Советский воин выполнил его классически.

Для того, чтобы наше убеждение осуществить, нам необходимы были огромные материальные резервы. Как нигде здесь были проявлены и огромная сила и единство народа и армии в достижении единой цели. Страна дала нам все, что необходимо было: танки, самолеты, пушки, снаряды, горючее и многое другое. Народ верил в свою армию, и воин оправдал это доверие.

И здесь, как и в прошлых сражениях, мы постоянно учились и многому научились.

В Белорусской операции танковый корпус выполнял также задачи подвижной группы фронта и выполнил ее успешно, в чем читатель сможет убедиться. В ходе войны воины мужали, накопили большой опыт и с ним уверенность.

Характерной особенностью действий танкового корпуса в этой стратегической операции было и возросшее мастерство наших солдат и особенно офицерского состава. Резко увеличились возможности нашей страны, давшей нам новые танки, способные поразить своим огнем любые танки врага. Значительно изменился характер использования танковых соединений, предназначенных для развития наступления стрелковых войск. Корпус, как и другие танковые и механизированные соединения фронта, получил возможность широкого маневра в оперативной глубине обороны противника, где использовал все свои боевые качества - скорость, броню, огонь, помноженные на смелость и волю советско-

зоны обороны противника и поэтому полностью сохранил свои силы для действий в оперативной глубине.

В этой операции мы имели хорошую и постоянную связь с авиационными соединениями, с которыми мы разделили свои успехи. Слабым звеном оставалось локальное зенитно-артиллерийское прикрытие, главным образом разности ходовых возможностей, исключавших одинаковый маневр.

От всех операций отличалась Восточно-Прусская операция. Мы плохо знали особенности театра военных действий на этой территории, поэтому и встретились с большими сложностями при преодолении глубоководной обороны, которая резко отличалась от наших представлений о ней.

И все же, несмотря на большие трудности, мы нашли способы и возможности прорвать и такую оборону. Перед советскими войсками не стояли ни долговременные укрепления, ни крепостные сооружения, ни отборные фашистские войска. Успешное наступление наших войск в Восточной Пруссии исключило у противника всякую возможность маневра своими силами и средствами с севера и создало более благоприятные условия для развития нашего наступления на главном — берлинском направлении. Силы врага разрывались на части. В этом, мне кажется, была суть стратегического замысла в последний год войны.

Разгромив врага в Восточной Пруссии, мы приблизили день нашей Победы.

Может быть и несколько повторился, но читатель убедился, как я полагаю, как сложен и труден был путь 2-го гвардейского танкового корпуса. Гвардейцы-тащинцы, по нашим скромным подсчетам, прошли около семи тысяч километров и почти все с боями.

На этом бесконечно длинном и долгом пути все было — и ошибки, и недостатки, и промахи у каждого из нас, но в главном мы были едины и до конца выполнили свою клятву и свой святой долг перед своим народом, перед Родиной.

За все время боевых действий гвардейцы-тащинцы уничтожили и захватили; танков - 947; самоходных установок - 356; орудий полевой артиллерии - 1816; минометов - 650; бронемашин и автомашин - 8000; пулеметов и автоматов - 18350; железнодорожных эшелонов - 26; военных крупных складов с боеприпасами, горючим, продовольствием и военно-техническим имуществом - 99; солдат, офицеров и генералов - 79945, и хотя танкисты в воздушных боях не участвовали, но на аэродромах и в воздухе уничтожили более 450 самолетов противника.

Это наш гвардейский вклад в ратный труд Красной Армии.

Двадцати двум наиболее отличившимся воинам было присвоено звание Героя Советского Союза, награждены орденом Ленина - 29 человек, орденом Красного Знамени - 206, орденами Суворова 2 и 3-й степени - 13 человек, орденом Кутузова - 3 человека; орденами Отечественной войны I и 2-й степени - 1345 человек, орденом Красной Звезды - 3080 человек, орденом Славы 2 и 3-й степени - 497 человек, медалью "За отвагу" - 4736 человек, медалью "За боевые заслуги" - 2278 человек. Всего - 12628.

В этих высоких наградах нашей Родины мы видим признание наших заслуг, признание того, что все гвардейцы 2-го танкового корпуса оправдали доверие нашей партии, нашего народа и выполнили клятву, данную ими перед боевыми знаменами.

На пороге 40-летия нашей Победы в Великой Отечественной войне мне как бывшему командиру 2-го гвардейского Тащинского танкового корпуса хочется выразить глубокие чувства уважения, признательности, чувства боевой дружбы и благодарности всем нашим гвардейцам за огромный труд, который они вложили в дело нашей Победы.

Хотелось бы выделить тех, на ком непосредственно лежала вся ответственность за воспитание своих подчиненных, за их выучку, организацию и осуществление поставленных перед нами боевых задач - коммунистов-командиров единоначальников, таких как П.Д.Говоруненко, В.И.Полозков, О.А.Лосик, С.К.Нестеров, М.Т.Шевченко, С.М.Бульгин, В.Д.Савченко, М.С.Антипин, П.А.Зелосеев, Д.Я.Клинтфельд; подполков-

ников - В.К.Ланина, Т.П.Зотова, Д.М.Степанова; майоров - И.Ф.Лоленко, И.А.Денисова, А.С.Бибикова, К.Г.Будрина, А.А.Кучеренко, П.Ф.Клочко, Мамалуй, М.Е.Нечаева, И.И.Линника, И.Н.Титова, А.Н.Мельникова, Н.А.Фомина. М.П.Белюсева, А.С.Жакова, К.С.Пономарева, П.Я.Шевалдина и многих-многих других ~~были~~ храбрых, умелых и инициативных организаторов танковых и мотострелковых атак.

Первыми помощниками, верными друзьями и товарищами были заместители командиров по политической части и политработники - И.З.Бахтин, А.И.Сверчков, И.А.Чернышев, А.К.Кропотин, А.П.Чужайкин, А.А.Крыжановский, П.С.Чегодарь, П.П.Слепов, А.Г.Гетман, К.И.Ромакин, Г.П.Калитенко, Н.П.Юдин, В.И.Флегентов, Н.М.Аксенов, Н.И.Фенога, А.Н.Баренбойм, А.С.Полежаев, И.И.Иванов, И.Н.Толок, С.Ф.Шайков, В.Г.Новоселов, Н.П.Чайка, В.А.Целебровский, Н.И.Белецкий, И.Н.Бухреев, Д.И.Моисеенко, Т.П.Стрелец, А.А.Головастикив, С.И.Турин, А.С.Махтеев, А.В.Андреевков, А.А.Бороздин, П.Б.Стадник и другие. Они умело осуществляли партийное руководство и политическую работу во все периоды войны, мобилизуя весь личный состав корпуса и в первую очередь коммунистов и комсомольцев на выполнение всех задач, которые ставились перед нами.

Надежными помощниками командиров были начальники штабов и оперативные работники - А.Ф.Караван, С.Д.Лаврентьев, Н.Р.Репин, В.Я.Маленко, Б.П.Товаченко, Г.Г.Мокрицкий, Н.А.Федчик, М.В.Прокопенко, П.П.Чепков; артиллеристы - Б.В.Лубман, В.М.Шилов, И.П.Латочкин; разведчики - В.М.Кузнецов, С.Г.Метлов, Г.П.Сбитнев, Д.И.Земляков, Г.Г.Петрова; офицеры инженерно-танковой службы - В.И.Орлов, М.И.Шапкин, А.Ф.Кремнев, Я.Н.Эпштейн, Павлик, Н.Ф.Панин, офицеры инженерно-саперной службы - В.Л.Федоров, А.Н.Мельников, В.В.Овчинников, И.И.Штейман, М.А.Зацепин; связисты - Б.Д.Геллер, Л.Д.Шаршун, И.Т.Котов; офицеры тыловой и медицинской службы - Г.Н.Гаврилов, С.С.Колоколов, Н.Я.Михальченко, А.И.Гржесяк, А.С.Задонцев, И.Т.Миленький, И.П.Антонов, Н.С.Лейсверидзе, П.П.Слесаренко, Н.А.Бульгина и многие другие.

В годы войны у руководства Вооруженными Силами стояли талантливые полководцы, такие как Верховный Главнокомандующий И.В.Сталин, Г.К.Жуков, А.М.Василевский, командовали фронтами К.К.Рокоссовский, В.Д.Соколовский, И.Х.Баграмян, Н.Ф.Ватутин, И.Д.Черняховский, под началом которых нам довелось выполнять боевые задачи.

Некоторые из них - А.М.Василевский, И.Д.Черняховский, Н.Ф.Ватутин бывали у нас в корпусе, проверяли нашу боеготовность, передавали свой большой опыт и знания - как лучше организовать и выполнить наши задачи.

Думаю, что следует вспомнить добрым словом Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина, на которого партия возложила самую трудную и сложную задачу осуществлять руководство всеми Вооруженными Силами в течение всех тяжелых лет войны. В нем мы видели мудрость нашей партии, а с ней и залог нашей Победы.

И.В.Сталин хорошо знал кадры всей армии, не только фронтов и армий, но и всех соединений и, особенно, танковых и механизированных, в чем читатель убедился из уже прочитанного материала.

Все мы хорошо понимаем, что Победа над злейшим врагом - фашистской Германией - далась нам не легко. Много жизней пало в годы тяжелейшей войны. Огромные разрушения принесла нам эта война, но мы победили. Причины нашей победы для всех видны и ясны.

Теперь все прогрессивное человечество понимает и видит, что наши успехи в боях и мирном труде явление неизбежное, потому что у руководства нашей страной стояла и стоит мудрая, закаленная в боях со всеми врагами трудового народа Коммунистическая партия Советского Союза, сумевшая в тяжелые годы войны объединить под знаменем Ленина все народы нашей огромной многонациональной Родины и направить к единой цели - к Победе.

Все людские и материальные ресурсы также были использованы в интересах одной цели - отстаивать независимость нашей Родины и победить врага. Никто другой этого сделать был не в состоянии. В этом были заложены наши Победы.

